

**XX ВЕК И РОССИЯ:
общество, реформы, революции**

УДК 94(47)083.5

ББК 63.3(2)5+
63.3(2)6

XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. Вып. 8. – Электрон. дан. – Самара, 2020. – Режим доступа: <http://sbornik.libsmr.ru/>

Редакторы-составители:

к. и. н. А.В. Калягин, к. и. н. В.И. Гольцов, к. и. н. Я.М. Цыганова

Восьмой выпуск сборника содержит статьи и материалы, отражающие развитие российского общества в XX столетии.

Сборник предназначен для исследователей, преподавателей, студентов и всех, кто интересуется историей России.

знак информационной
продукции

12+

ISSN 2618-995X

© Авторы публикаций, 2020

© Самарская областная универсальная научная библиотека, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Статьи

- Калягин А.В. (Самара)** – Российская пресса периода Первой мировой войны: формирование образов «внутреннего врага» (июль 1914 – февраль 1917) 6
- Рассматривается формирование на страницах российских газет периода Первой мировой войны образов «внутреннего врага». На примере русских немцев, класса предпринимателей, органов и деятелей власти и местного самоуправления показано наделение их, в силу тенденциозного характера публикуемых материалов, отсутствия должного анализа фактов и их тщательной проверки, негативными чертами, превращающими их в глазах читателей во враждебные элементы, в источник острых стоящих проблем. Это содействовало не консолидации, а расколу общества в сложных условиях войны, создавало почву для развития бескомпромиссного противостояния, что впоследствии проявилось в связи с революционными событиями 1917 года.*
- Концевой И.А. (Москва)** – Роль левых эсеров в организации и деятельности Петроградского ВРК 25
- Выясняется роль левых эсеров в организации и функционировании Петроградского военно-революционного комитета. Анализируются практики сотрудничества с большевиками, а также возникающие в ходе совместной деятельности между представителями двух партий конфликты.*
- Дубровская Е.Ю. (Петрозаводск)** – Красная армия и воспитание «нового человека»: ожидания и просчеты военного строительства в Карелии в 1920-е годы 39
- На основе архивных документов по истории Отдельного карельского егерского батальона и красноармейских пограничных частей, дислоцированных в Карелии, исследуются нормы и ценности, которые во второй половине 1920-х гг. военное командование, партийное и государственное руководство республики предполагало сделать инструментом формирования «нового человека». Прослеживаются повседневные практики и новые идентичности военнослужащих, успехи и неудачи деятельности политорганов, рассматривавших РККА как школу строителей социализма.*
- Евсеева Т.И. (Тула)** – Детство строгого режима. (Особенности повседневной жизни детдомовцев в 1920-е гг. в Тульской губернии) 55
- На основе архивных документов воссоздается картина повседневной жизни детдомовцев в Тульской губернии в 1920-е гг. Показано их крайне тяжелое положение. Отмечается, что в его возникновении существенную роль играли не только объективные обстоятельства, но и субъективный фактор. Делается вывод, что условия жизни так называемых «государственных детей» зависели не столько от норм и правил, сколько от энтузиазма, профессионализма и элементарной порядочности руководства и воспитательно-педагогического коллектива детских учреждений, от ответственности, заинтересованности и энергии местного руководства.*

- Солодовникова Т.Н.** (Воронеж) – Документы фонда Воронежской губернской земской управы Государственного архива Воронежской области как источник по истории сельской кооперации Воронежской губернии начала XX века 67
Раскрывается значение документов фонда Воронежской губернской земской управы Государственного архива Воронежской области для исследования проблематики сельской кооперации в Воронежской губернии начала XX века.
- Сообщения и заметки**
- Землянский В.Л.** (Санкт-Петербург) – Приамурский Земский собор: создание, структура и заседания представительного органа власти Приамурского государственного образования 77
Освещается деятельность высшего представительного органа Приамурского государственного образования – Приамурского Земского собора, созванного летом 1922 г. с целью выбора формы правления на незанятой большевиками территории Приморья. Основное внимание уделено истории его создания, фракциям, комиссиям, а также работе делегатов на заседаниях Приамурского Земского собора.
- Старостин С.И.** (Вологда) – Механизм массовых политических репрессий 1937–1938 годов в Вологодской области (на примере газеты «Красный Север») 90
На примере сотрудников вологодской газеты «Красный Север» рассматривается история политических репрессий 1937–1938 гг. в период образования Вологодской области. С опорой на документы показан сфабрикованный характер дел, их необоснованность, даются биографические справки репрессированных.
- Соловьев Р.А.** (Брянск) – Сокращение Вооруженных Сил СССР 1953–1964 годов в воспоминаниях Н.С. Хрущева 108
С опорой на мемуары Н.С. Хрущева, содержащие в себе ценную информацию о реформе Вооруженных Сил СССР в 1953–1964 гг., дается оценка предпринятому сокращению их численности, выясняются его причины, мотивы и последствия.
- Шорохова И.В.** (Петрозаводск) – Иностранцы туристы в Карелии: становление туристической отрасли края в 1960-е годы 116
Рассматривается процесс становления туристической отрасли в Карелии в 1960-е гг. Выявлены достоинства и недостатки Карелии как туристского объекта, причины превращения Карелии в регион этнического туризма.
- Побегайлов О.А.** (Ростов-на-Дону) – Профсоюзы в политической и экономической жизни России конца XX – начала XXI века 124
Освещается организационное развитие профсоюзного движения в России в конце 1990-х – начале 2000-х гг., взаимоотношения между различными профсоюзными объединения по вопросу профсоюзной собственности, их участие в политической жизни. Делаются выводы о причинах, почему в России так и не появилось сильных профессиональных союзов.

Цымбалова А.Е. (Нижний Новгород) – Российский опыт разработки и трансформации систем мониторинга межнациональных отношений 134

Прослеживается история возникновения российской «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», рассматриваются особенности ее функционирования и трансформации. Кроме того, уделяется внимание и другим инициативам по разработке проектов в сфере этноконфессионального мониторинга, которые осуществлялись с 1990-х годов, проведен их сравнительный анализ.

Редкое издание

Я.Б. Шумяцкий. Революционная провинция. (Записки пролетария) 142
Подготовка публикации – *Гнётова Л.А.* (Самара)

Книжная полка

Из поступлений в Самарскую областную универсальную научную библиотеку 185

Калягин Андрей Владимирович

кандидат исторических наук

Самарская областная универсальная научная библиотека

**РОССИЙСКАЯ ПРЕССА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ «ВНУТРЕННЕГО ВРАГА»
(июль 1914 – февраль 1917)**

В современных условиях обострения информационного противостояния тема влияния прессы на общество приобретает особое значение. Необходимо учитывать и научную актуальность. Вряд ли кто станет оспаривать тот факт, что адекватно осмыслить ход исторических процессов, происходившие в их рамках события и их причины невозможно без учета общественного сознания, существовавших в социуме настроений, а следовательно, факторов, влияющих на их формирование, среди которых пресса занимала далеко не второстепенное место. Это отчетливо проявилось в период Первой мировой войны, вызвавшей рост интереса к газетному слову русского общества, особенно в среде ранее малочитающих его слоев, в том числе наиболее многочисленного из них – крестьянства, что отмечалось непосредственно и редакциями газет. Как писал «Сельский вестник», «сейчас газета в деревне явление уже не только не редкое, а обычное. Особенно интерес к газете возник в связи с войной, и всякая редакция, вероятно, на себе испытала увеличение тиража с открытием военных действий...»¹. Ситуацию подтверждали опросы, проводимые земскими статистическими бюро в различных губерниях страны (Архангельской, Московской, Симбирской)².

В свете указанного интерес представляет обращение жителей села Байрякова (Байряки) в Самарскую губернскую земскую управу (август 1916 г.) с просьбой открыть библиотеку-читальню с книгами и газетами, так как «благодаря отсутствию газет распространяются самые нелепые слухи о театре военных действий, подрывая доверие населения к нашей армии и веру в победу»³. Обращение не только подтверждает интерес деревни к газетному слову, но и свидетельствует о степени доверия к нему (остальное – «нелепые слухи»), тем самым и о его влиянии.

В постсоветской отечественной историографии тема Первой мировой войны заняла прочное место. Существенно расширился круг изучаемых вопросов, в частности, в сферу

---

¹ Сельский вестник. [Пг.], 1915. 3 июня.

² Сибирская жизнь. [Томск], 1915. 9 мая; Архангельск. 1916. 24 сентября.

³ Новое время. [Пг.], 1916. 31 августа (13 сентября).

исследовательского интереса попало отражение в отечественной периодике образов внешнего врага⁴. Тем не менее за пределами внимания все еще остается имеющая не меньшее значение проблема формирования российской периодической печатью образов «врага внутреннего».

Косвенно вопрос был затронут В.В. Карповым, который на основе анализа материалов широкого круга российских газет показал представленный в них нелицеприятный портрет русских социальных верхов, их «выходящее за рамки приличия» поведение. Это позволило ему сделать вывод, что война вместо того, чтобы объединить страну, напротив, привела к расколу общества⁵. Однако акцент исследователь сделал не на оценке содержания прессы с точки зрения ее места и роли в деле формирования соответствующего образа российских «хозяев жизни», но именно на разложении данного слоя. К тому же «пирующие во время чумы» социальные верхи были отнюдь не единственным элементом, который нашел отражение на страницах газет и мог негативно воздействовать на сознание общества.

М.В. Лыкосов рассмотрел изменение отношения к классу русских предпринимателей в правоконсервативной печати⁶. Автор пришел к выводу, что с осени 1915 г. в крайней правой печати именно предпринимательский элемент превратился в основного врага

⁴ *Акопов А.А.* Формирование образа врага на страницах газеты «Северокавказский край» в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2008; *Абдрашитов Э.Е.* Российские подданные в Германии в августе 1914 г. и формирование образа германского врага в годы Первой мировой войны // Научная электронная библиотека «Киберленинка»: сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-poddannye-v-germanii-v-avguste-1914-g-i-formirovanie-obraza-germanskogo-vraga-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 17.07.2019); *Богомолов И.К.* Образ противника в русской периодической печати 1914–1915 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015; *Братолобова М.В.* Визуализация «образа врага» в период Первой мировой войны в донской сатирической графике // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электрон. сб. Самара, 2014. Вып. 2. С. 153–162. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=11> (дата обращения: 15.03.2019); *Крючков И.В.* Россия и мир: формирование образа «австро-венгерского врага» в годы Первой мировой войны (на примере газеты «Северокавказский край» в 1914–1915 гг.) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2002. № 29. С. 81–86; *Петрова О.В.* Образ врага в юмористических еженедельниках Петрограда в годы Первой мировой войны // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16–18 марта 2017 г. СПб., 2017. С. 152–156; *Цыкалов Д.Е.* Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1. С. 85–90; *Эйдук Д.В.* «Образ врага» и перспективы войны в русской периодической печати в 1914–1915 гг.: по материалам газеты «Утро России»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008; и др.

⁵ *Карпов В.В.* На пути к 1917 году: драма русского общественного самосознания // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электрон. сб. Самара, 2017. Вып. 5. С. 170–191. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=14> (дата обращения: 15.03.2019).

⁶ *Лыкосов М.В.* Антибуржуазная кампания в русской консервативной печати периода Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 6. С. 17–22.

русского народа: «...В представлении правых публицистов именно буржуазия становилась теперь главным "кровопийцем народным", оттеснив с этих позиций даже "евреев и немцев"»⁷. Проблема в том, что составившие источниковую базу статьи Лыковского газеты («Русское знамя», «Земщина», «Московские ведомости») в значительной степени отражали черносотенные взгляды. Это не позволяет говорить ни о полноте картины, ни о широком воздействии создаваемого подобной прессой образа на сознание социума, но лишь выявляет эволюцию взглядов его черносотенно-консервативного крыла, что, собственно говоря, и ставил своей целью исследователь⁸.

Отражению в русской периодической печати в годы Первой мировой войны образа прибалтийских немцев уделила внимание Н.В. Морозова⁹. Автор ограничила, однако, рамки изучения вопроса не только в национально-территориальном плане (остзейские немцы), но и тематически, по сути сведя ситуацию к одной фабуле – «шпиономания»: «Многочисленные сюжеты, перекочевывающие из номера в номер, были стереотипными и сводились к одной главной идее: все немцы без различия пола, возраста, рода занятий являются шпионами»¹⁰.

Очевидно, что вести речь о наличии в научной литературе исчерпывающего представления о формируемых российской периодической печатью в годы Первой мировой войны образах «внутреннего врага», а тем самым о ее воздействии на сознание, настроение, поведение как общества в целом, так и его отдельных слоев и групп, пока не приходится. Вопрос требует дальнейшего изучения.

Все многообразие элементов (социальных, политических, этнических, конфессиональных), которые нашли отражение на страницах газет, и в большей или меньшей степени оказывались наделены чертами, позволяющими характеризовать их как «внутреннего врага», в рамках отдельной статьи охватить не представляется возможным. Остановимся на наиболее распространенных и значимых из них: российские подданные немецкого происхождения («внутренний немец»), предпринимательский элемент, власть. Необходимым при этом видится не только выявить их «типичные черты», которыми они наделались в газетных публикациях, но и дать оценку принципам отбора и особенностям подачи прессой характеризующего их материала.

Для достижения цели был привлечен контент ряда центральных и региональных газет, ориентированных на более-менее широкого читателя и не отличающихся при всех

⁷ Лыков М.В. Указ соч. С. 21.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Морозова Н.В.: 1) Немецкий вопрос и центральная периодическая печать России (июль 1914 – февраль 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010; 2) Образ прибалтийских немцев в русской печати в 1914–1917 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8. Ч. 2. С. 114–117.

¹⁰ Её же. Немецкий вопрос и центральная периодическая печать России (июль 1914 – февраль 1917 гг.). С. 15.

оттенках резко выраженными политическими пристрастиями и «партийным догматизмом». Также были просмотрены некоторые местные официозы (губернские «Ведомости»). По мнению автора, в совокупности это позволяет получить относительно точную картину ситуации.

«Исконные предатели»

Развернувшаяся в стране с началом войны антинемецкая кампания быстро распространилась с проживающих в России подданных стран австро-германского блока на «немца внутреннего» – подданных Российской империи, имевших немецкое происхождение. «Одновременно с грохотом наших пушек, отражающих нападение "немца внешнего", ведется борьба с "немцем внутренним", который подобно живучему паразиту уже двести лет живет на терпеливой спине России», – с удовлетворением констатировала в октябре 1914 г. газета «Сельский вестник»¹¹. В первую очередь это относилось к немецкой части населения Прибалтики и к немцам-колонистам.

Нельзя сказать, что уровень интереса и отношение газет к русским немцам были одинаковыми. Если «Новое время», к примеру, проявляло к ним острую враждебность, то «День» или «Сибирская жизнь» критиковали «Новое время» за подобную непримиримость. Однако и «непримиримо» и «примирительно» настроенная печать, пусть и в разной степени, прямо или косвенно, содействовала формированию враждебного образа «внутреннего немца» и росту антинемецких настроений.

Прежде всего в фокус внимания газет была помещена «генетически присущая» русским немцам связь с «фатерландом»: «У нас в Прибалтийском крае ни для кого не было тайной, что наши немцы чувствуют свою духовную и политическую близость с Германией... Балтийские провинции немцами всегда считались исторически принадлежащими Германии»¹². Отсюда – «негативное отношение к России» и «пособничество врагу».

Показательна статья в «Газете-копейке» с говорящим названием «Исконные предатели». В статье сообщалось: «За несколько дней до вторжения немцев в П., военно-полицейскими властями было арестовано множество немцев-колонистов, исконных подданных России... Оказалось, что по всей П-ской губернии отдельными немецкими колониями была организована подпольная почта, которая ежедневно занималась покупкой в Варшаве местных и столичных газет и журналов и доставкой их с "собственными" комментариями к заметкам местного характера не только в главный немецкий штаб, но, по возможности, в штабы даже небольших немецких частей»¹³. Можно обратиться и к одному из местных официозов – газете «Астраханские губернские

¹¹ Сельский вестник. [Пг.], 1914. 19 октября.

¹² Иркутская жизнь. 1915. 15 февраля.

¹³ Газета-копейка. [Пг.], 1914. 10 (23) декабря.

ведомости», которая информировала население, что «в то время, как в верхних бараках жирардовской фабрики умирали русские солдаты, внизу в подвале сидели инженер Курмахер, рижский немец, начальник местного пожарного депо и двое "добровольцев" и передавали по радиотелеграфу в штаб немецкого корпуса о передвижениях русских войск»¹⁴.

Обыгрывалась тема и прямой службы русских немцев в германской армии. Уже 24 июля 1914 г. популярный в крестьянской среде «Сельский вестник» писал: «Многие немецкие колонисты пытаются уехать на родину, чтобы воевать против кормившей их России»¹⁵. По утверждению «Иркутской жизни», «большая часть немцев колонистов, состоявших во время объявления войны в русском подданстве, с момента занятия отдельных частей западных губерний германскими войсками встали в ряды последних»¹⁶. Особенно пристальное внимание «службе русских немцев в германской армии» уделяло «Новое время», чьи материалы тиражировала провинциальная печать: «Корреспондент "Нового времени" отмечает, что в числе захваченных в плен германцев во время недавних боев в районе Митавы много балтийских немцев»¹⁷.

Представление о том, на какой «неопровержимой основе» в газетах зачастую выстраивалась теория «предательства немцев», дает статья «Как живут наши немцы» в газете «Вечернее время». Отмечая существование в г. Колпино недалеко от Петрограда немецкой колонии, жители которой вопреки существующим запретам продолжают говорить на немецком языке, автор статьи делал вывод: «Они ждут своего кайзера, и какая-нибудь Амальхен уже дошивает последнее полотнище германского флага»¹⁸. Оценивая подобные сообщения, генерал П.Г. Курлов, занимавший в тот период пост особо уполномоченного по гражданскому управлению Прибалтийским краем, вспоминал: «Ставка верховного главнокомандующего относилась к газетным статьям с большим вниманием, и я получал постоянные запросы чуть ли не по поводу каждой журнальной заметки. Произведенные по доносам расследования я рассматривал сам и безошибочно скажу, что из ста дел лишь одно давало некоторые основания к подозрению»¹⁹.

Выстроенные на столь «убедительных фактах» газетные публикации оказывали тем не менее немалое воздействие на общество, по крайней мере, на определенную его часть. В глазах социума происходило стирание разницы между «внешним» и «внутренним» немцем, что подтверждает, например, высказанное Костромской городской думой пожелание, чтобы «...немцы, независимо от того в каком подданстве они состоят (курсив

¹⁴ Астраханские губернские ведомости. 1915. 9 января.

¹⁵ Сельский вестник. [СПб.], 1914. 24 июля.

¹⁶ Иркутская жизнь. 1914. 1 декабря.

¹⁷ Там же. 1917. 9 января.

¹⁸ Вечернее время. [Пг.], 1915. 1 (14) августа.

¹⁹ Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1991. С. 209.

мой. – А.К.), устранялись от правительственных и общественных должностей»²⁰. Как верно заметила Н.М. Морозова, «...понятие "внутренний немец" нередко стало ассоциироваться с "внутренним врагом" – символическим выражением обрушившихся на страну бед и невзгод»²¹.

По ходу отметим, что подогреваемое газетной риторикой негативное отношение к немцам-россиянам в свою очередь формировало в их среде враждебность к власти, содействовало росту антирусских настроений там, где они уже существовали, и зарождению их там, где ранее они не наблюдались²². Как писал (март 1916 г.) своему родственнику в Америке один из выселенных из Волынской губернии немецких колонистов, «наш государь приписывает всю вину исключительно немцам, что война им не выигрывается, правительство упрекает государя императора в том, что немцы все передают пруссаку, а это величайшая ложь... Но есть поговорка, что когда человеку не везет, он приписывает всю вину другому, и в России этими другими являются сейчас мы, немцы. Когда пристав выгонял нас, то он лишил нас всех прав, и лишь находящиеся на войне признаются русскими подданными, а мы, остальные, все пруссаки и не нужны... Скажи, справедливо ли это, лишив нас всего нашего добра, заставить драться за отечество?»²³

Помимо антирусских настроений и пособничества внешнему врагу русским немцам инкриминировали захват земель, да еще таких, «одно название которых много говорит сердцу русского человека». Так, «в числе принадлежащих немцам земель на Днестре находится и Запорожская Сечь, входящая ныне в состав колонии Кичкас Екатеринославской губ.»²⁴. При этом читателю могло разъясняться, что «...в огромном большинстве случаев немцы покупали землю по дешевке, причем захватывали себе самые лучшие участки. Этим объясняется, что немцы процветали, в то время как русские крестьяне хирели и перебивались кое-как»²⁵. Дополнительную остроту ситуации придавали сообщения, что немцы-колонисты предполагают не засеивать своих полей и «намерены превратить плодородные южные поля в пустыри»²⁶.

²⁰ Сельский вестник. [Пг.], 1915. 25 августа.

²¹ Морозова Н.В. Немецкий вопрос и центральная периодическая печать России (июль 1914 – февраль 1917 гг.). С. 20.

²² См. об этом: Чернова Т.Н. Проблема лояльности и толерантности российских немцев в годы Первой мировой войны (в свете новейших отечественных исследований) // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы междунар. науч. конф. Саратов, 14–19 сентября 2004 г. М., 2005. С. 234–245.

²³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 13842. Оп. 1. Д. 7. Л. 147; Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 468. Оп. 1. Д. 226. Л. 78.

²⁴ Астраханские губернские ведомости. 1915. 16 января.

²⁵ Сельский вестник. [Пг.], 1916. 5 февраля.

²⁶ Вечернее время. [Пг.], 1915. 8 (21) апреля.

Усилиями периодической печати немцы превращались также и в один из источников товарно-продовольственных проблем. Так, газеты писали о том, что «огромные партии хлеба имеются в немецких колониях и экономиях юга России», но колонисты «вовсе не спешат с продажей его, выжидая максимальных цен, которые обещаются создать спекулянты»²⁷. Сообщалось о «подозрительной скупке хлеба» рижскими и либавскими немцами в Донской области и других хлебобродных губерниях, «не стесняясь ценой»²⁸. На такие сообщения накладывалась информация, что, например, в Петрограде «стал резко сказываться недостаток муки», которую, по слухам, умышленно скрывают оптовые торговцы. «Один из таких оптовиков, *немец Шварц* (курсив мой. – А.К.), уже попался. У него найден скрытый им запас в 90 000 пудов пшеничной муки...»²⁹.

Отметим и еще один штрих: кампания против русских немцев приобрела в прессе не только национальный, но и выраженный классовый оттенок.

«Пищу уму», или точнее чувству, давали заметки о понижении в Прибалтике помещиками-баронами (немцы) платы батракам (не немцам)³⁰; об «особенно неснисходительной» деятельности немецкого Лифляндского дворянского земельного кредитного общества, по постановлению которого огромное количество усадеб крестьян, утративших из-за ухудшения экономических условий способность платить срочные взносы, «назначается в публичную продажу»³¹ и т. п.

Читатель узнавал о крепостнической практике в принадлежащих немцам поместьях. Например, о крестьянах дер. Липовки Саратовской губ., которые «являются в буквальном смысле крепостными уездного предводителя дворянства помещика фон Гардера». Будучи вынуждены прогонять скот через его земли, они должны были ежегодно обрабатывать 100 дес. помещичьей пашни, возить на базар помещичий хлеб, зимой унавоживать помещичье поле. Теперь, когда количество рабочих рук в деревне сильно сократилось, и «барщина эта стала непосильной», крестьяне предложили фон Гардеру за освобождение их от натуральной повинности 600 руб., но тот наотрез отказался³².

Заметим, что подобные практики были присущи не только немецким землевладельцам, но учитывая, что газеты фокусировались на «баронах», картина приобретала характер именно «немецкого произвола».

Все вышеотмеченное способствовало внедрению и распространению неприязни к этническим немцам, являющимся русскими подданными. Как отмечалось на проходившем в Одессе уже после свержения самодержавия в мае 1917 г. всероссийском съезде

²⁷ Вечернее время. [Пг.], 1915. 17 февраля (2 марта).

²⁸ Русское слово. [М.], 1915. 25 июля (7 августа).

²⁹ Сельский вестник. [Пг.], 1915. 8 сентября.

³⁰ День. [Пг.], 1915. 16 марта.

³¹ Иркутская жизнь. 1916. 9 апреля.

³² День. [Пг.], 1916. 13 мая.

русских немцев, «подкупом части прессы старое правительство добилось того, что все отвернулись от немцев»³³.

Начавшаяся революция, возможно, смягчила, но полностью не изменила ситуацию. Характерна в этом отношении телеграмма из Сергача Нижегородской губернии, направленная в мае 1917 г. губернскому комиссару уездным комиссаром Лебле: «Был в Ветошкине. Крестьяне настойчиво требуют удаления управляющего Аббей, и в случае неисполнения этого требования не ручаются за спокойствие. Причина требования та, что жена Аббей немка»³⁴. В эпизоде проявилось отнюдь не только предшествующее влияние, поскольку на страницах газет продолжала присутствовать идея «виновности немцев» и проводилась мысль о невозможности их прощения. Как писало в связи с упомянутым выше съездом русских немцев «Вечернее время», «отнюдь не обвиняя всех русских немцев в шпионстве и предательстве, мы полагаем, однако, что они не вправе требовать от России доверия и дружбы. Если съезд пожелает, мы сообщим имена русских немцев, обласканных нашей родиной и предавших ее. Имен этих сотни и тысячи»³⁵.

К тому же «немецкая тема» оказалась расширена и трансформирована в инструмент дискредитации политических противников. Пример тому – «германобольшевизм», запущенный в оборот в 1917 г. и в дальнейшем активно используемый в идеологической практике различных антибольшевистских сил в ходе Гражданской войны. Но это уже вопросы для отдельного исследования.

«Эпоха шкуродеров»

Другим значимым врагом общества стал российский предприниматель, трансформацию образа которого зафиксировало следующее четверостишие:

Бывало, слыл купцом «рассейским»,
Имел почет везде большой,
Теперь же только шкуродером
Слыву повсюду, братец мой³⁶.

Наблюдаемый с началом войны скачок цен не замедлил выявить формирование враждебного отношения к торгово-промышленному классу³⁷. При этом занятые прессой

³³ Вечернее время. [Пг.], 1917. 16 (29) мая.

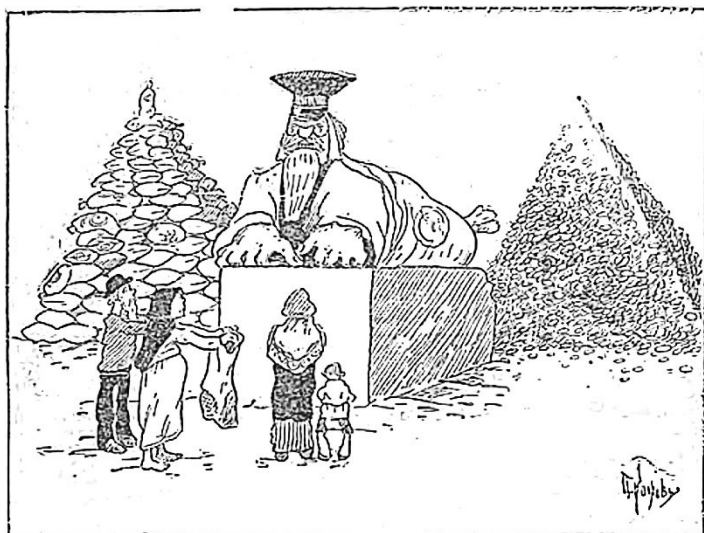
³⁴ Новое время. [Пг.], 1917. 20 мая (2 июня).

³⁵ Вечернее время. [Пг.], 1917. 20 мая (2 июня).

³⁶ Архангельск. 1916. 15 января.

³⁷ Примером может служить разгром 25 июля 1914 г. при поддержке рабочих женами запасных рынка съестных припасов и предметов первой необходимости за Невской заставой. «Поводом к такому решительному действию послужило чрезмерное поднятие цен на все товары местными торговцами» (Газета-копейка. Второе экстренное (вечернее) прибавление к № 2163. [СПб.], 1914. 25 июля; Газета-копейка. [СПб.], 1914. 26 июля (8 августа)).

позиции, что «бесполезно говорить о понятиях общественной морали тем, у кого интересы сосредоточены в узкой сфере своекорыстия и низменных расчетов»³⁸, усугубляли ситуацию. Тем более что вопрос «неправомерного повышения цен» в газетных публикациях тесно увязывался с вопросом о чувстве патриотизма, точнее его отсутствия у предпринимательского элемента. Например, по поводу высоких цен на хлеб газета «Сельский вестник» писала: «Причина коренится, стало быть, в преступной спекуляции непатриотичных нечистых людей и она наше главное несчастье»³⁹.

Обыватель: Дяденька, скнишь малость: безъ хлѣба скоро сидѣть будемъ!
Мучной офинкель: И отлично! Но одинимъ хлѣбомъ питается человекъ.

Рис. 1
Карикатура в газете «Сибирская жизнь»
(18 июня 1915 г.)

Обыватель читал о деятельности «некоторых кулаков-москвичей», которые прознав про большую нужду в табаке на позициях, «ухитрились провезти в Люблин целую партию папирос» и продавали их поближе к позициям по резко завышенной цене: «Лупили безбожно: за десяток папирос, стоивших 6 копеек, брали полтинник. Наживали на рубль 8–10 рублей»⁴⁰. Узнавал, что «мародеры» наживаются на спресе солдат на фронте на памятки-молитвенники, продавая

их по 2 коп. и отказываясь делать скидки на оптовые партии, тогда как в книжном магазине Синода их продают по 1 коп. и делают значительные скидки на 1 тыс. экземпляров⁴¹.

Многочисленные заметки сообщали, что, взяв военные заказы и добившись отсрочки призыва для своих служащих, фирмы «прекращают затем выполнение заказов на оборону и выполняют заказы частные»⁴²; что часть полученного от казны для выполнения военных заказов «по ценам втрое дешевле рыночных» сырья тут же перепродается по спекулятивным ценам, а часть идет на выполнение частных заказов⁴³.

³⁸ Архангельск. 1914. 3 августа.

³⁹ Сельский вестник. [Пг.], 1916. 17 сентября.

⁴⁰ Газета-копейка. Второе экстренное (вечернее) прибавление к № 2264. [Пг.], 1914. 3 (16) ноября.

⁴¹ Вечернее время. [Пг.], 1915. 18 апреля (1 мая).

⁴² Иркутская жизнь. 1916. 27 марта.

⁴³ День. [Пг.], 1916. 11 октября.

Российским торговцам инкриминировалось даже снабжение Германии провиантом через нейтральные страны. «Вечернее время», например, прямо писало, что «снабжают наших врагов провиантом наши же торговцы, позабывшие все, кроме наживы»⁴⁴.

В статье «Заветы Минина» газета «Сельский вестник» суммировала ситуацию: «Побольше "урвать" с ближнего, заставить для самого смелого, безумного обогащения себя платить за все "аховые" цены – вот чем сейчас занята голова многих торговцев. Где тут уж до "третьей" и "пятой" деньги! Нет ничего мининского у многих русских торговцев»⁴⁵.

Укоренению образа способствовали активно используемые формы эмоционального воздействия на читателя (сатирические стихи, карикатуры).

*Из стихотворения в газете
«День»*

Мы все участвуем в войне,
Крепка меж нами сплавка,
И только эти в стороне –
Иуды от прилавка.
Что им отчизна, совесть, честь,
Плеск крови, слезы, раны...
Дери, пока возможность есть,
И набивай карманы!
Долг гражданина?.. Ерунда!
Спешите поживиться;
Подобный случай, господа,
Нескоро повторится⁴⁶.

*Из стихотворения в газете
«Новое время»*

Без отдыха, без остановки
И с мыслью единою лишь –
Направить все силы сноровки
Купецкой своей на барыш, –
Я чуть не давился, глотая
Мильон за миллионом подряд:
Все, все, о отчизна святая,
Принести тебе в жертву я рад!⁴⁷

В прессе описывались уловки, к которым прибегают промышленники и торговцы для создания искусственного дефицита в целях получения сверхприбылей. Например, «ухитряются хранить грузы в вагонах», которые перегоняются из одного места в другое, где они вновь простаивают⁴⁸. Посылают срочные телеграммы оптовым скупщикам, чтобы они воздержались от поставок товаров, так как «рынок слаб» и «цены низки»⁴⁹. Закладывают товары в банки, а затем понемногу их выкупают⁵⁰.

Виновники товарного дефицита могли быть и не названы напрямую (достаточно распространенный прием). Например: «Цены на птицу, мясо и молочные продукты стоят в

⁴⁴ Вечернее время. [Пг.], 1915. 22 января (4 февраля).

⁴⁵ Сельский вестник. [Пг.], 1916. 12 мая.

⁴⁶ День. [Пг.], 1915. 28 января.

⁴⁷ Новое время. [Пг.], 1916. 16 (29) октября.

⁴⁸ День. [Пг.], 1915. 18 января.

⁴⁹ Там же. 3, 5 апреля.

⁵⁰ Сельский вестник. [Пг.], 1917. 15 февраля.

Москве весьма высокие. Несмотря на то, что ежедневно приходили громадные грузы с продуктами, на рынке ощущается большой недостаток в птице и окороках»⁵¹. Или же: «По данным министерства торговли и промышленности, фабриканты выпускают на рынок значительное количество спичек, между тем, цены на спички поднялись до небывалых размеров. Очевидно, спички на рынок не попадают, а задерживаются в чьих-то твердых руках»⁵². Обыватель, однако, легко решал «детскую задачку»: кем устанавливаются высокие цены и в чьих «твердых руках» задерживаются отсутствующие на рынке при значительном производстве и большом привозе товары.

Не станем отрицать, что факты, подобные приведенным, имели распространение. Но для нашего анализа значимо не столько их наличие или отсутствие. Куда больший вес имеют принципы отбора, подачи и интерпретации материалов прессой. И первое, что здесь приходится отметить, это тенденциозность и одностороннюю подачу информации, а также малую долю серьезных аналитических публикаций. Сами газетчики признавались, что они воздействуют не на разум, а на чувства читателя. Как писал сотрудник «Сибирской жизни» Д. Илинский, «газета действует по преимуществу не столько убеждением, сколько внушением, она дает читателю не столько материал для размышления, сколько легко запоминаемые формулы афористического характера, пользуясь событиями текущей жизни только как иллюстрацией к некоторым общим программным положениям»⁵³.

Взять хотя бы нарастающие трудности в деле товарно-продовольственного обеспечения населения. В своей основе они имели целый комплекс причин⁵⁴. Однако в газетах их многообразие отходило в тень, а внимание

Современный «ураг изобилия»

Рис. 2

Карикатура в газете «Сибирская жизнь»
(10 апреля 1916 г.)

⁵¹ День. [Пг.], 1915. 24 декабря.

⁵² Там же. 1916. 22 октября.

⁵³ Сибирская жизнь. [Томск], 1916. 3 января.

⁵⁴ Например, анкетирование, проведенное главным комитетом Союза городов, выявило следующие причины вздорожания продуктов: «...1) Расстройство товарного железнодорожного движения, 2) спекуляция торговцев, 3) недостаток подвижного состава, 4) усиленный спрос продуктов со стороны военного ведомства, 5) запрещение вывоза из мест производства, 6) повышение провозной платы, 7) увеличение оборота, 8) прекращение доставки продуктов морским путем из-за границы, 9) зависимость городов от порайонных комитетов и 10) неподготовленность городов в смысле отсутствия посреднических и общественных организаций» (Там же. 1915. 16 июля).

концентрировалось преимущественно на алчности торгово-промышленного класса: «Такое невероятное повышение цен на предметы первой необходимости *ничем ровно нельзя объяснить, как бесстыдным поведением торговцев* (курсив мой. – А.К.), спекулирующих на почве недостатка некоторых продуктов»⁵⁵. По утверждению «Сельского вестника», «если бы товаров, правда, не было, то, как ни велико несчастье, с ним можно было бы мириться. Но, как хорошо известно, дороговизна является следствием спекуляции крупных торговцев»⁵⁶. «Вечернее время» прямо предостерегало против увлечения «естественными причинами» дороговизны, что, по мнению газеты, мешает правильной борьбе со спекуляцией, которая тем самым приобретает как бы побочную роль⁵⁷.

Случалось, что газетные обвинения в спекулятивной наживе носили даже превентивный характер: «В недалеком будущем цены на крупчатку в Красноярске будут увеличены по сравнению с существующей таксой на 50 коп. на куль. Какие-то меры будут приняты по отношению к этим крупным торговцам?»⁵⁸

Негативный оттенок в освещении газет могла приобретать и не воспрещаемая законом деятельность. Например, отмечалось, что в Холмогорах – центре производства сливочного масла – купить масла невозможно ни у торговцев, ни на заводах. «Объясняется это тем, что местные "коммерсанты", не желая брать в Холмогорах 85 к. за фунт масла (по таксе), везут его в Архангельск, где продают по 1 р. 50 к. и дороже за фунт», – писала газета «Архангельск»⁵⁹. Желание продать товар с максимальной выгодой, используя более высокую таксу в Архангельске, закону не противоречило. Но построение материала, даже тот факт, что слово «коммерсанты» было закавычено, рождало соответствующее отношение.

Неудивительно, что в обществе формировались установки, не позволявшие воспринимать иную точку зрения, кроме «поведения торговцев». Как говорилось в одном из сообщений с мест, «крестьяне читают газеты и крайне возмущаются по поводу того, что одна московская газета старалась объяснить дороговизну продуктов плохим подвозом и дороговизной рабочих рук»⁶⁰.

Противопоставление «интересов наживы» интересам «остального населения» касалось не только торгового элемента. Нападкам подвергался банковский сектор, которому вменяли в вину содействие сокрытию товаров и спекулятивному росту цен. В сфере газетной критики находились и промышленно-транспортные круги. Например, весной 1916 г. «Вечернее время» писало о крупных пароходных обществах на Волге,

⁵⁵ Северное утро. [Архангельск], 1915. 7 октября.

⁵⁶ Сельский вестник. [Пг.], 1915. 17 декабря.

⁵⁷ Вечернее время. [Пг.], 1916. 6 (19) августа.

⁵⁸ Сибирская жизнь. [Томск], 1915. 23 апреля.

⁵⁹ Архангельск. 1916. 11 сентября.

⁶⁰ Сельский вестник. [Пг.], 1915. 24 ноября.

которые установили фрахт на грузы «небывалый в волжских летописях» (47 коп. с пуда) и намереваются повысить пассажирскую таксу на 25 процентов. «Словом, дело ведется к тому, чтобы Волга стала кормилицей кучки синдикатчиков, а не десятков миллионов прибрежного населения»⁶¹.

О воздействии в этом отношении прессы на настроения общества дает представление выдержка из сатирического стихотворения Василия Князева, опубликованного в 1916 г. в октябрьских номерах ряда газет:

И так-то жить нам тошно,	«Того-то в Петрограде
А тут еще печать	Не видят третий год,
Пустилась, как нарочно,	А на таком-то складе
Злодеев обличать!	Миллион пудов гниет!»
Что день – уведомленье	«Капуста вздорожала,
О тучах новых «мер»	А между тем, окрест...»
И... нового глумленья	И вот уж в сердце жало,
Блистательный пример!	И сердце злоба ест! ⁶²

В реальности огульное обвинение торгово-промышленного класса России в «корыстном антипатриотизме» и «бесстыдных спекуляциях» вряд ли правомерно. В мае 1916 г. по распоряжению московского градоначальника была проведена ревизия 500 торговых предприятий Москвы. Ревизия выявила, что в 200 из них установленные ценовые таксы на предметы первой необходимости не соблюдались⁶³. Цифра бесспорно внушительная, но... это все же менее половины – 40%. Большая же часть из проверенных торговых предприятий в махинациях замечены не были. Газеты, однако, акцентировали внимание именно на «минимумах», что вызывало небезосновательное возмущение предпринимателей. Как указывалось в письме в редакцию «Вечернего времени» представителя фабрики кондитерских изделий «Анастас и Алексеев», «слов нет, спекулировали многие, но нельзя же ради этого валить всех в одну кучу и обвинять в подобных неблагоприятных действиях фирмы, хотя и возникшие и во время войны, но ведущие свои дела не за страх, а за совесть»⁶⁴.

Однако «дела не за страх, а за совесть», вклад торгово-промышленного класса России в налаживание производства, в решение экономических и социальных проблем оставались как раз за пределами внимания газет⁶⁵, а то и представлялись как прикрытие корыстных намерений (см. рис. 3).

⁶¹ Вечернее время. [Пг.], 1916. 15 (28) марта.

⁶² День. [Пг.], 1916. 12 октября; Сибирская жизнь. [Томск], 1916. 22 октября.

⁶³ День. [Пг.], 1916. 25 мая.

⁶⁴ Вечернее время. [Пг.], 1917. 13 (26) января.

⁶⁵ Редким исключением в этом отношении смотрится корреспонденция в газете «Иркутская жизнь» о награждении купцов (был перечислен ряд фамилий) за «полезную деятельность на торгово-промышленном поприще» (Иркутская жизнь. 1917. 3 января).

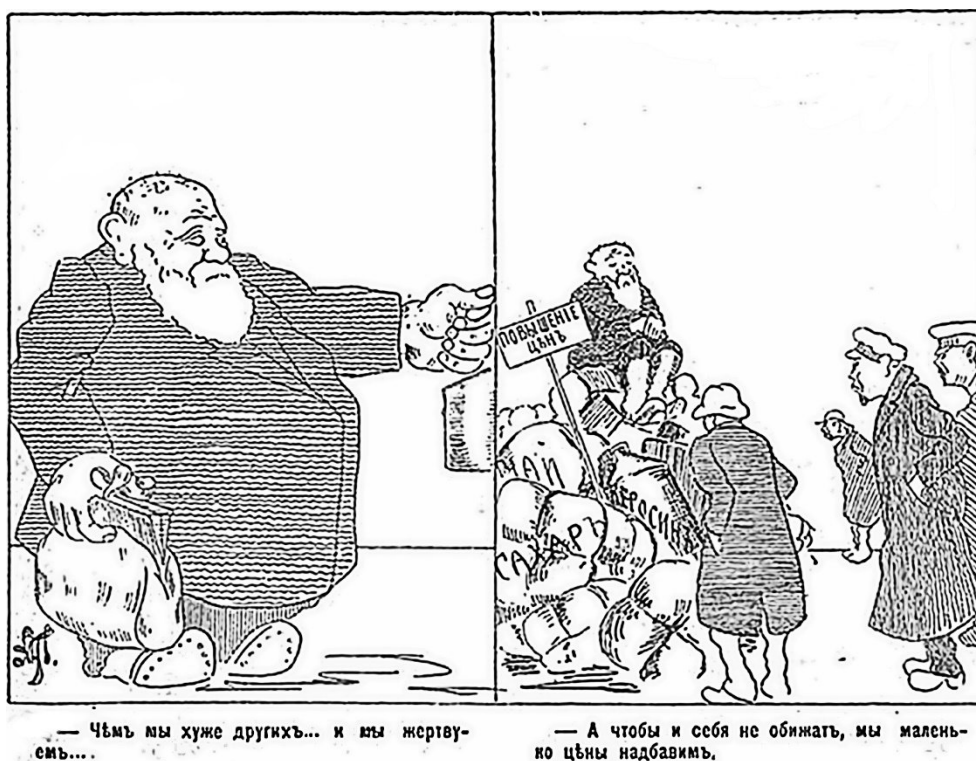

Рис. 3
Карикатура в газете «Сибирская жизнь»
(18 ноября 1914 г.)

Также приходится отметить, что выносимые прессой «обвинительные приговоры» российскому предпринимательству зачастую строились на недостаточно проверенных, а то и прямо сомнительных сведениях. «Маленькая неточность» не считалась чем-то предосудительным. Как пример можно привести широко обсуждаемый в прессе арест сахарозаводчиков Бабушкина, Доброго, Гепнера и Цехановского, когда в итоге выяснилось, что «обвинение в вывозе ими сахара за границу оказывается основанным на недоразумении, так как сахар вывозился только в Финляндию и в Персию в соответствии с имевшимися на то разрешениями»⁶⁶. В конечном счете доказательства вины указанных предпринимателей следователями обнаружены так и не были, и судебные власти признали «невозможным формулировать обвинение лишь на основе некоторых голословных показаний и данных»⁶⁷. Однако благодаря усилиям прессы воздействие на общество к тому моменту уже было оказано.

В свете сказанного обратим также внимание на любимую тему газетчиков – обнаружение дефицитных и необходимых для армии и населения товаров, которые «сознательно скрываются» или «не вывозятся со складов». Впоследствии нередко

⁶⁶ Иркутская жизнь. 1916. 17 декабря.

⁶⁷ День. [Пг.], 1917. 7 января.

выяснялось, что преобладающая часть этих товаров непригодна для военно-промышленных целей или же использовалась по назначению. Так было в случае с очередным арестом в Нижнем Новгороде в начале 1917 г. 200 тыс. пудов кожи, из которых только 40 тыс. были признаны годными и реквизированы, остальные же 160 тыс. пудов возвращены «ввиду негодности для армии» владельцам⁶⁸. В это же время владельцам было возвращено из арестованных на складах пароходных и транспортных обществ 13 тыс. пудов запасов козьей шерсти, не годной для армии, и еще 14 тыс. пудов шерсти фирмам, которые, как было подтверждено, реально работают на оборону⁶⁹.

Тем не менее не без влияния прессы торгово-промышленный класс России превращался в глазах населения если и не в единственный, то, как минимум, в решающий источник «всех бед»: «Сахарный голод не миновал и гор. В[еликий] Устюг – *благодаря деловитости устюгского купечества* (курсив мой. – А.К.), как говорит простонародие»⁷⁰.

В дальнейшем укоренившийся образ «предпринимателя-шкуродера», априори виноватого в товарно-продовольственных и не только проблемах, проявился в поведении масс в условиях Революции 1917 года. Показательны в этом отношении июньские события в Пензе, когда «на почве недостатка съестных продуктов толпы производили обыски в лавках и магазинах». Не менее показательны, впрочем, и итоги этих обысков: «обыски не дали никаких положительных результатов»⁷¹. Отношения это, однако, не меняло...

Куда власти смотрят?

Еще одним «врагом общества», достаточно отчетливо проступающим на страницах газет, оказалась власть, как в лице ее отдельных представителей, так и ее различных структур, а также органов местного самоуправления. Например, «Вечернее время» писало о полновластных чиновниках, по усмотрению которых складывается «вся жизнь маленьких городков и больших губерний», как о деятелях, «не умевших создать порядка и привить законность», «в мирное время ничего не знавших, а в военное ничему не научившихся»⁷². В опубликованной в газете «День» статье «Презрение» говорилось, что правящая бюрократия презирает «...всю общественность, от верхов ее до низов, и, право, поучиться бы надо у нее этому умению презирать»⁷³. Сразу заметим, что умением этим российские газетчики овладели в достаточной степени, все активнее демонстрируя его к исходу изучаемого периода.

⁶⁸ Новое время. [Пг.], 1917. 3 (16) февраля.

⁶⁹ Утро России. [М.], 1917. 7 февраля.

⁷⁰ Архангельск. 1915. 21 ноября.

⁷¹ День. [Пг.], 1917. 28 июня.

⁷² Вечернее время. [Пг.], 1915. 31 июля (13 августа).

⁷³ День. [Пг.], 1916. 25 декабря.

Одно из деяний, вменяемых в вину этой самой правящей бюрократии, было недостаточное противодействие, а то и прямое потакание «немецкому злу». Так, в январе 1917 г. газеты подняли вопрос об отмене реквизиций земель менонитов в Таврической и Екатеринославской губерниях. «Новое время» уверяло читателей: «Делу нанесен почти непоправимый удар. Можно смело сказать, что в Таврической и Екатеринославской губерниях немецкой ликвидации более не существует, и нет уверенности в том, что через какие-нибудь несколько дней она также внезапно не будет отменена и в других местностях России»⁷⁴. При этом подчеркивалось, что «авторство в предоставлении немцам-менонитам исключительной льготы» принадлежит министерству юстиции. «Вечернее время» в свою очередь саркастически замечало, что у менонитов «все глубочайшим образом проникнуто немецким духом», и это знают все, а «...министр юстиции не знает и другие "компетентные лица" тоже не знают»⁷⁵.

Некоторые публикации заставляли подозревать деятелей власти в «симпатиях врагу» в силу их этнической принадлежности. Например, читатели были проинформированы, что «в Твери губернатор Н.Г. фон Бюнтинг сообщил уездной земской управе, что он не находит возможным разрешить устройство народных чтений со световыми картинами в земских школах на тему о войне и о наших союзниках»⁷⁶. Отсутствие при этом комментариев и разъяснений причин отказа создавало благоприятную почву для возникновения соответствующих подозрений.

Проникновению немцев в структуры местной власти много внимания уделяли «Новое время» и «Вечернее время». «Новое время», к примеру, возмущалось положением в Киеве, где «без немца ни одно городское дело не может обойтись»: «Киев считается "матерью городов русских". Это, однако, не мешает немцам быть ее "отцами" и ворочать городским управлением... Девятая часть всех гласных Киевской городской думы – немцы. Но это не все. Немцы в киевском городском управлении. Их много и в городской управе, причем занимают они более видные должности...»⁷⁷. В свою очередь, «Вечернее время» описывало ситуацию в Двинске: «Двинский предводитель дворянства – по-прежнему барон Мирбах, городской голова – по-прежнему Пфейффер, городской архитектор – Тальберг, исправник – Пфейффер и т. д., и т. д. В руках немцев почти все местные банки. Надо всем этим главенствует и в губернии вице-губернатор Розен»⁷⁸.

Писали и об экономической некомпетентности властей, об их бессилии в решении болезненных для общества вопросов. Так, о результатах борьбы с дороговизной, провозглашенной в качестве одной из приоритетных задач А.Н. Хвостовым при

⁷⁴ Новое время. [Пг.], 1917. 25 января (7 февраля).

⁷⁵ Вечернее время. [Пг.], 1917. 28 января (10 февраля).

⁷⁶ День. [Пг.], 1916. 4 октября.

⁷⁷ Новое время. [Пг.], 1916. 3 (16) февраля.

⁷⁸ Вечернее время. [Пг.], 1915. 24 марта (6 апреля).

вступлении в должность министра внутренних дел, сообщалось, что за период его министерской карьеры (сентябрь 1915 г. – март 1916 г.) «...цены на большинство предметов первой необходимости возросли на 20–30 процентов, а некоторые на 50 и 100 процентов»⁷⁹. Активность губернаторов на поприще борьбы с дороговизной называлась «шумливой деятельностью», а присылаемые ими в министерство внутренних дел отчеты – «поучительным памятником попытки наших губернаторов отменить законы политической экономии и заменить их своими обязательными постановлениями»⁸⁰. Отмечалось, что даже в столицах, где были приняты «наиболее эффективные меры», дороговизна жизни не уменьшилась⁸¹. «Вечернее время» констатировало: «Для борьбы с дороговизной создан целый ряд комитетов, комиссий, совещаний, просто уполномоченных и главноуполномоченных, но жизнь от этого все же нисколько не дешевет»⁸².

Особенно доставалось местным органам управления, которые, если верить прессе, руководствуются исключительно собственными эгоистическими интересами. Все то же «Вечернее время» оценивало ситуацию в Петрограде: «Если в борьбе с дороговизной очень немного сделала столичная администрация, то "город" не сделал ровно ничего, потому что занимался охраной исключительно своих глубоко обособленных и грубо эгоистических интересов»⁸³.

Мысль проникала и закреплялась в сознании общества, прежде всего его малограмотных слоев. В одной из корреспонденций с мест в связи с резко выросшими ценами на станции Выкса (Нижегородской губ.) читаем: «Крестьянин В.А. Х–в, сообщая нам об этом, выражает сожаление, что начальство не защищает население от притеснений торговцев»⁸⁴.

Подборка и подача материалов заставляли подозревать, если даже об этом и не говорилось прямо, что нежелание является следствием коррупционного разложения. Например, по поводу провала политики ценовых такс писали, что это объясняется отсутствием должного контроля, который возложен на полицейских чинов, у которых установились «добрососедские отношения» с торговцами⁸⁵. С явным намеком в газетах ставился вопрос: «...Почему у нас борьба ведется только с торговой мелкотой, а крупные оптовики действуют совершенно безнаказанно?»⁸⁶

⁷⁹ Иркутская жизнь. 1916. 14 марта.

⁸⁰ День. [Пг.], 1916. 1 июня.

⁸¹ Иркутская жизнь. 1916. 13 октября.

⁸² Вечернее время. [Пг.], 1916. 4 (17) сентября.

⁸³ Там же. 26 сентября (9 октября).

⁸⁴ Сельский вестник. [Пг.], 1916. 14 января.

⁸⁵ Вечернее время. [Пг.], 1915. 9 (22 января).

⁸⁶ Там же. 1916. 8 (21) сентября.

Вообще, тема коррупции в органах власти стала одной из распространенных. По признанию газеты «День», «взяточники и хищники осаждают читателя... Ведь за один вчерашний день газета назвала имена 24 взяточников и хищников, не считая мелочи, которая пошла оптом: "около 30 барышень", "группа студентов-служащих"»⁸⁷.

Помимо коррупционной составляющей обыгрывалась классовая ангажированность властей, особенно деятелей местного самоуправления. Случалось, что они прямо противопоставлялись интересам общества по классовому признаку: «Представители нынешнего дворянско-цензового земства, конечно, не могут быть признаны защитниками интересов потребителя, потому что они сами землевладельцы, сами заинтересованная сторона. В данном случае скорее уже представители городов могли бы выступить в защиту интересов потребителя, чем земцы. Но и представители городов люди, имеющие свои классовые интересы: в одном месте это будут мукомолы, в другом – торговцы-оптовики, в третьем – поставщики и подрядчики и т. д.»⁸⁸.

Оценку подтверждали заметки типа: «...Население Омска жалуется на дороговизну хлеба. Причина этого – происки хлеботорговцев-биржевиков, которые в то же время являются главными деятелями городского самоуправления. Вследствие этого хлеботорговцы делают, что хотят»⁸⁹. Регулярные сообщения об аресте или о наложении штрафа за «сокрытие товаров» на того или иного купца, который оказывался гласным, завершали формирование образа местного самоуправления. Образ этот представлен в опубликованных в сентябре 1916 г. в газете «День» стихотворных строках, характеризующих Петроградскую городскую думу:

По Сеньке – шапка. В зданье этом,	Они, как будто бы нарочно,
Как черви в падали, кишат	Так дело тщатся повернуть,
Дельцы, освищенные светом,	Чтоб окончательно и прочно
И судьбы города вершат!	Над нами петлю затянуть! ⁹⁰

Как и в случае с «внутренним немцем» и торгово-промышленным классом, публикуемые материалы далеко не всегда были выверены и содержали объективную информацию. В частности, о степени объективности газетных оценок действия властей много говорит тот факт, что по схожим эпизодам одна и та же газета могла высказывать прямо противоположные мнения.

24 апреля 1916 г. «Новое время» опубликовало информацию об аресте в Нижнем Новгороде около 250 тыс. пудов сырых кож стоимостью в несколько миллионов рублей, которые были обнаружены в складах банков, транспортного общества и торговых

⁸⁷ День. [Пг.], 1916. 16 сентября.

⁸⁸ Там же. 1 августа.

⁸⁹ Сельский вестник. [Пг.], 1916. 24 января.

⁹⁰ День. [Пг.], 1916. 26 сентября.

предприятий⁹¹. На следующий день, напомнив об этом случае и указав, что подобное утаивание кожи являлось причиной «безумной дороговизны обуви, достигшей крайних пределов», газета выразила недоумение долготерпением власти к подобной «противогосударственной работе грабительских организаций»⁹².

Однако то же «Новое время», обвинявшее власти как минимум в халатной бездеятельности в вопросе о реквизициях кожи на нижегородских складах, по поводу арестов запасов подошвенной кожи, произведенных на складах Владивостока, напротив, с возмущением писало, что изъятие свыше 100 тыс. пудов кожи «несомненно тяжело отразилось как на местном рынке, так и на рынках Европейской России», а «владельцы товара несут крупные убытки, не оправдываемые действительным положением дела»⁹³.

Если обобщать ситуацию, то чтение газет прямо или косвенно формировало у читателя впечатление бессилия власти в деле решения вопросов, чувствительно затрагивающих интересы населения. На фоне же многочисленных публикаций о «немецком засилье», классовой ангажированности, коррупции и злоупотреблениях во властных органах зрела мысль, что «бессилие» не являлось случайным. Все это порождало, углубляло и расширяло трещину между обществом и властью, превращая трещину в настоящую пропасть.

Проведенный мониторинг прессы позволяет утверждать, что имеющийся в стране в рассматриваемый временной отрезок позитивный опыт (экономический, политический, нравственный) не находил должного отражения на ее страницах. Сознательно или бессознательно, внимание в подборе и подаче материала концентрировалось преимущественно на негативных сторонах, зачастую без должной проверки фактов и установления их причин.

Отсутствие серьезного аналитического разбора и акцент на негативе способствовали формированию почвы для возникновения слухов и настроений недоверия и враждебности. В сознании социума формировалась деформированная картина реальности, в которой рельефно проступали образы «внутреннего врага», образы, с которыми начинали ассоциироваться, причем отнюдь не всегда правомерно, остро стоящие проблемы. Это содействовало не консолидации общества, а его расколу, формировало почву для бескомпромиссного противостояния, что впоследствии отчетливо проявилось в связи с революционными событиями 1917 года.

---

⁹¹ Новое время. [Пг.], 1916. 24 апреля (7 мая).

⁹² Там же. 25 апреля (8 мая).

⁹³ Там же. 1 (14) сентября.

Концевой Илья Анатольевич

*кандидат исторических наук
Государственный архив Российской Федерации*

РОЛЬ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ В ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТРОГРАДСКОГО ВРК

Изучение создания и функционирования Петроградского военно-революционного комитета (ПВРК) осуществлялось на протяжении всего существования СССР и в постсоветский период. Данная проблематика являлась одной из важнейших в советской исторической науке, что привело к появлению на свет множества работ, связанных с историей становления и деятельности Петроградского ВРК. В советской историографии подчеркивалась исключительная роль лидеров партии большевиков в организации вооруженного восстания в Петрограде. Про участие левых эсеров в данном событии говорилось крайне мало и обычно это делалось в контексте противостояния «партии Ленина» и мелкобуржуазных временных союзников РСДРП(б).

Изучение работы Петроградского ВРК началось непосредственно после завершения Гражданской войны, когда эхо прошедшей революции еще ощущалось в общественной жизни. Были созданы первые исследования по истории борьбы партии большевиков и левых эсеров в период установления советской власти в России. Однако данные работы несли на себе отпечаток революционного времени и представляли идеологизированную картину прихода большевиков к власти, а также их взаимоотношений с левозэсеровской партией¹. Параллельно с этим процессом публиковались воспоминания и статьи участников революционных событий в Петрограде².

В 1930-е гг. в связи с установлением культа личности И.В. Сталина отношение историков к временному сотрудничеству большевиков и левых эсеров в революции стало

---

¹ *Владимирова В.* Левые эсеры в 1917–1918 гг. // Пролетарская революция. 1927. № 4; *Пионтковский С.А.*: 1) Военно-Революционный Комитет в Октябрьские дни // Пролетарская революция. 1927. № 10; 2) Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. М.; Пг., 1923; *Шестаков А.В.* Блок с левыми эсерами: (страницы из истории Октябрьской революции) // Историк-марксист. 1927. № 6.

² Воспоминания об Октябрьском перевороте // Пролетарская революция. 1922. № 10; *Дыбенко П.Е.* Мятельники. Из воспоминаний о революции. М., 1923; *Подвойский Н.И.* Военная организация РСДРП(б) и Военно-революционный комитет // Красная летопись. 1923. № 6.

еще более негативным. Авторами подчеркивалась «классовая чуждость» левых эсеров идеям коммунизма и продвигалась концепция, согласно которой все мелкобуржуазные союзники большевиков в революции являлись скрытыми врагами советской власти³.

Полноценное изучение формирования и деятельности Петроградского ВРК началось только после заката сталинизма в СССР. В 1950-е гг. в преддверии 40-летия революционных событий 1917 г. исследователи начали активно разрабатывать темы, связанные с взятием власти большевиками. В последующие годы в свет вышло множество работ, в которых рассматривались различные аспекты работы Петроградского ВРК и его руководителей. В научный оборот были введены новые архивные документы, авторы проанализировали деятельность комиссаров Военно-революционного комитета, определили его партийный состав и рассмотрели процесс подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания⁴. Также создавались монументальные труды по истории Октябрьской революции, в которых раскрывалась роль партии большевиков в организации вооруженного восстания в Петрограде и изучался процесс формирования первых советских органов власти⁵.

В постсоветский период изучение вопроса об установлении в России большевистской диктатуры стало производиться с учетом переоценки событий 1917–1918 гг. Кроме того, в научный оборот вводились ранее недоступные архивные документы, изучались отдельные аспекты взаимодействия умеренных социалистических партий и большевиков. Достаточно важной в исторической литературе стала проблематика борьбы большевиков со своими политическими оппонентами, что проявилось в создании следственной комиссии Петроградского ВРК, а также в последующем формировании «карающего меча революции» – ВЧК при Совете народных

³ Корнатовский Н.А. Партия и Октябрьское восстание в Петрограде. Л., 1933; Парфенов В.Е. Разгром «левых» эсеров. М., 1940; Пиндрик З. О блоке с левыми эсерами после Октября 1917 года // Красная летопись. 1934. № 3.

⁴ Афанасьев И.Л. Первый этап становления Военно-революционного комитета при Петроградском совете // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980; Городецкий Е.Н. Из истории Петроградского военно-революционного комитета // Из истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957; Дыков И.Г. Роль Петроградского военно-революционного Комитета в Октябрьской социалистической революции. Кишинев, 1955; Ерыкалов Е.Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966; Орехова Е.Д. О составе Петроградского ВРК // История СССР. 1971. № 2; Поликарпов В.Д. Из истории Петроградского ВРК (новые источники) // Вопросы истории. 1977. № 11; Рейхберг Г.Е. Петроградский военно-революционный комитет // Вопросы истории. 1967. № 10; Старцев В.И. Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и Москве // Вопросы истории. 1989. № 12; Токарев Ю.С. Петроградские рабочие в борьбе за установление и охрану революционного порядка (август–декабрь 1917 г.) // Рабочие Ленинграда в борьбе за победу социализма. М.; Л., 1963. Вып. 6; Цыпкина Р.Г. Военно-революционные комитеты в Октябрьской революции. М., 1980.

⁵ Минц И.И. История Великого Октября. М., 1978. Т. 2; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Т. 2.

комиссаров⁶.

В иностранной литературе на протяжении длительного времени преобладала тенденция по созданию обобщающих работ, посвященных революции 1917 г. в России, в которых подробно не раскрывалась деятельность Петроградского ВРК. В работах зарубежных авторов 1950–1960-х гг. роль левозэсеровских союзников партии большевиков в событиях октября 1917 г. практически не раскрывалась⁷. Значительный вклад в изучение рассматриваемой нами проблематики внес А. Рабинович, который на основании документов и источников личного происхождения рассмотрел организацию большевиками вооруженного восстания в Петрограде, а также изучил процесс становления советского государства⁸. Лишь некоторые иностранные исследователи затронули проблематику, связанную с историей партии социалистов-революционеров и их деятельностью в рассматриваемый нами период⁹. Однако в советологии и в последние тридцать лет продолжала преобладать тенденция по созданию крупных обобщающих работ, посвященных российской революции 1917–1918 гг., в которых авторы подробно не останавливались на проблеме создания ВРК¹⁰.

В целом процесс формирования, деятельности и ликвидации Петроградского ВРК в современной исторической науке является изученным достаточно подробно. Тем не менее многие аспекты, связанные с участием в этом процессе представителей партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов), остаются исследованными

---

⁶ Демидов А.М. Петроградский Военно-революционный комитет – первый орган советской власти по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Октябрь–декабрь 1917 г. // Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы. Оренбург, 2017. Т. 1; Леонов С.В. Роспуск Петроградского ВРК и создание ВЧК // Вопросы истории. 2013. № 11; Соколов А.С. От Петроградского военно-революционного комитета к Всероссийской чрезвычайной комиссии // Вестник Московского областного университета. Сер. История и исторические науки. 2019. № 2.

⁷ Carr E. The Bolshevik revolution, 1917–1923. London, 1950–1952. Vol. 1–2 (русское издание: Карр Э. История Советской России. М., 1990. Кн. 1. Т. 1–2); Daniels R. Red October. The Bolshevik revolution of 1917. N.Y., 1967; Ulam A. The Bolsheviks: The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia. N.Y., 1965 (русское издание: Улам А. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 г. М., 2004).

⁸ Rabinowitch A.: 1) The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd. N.Y., 1976 (русское издание: Рабинович А. Революция 1917 г. в Петрограде: Большевики приходят к власти. М., 2003); 2) The Bolsheviks in Power: The First Year of Soviet Rule in Petrograd. Bloomington, 2007 (русское издание: Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007).

⁹ Cinnella E. The Tragedy of the Russian Revolution. Promise and Default of the Left Socialist Revolutionaries in 1918 // Cahiers du Monde russe. 1997. Vol. 38. No. 1–2; Melancon M. The Left Socialist-Revolutionaries and the Bolshevik Uprising // The Bolsheviks in Russian Society. New Heaven, 1997; Radkey O. The Sickle Under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. N.Y., 1963.

¹⁰ Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution: 1891–1924. London, 1996; Pipes R. Russian revolution. N.Y., 1990 (русское издание: Пайпс Р. Русская революция. М., 2005. Кн. 2).

далеко не полностью. Рассмотрение взаимодействия двух партий в рамках Петроградского ВРК и также изучение работы левых эсеров в этом органе позволяют определить, насколько значительным являлся вклад, который внесли члены ПЛСР(и) в организацию и деятельность ПВРК.

Падение авторитета Временного правительства и нарастание недовольства положением в обществе со стороны солдатских масс способствовали принятию большевиками решения об организации вооруженного восстания в Петрограде. Военная организация РСДРП(б) и солдатская секция Петроградского совета стояли у истоков создания Военно-революционного комитета, который станет штабом по проведению восстания. Уже на этом этапе большевики обрели поддержку со стороны некоторых радикальных представителей партии эсеров. Так, 29 сентября был сформирован президиум солдатской секции Петросовета, председателем которого стал представитель левого крыла эсеровской партии Л.И. Диесперов, а членами – большевики А.Д. Садовский, К.А. Мехоношин и левый эсер П.А. Лазимир¹¹.

Для координации действий во время восстания руководство РСДРП(б) начинает разрабатывать план создания Петроградского ВРК. По заключению ряда авторов, идея о его организации возникла 9 октября 1917 г. в солдатской секции Петросовета еще до принятия судьбоносной резолюции ЦК РСДРП(б) от 10 октября 1917 г. о восстании против Временного правительства. Создание плана по организации ВРК было продуктом коллективного творчества большевиков и левых эсеров. Данный план составлялся большевиком А.Д. Садовским, а также И.В. Балашовым и П.А. Лазимиром, которые принадлежали к левому крылу партии эсеров¹².

Окончательно Петроградский ВРК был образован 12 октября 1917 г. на закрытом заседании исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. С докладом от солдатской секции по данному вопросу выступал левый эсер Лазимир, который анонсировал принципы формирования ВРК при Петроградском совете, а также его основные задачи, среди которых значились установление минимума боевой силы, не подлежащей выводу из Петрограда, учет и регистрация личного состава гарнизонов Петрограда и окрестностей, разработка плана обороны столицы и поддержание в рабочих и солдатских массах города революционного порядка и дисциплины¹³. Решение о создании данного органа было принято всеми членами Петросовета, за исключением нескольких меньшевиков¹⁴.

¹¹ Афанасьев И.Л. Указ. соч. С. 146.

¹² Поликарпов В.Д. Указ. соч. С. 30.

¹³ Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы (далее – Петроградский ВРК). М., 1966. Т. 1. С. 40.

¹⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро И.К. и фракций (27 февраля – 25 октября 1917 года). М., 2003. Т. 4. С. 498.

На следующий день Лазимир представил доклад о создании ПВРК на заседании солдатской секции Петроградского совета, где он был также одобрен большинством представителей секции. 13 октября завершился, по выражению И.Л. Афанасьева, «эмбриональный период» существования Петроградского ВРК¹⁵. П.А. Лазимир первоначально был назначен председателем ПВРК, что позволило ему сыграть значительную роль в работе штаба вооруженного восстания¹⁶. Он был наиболее близок по взглядам к большевикам. Впоследствии Л.Д. Троцкий вспоминал, что Лазимир «был один из тех левых эсеров, который сразу пошел за нами (большевиками. – И.К.). Большевики "предложили Лазимиру набросать проект организации Военно-революционного комитета, за что он и взялся". После появления проекта члены РСДРП(б) редактировали его текст, «всячески замаскировывая революционно-повстанческий характер этого заявления»¹⁷. Кроме того, назначение левого эсера на такую ответственную должность объяснялось стремлением большевиков полностью заручиться его поддержкой. Как писал Мехоношин, подчеркивая инициативу большевиков в утверждении левого эсера на должность председателя ВРК, «это избрание имело политическое значение и для Лазимира оказалось решающим», после чего левый эсер решительно встал на сторону большевиков¹⁸. Таким образом, в процессе разработки проекта о создании ВРК проявилось взаимодействие большевиков и группы левых эсеров, ставшее впоследствии ключевым фактором в работе всего Военно-революционного комитета.

Организация Петроградского ВРК объяснялась большевиками стремлением социалистических партий воспрепятствовать попыткам срыва II Всероссийского съезда Советов, если таковые будут предприниматься крайне правыми политическими силами. Однако под прикрытием защиты съезда Советов большевистское руководство готовилось к вооруженному выступлению против Временного правительства.

16 октября 1917 г. состоялся пленум Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, который подтвердил решение исполкома о создании ВРК при Петросовете и утвердил положение о формировании комитета. Согласно решению пленума, в состав ВРК входили члены ЦК партии большевиков, фракции левых эсеров, военных организаций обеих партий, а также представители рабочей и солдатской секций Петросовета и гарнизонного совещания¹⁹. План большевиков и левых эсеров по созданию ВРК начал осуществляться на практике.

Поддержку действий ВРК со стороны левых эсеров осложняли опасения ЦК партии

¹⁵ Афанасьев И.Л. Указ. соч. С. 150.

¹⁶ Подвойский Н.И. Красная гвардия в Октябрьские дни. М.; Л. 1927. С. 19.

¹⁷ Троцкий Л.Д. Сочинения. Историческое подготовление Октября. М., 1925. Т. 3. Ч. 2. С. 91.

¹⁸ Воспоминания об Октябрьском перевороте. С. 53.

¹⁹ Большевики Петрограда в 1917 году. Хроника революционных событий в Петрограде. Март–октябрь 1917 г. Л., 1957. С. 627.

социалистов-революционеров, который хотел оказать влияние на политику левого крыла своей партии. Процесс разработки решений о создании Военно-революционного комитета продемонстрировал жесткость позиции эсеровского руководства. 16 октября на заседании фракции эсеров Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов по докладу Лазимира о формировании ВРК произошло бурное обсуждение вопроса о военной деятельности этого комитета. Большинство членов эсеровской фракции постановили снять вопрос с повестки заседания Петроградского совета, ввиду того что фракция не успела детально его рассмотреть. После того, как этот вопрос все же был обсужден на пленуме Петросовета, фракция эсеров отказалась от его рассмотрения и голосования по нему²⁰.

23 октября вопрос о создании ВРК обсуждался во фракции эсеров Петроградского совета. Образование Военно-революционного комитета вызвало жаркую дискуссию среди эсеров, большинство из которых поддержали его создание, тем самым перейдя на позиции левых социалистов-революционеров. Большинство членов эсеровской фракции проголосовали против отзыва ее представителей из ПВРК, что противоречило позиции ЦК ПСР. Эсеры решили избрать комиссию для составления наказа фракции членам Петроградского ВРК из эсеровской партии²¹. Раскол среди эсеров стал очевидным.

21 октября 1917 г. состоялось первое заседание Петроградского ВРК, на котором было образовано бюро комитета в составе большевиков В.А. Антонова-Овсеенко, Н.И. Подвойского и А.Д. Садовского и левых эсеров Г.Н. Сухарькова и П.А. Лазимира²². Таким образом, представители двух советских политических сил заняли ключевые позиции в ВРК, тем самым определяя его политику. Орган по проведению восстания стал первым учреждением, в котором сформировалась своеобразная двухпартийность в совместной работе и при принятии решений. Впоследствии главой ВРК вместо Лазимира был назначен Подвойский, и руководство комитетом перешло к большевикам²³. Несмотря на тот факт, что рядовыми членами Петроградского ВРК были несколько представителей других политических течений (анархисты и меньшевики-интернационалисты), именно большевики и левые эсеры возглавили руководящие структуры штаба восстания.

Участие членов фракции левых эсеров из солдатской секции Петроградского совета в работе ВРК являлось для большевиков важным, особенно в плане поддержки выступления со стороны левоэсеровских лидеров. По свидетельству П.Е. Дыбенко, большевистское руководство накануне восстания вело переговоры с видными левыми эсерами, среди которых были П.П. Прошьян и А.М. Устинов, о совместном вооруженном выступлении. В ответ на предложение большевиков о немедленном свержении

²⁰ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. С. 516.

²¹ Там же. С. 553.

²² Большевики Петрограда в 1917 году. С. 646.

²³ Петроградский ВРК. Т. 1. С. 195.

Временного правительства левоэсеровские лидеры выдвигали компромиссные решения, которые предполагали проведение переговоров между большевиками, эсерами и меньшевиками, тогда как наиболее радикальное крыло левых эсеров поддерживало позицию большевиков о вооруженном восстании и переходе всей власти в руки советов²⁴.

В данном вопросе ярко вырисовывались разногласия, которые возникли между левоэсеровским лидерами и рядовыми левыми эсерами, преимущественно из армейской и флотской среды, которые не являлись теоретиками партии эсеров, а действовали в соответствии с текущим моментом. Так, В.А. Антонов-Овсеенко вспоминал реакцию Лазимира на позицию руководителей левоэсеровской фракции II Всероссийского съезда Советов, представитель которых Б.Д. Камков заявлял, что левые эсеры стремятся провести переговоры с другими социалистическими партиями для создания коалиционного правительства. Первый руководитель Петроградского ВРК эмоционально отреагировал на слова Камкова, воскликнув: «Вот они, наши лидеры! Уже разводят дипломатию! Оторвались!»²⁵.

Подобным образом на примиренческий тон левоэсеровских лидеров реагировал и другой представитель этой фракции Н.Ф. Измайлов, который был балтийским матросом. Еще 25 сентября 1917 г. на II съезде моряков Балтийского флота, где поднимался вопрос об отношении к Временному правительству, лидеры левых эсеров М.А. Спиридонова и П.П. Прошьян призывали моряков не торопиться с восстанием и готовиться к переговорам со всеми социалистическими партиями ради образования коалиционной власти. Во время этого съезда, по словам Дыбенко, Измайлов заявил: «Наши лидеры оторвались от массы, не знают, что флот требует»²⁶. Таким образом, можно утверждать, осенью 1917 г. в рядах левоэсеровского движения выделяется два течения: умеренное, в которое входили лидеры левых эсеров, и радикальное, поддержавшее все начинания большевиков. Именно представители последнего сыграли важную роль в организации структур Петроградского ВРК.

Многочисленные сомнения в необходимости восстания порождали частые угрозы со стороны левоэсеровского руководства прекратить участие в работе Петроградского ВРК, в случае если его деятельность будет направлена на захват власти. Так, 24 октября на заседании фракции большевиков еще не открывшегося II Всероссийского съезда Советов Сталин заявил, что левые эсеры обращались с запросом об уточнении целей ВРК, спрашивая у руководства комитета, является ли целью создания ВРК организация восстания или революционная оборона, угрожая в случае подготовки к восстанию вывести своих представителей из состава комитета. Большевики были вынуждены заверить левоэсеровское руководство, что целью работы ВРК является наведение

²⁴ Дыбенко П.Е. Указ. соч. С. 80.

²⁵ Антонов-Овсеенко В.А. В революции. М., 1983. С. 147.

²⁶ Дыбенко П.Е. Указ. соч. С. 73.

революционного порядка в городе, после чего левые эсеры согласились не отзываться членов своей фракции из ВРК²⁷.

24 октября 1917 г. на заседании пленума Петроградского совета Троцкий положительно оценил деятельность членов бюро Петроградского ВРК из левоэсеровской фракции, подчеркнув, что левые эсеры «работают там прекрасно, и никаких принципиальных разногласий у нас с ними нет»²⁸. Руководитель Петроградского ВРК Подвойский также позитивно отзывался о левых эсерах, входивших в состав комитета. В своих воспоминаниях он так характеризовал К.М. Каллиса, работавшего вместе с большевиками в структурах Петроградского ВРК: «Левый социалист-революционер, почти не знавший цены слова, но знавший цену решению и делу. Не умевший отступить, но умевший стальной волей вести на большие дела»²⁹.

Несмотря на приготовления большевиков к восстанию, лидеры левых эсеров не стали поднимать вопрос о выходе из комитета. Возможно, это было сделано с целью противопоставить свою позицию решению ЦК партии эсеров, который был крайне недоволен участием левых эсеров в работе ВРК и потребовал выхода из его состава всех эсеров³⁰. Вследствие такого решения левые эсеры были вынуждены искать компромисс и признали возможным свое участие в составе Петроградского ВРК при условии издания им резолюции, в которой содержались бы заверения представителей комитета в том, что ВРК существует «исключительно для защиты интересов Петроградского гарнизона и демократии»³¹.

Издание данной резолюции способствовало ликвидации конфликта между большевиками и руководящими кругами левых эсеров перед восстанием. Однако недовольство левых эсеров деятельностью ВРК никуда не исчезло, а проявилось с новой силой уже в ходе операции по захвату государственных учреждений Петрограда. Согласно свидетельствам Мехоношина, вплоть до взятия Зимнего дворца левые эсеры несколько раз заявляли о своем желании выйти из состава ВРК. В основном об этом заявляли М.А. Спиридонова и Б.Д. Камков, которые отмечали, что не собираются терпеть «большевистские безобразия». По словам Мехоношина, «единственным из левых эсеров, кто не покидал ни на минуту ВРК, был товарищ Лазимир»³².

В то время как левоэсеровские лидеры критиковали руководство РСДРП(б), радикальные левые эсеры занимались подготовкой и проведением восстания. 22 октября Петроградский ВРК согласно распоряжению Лазимира попросил заводской комитет

²⁷ Письмо М.П. Жакова к С.Ф. Васильченко // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 92.

²⁸ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. С. 573.

²⁹ Подвойский Н.И. Вот кто составлял кадр Военной организации. Заметки председателя ВРК // Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1967. Т. 4. С. 158.

³⁰ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. С. 578.

³¹ Там же.

³² Штаб Октябрьской революции (беседа с тов. Мехоношиным) // АГИТ-РОСТА. 1919. 26 октября. С. 1.

Петроградского патронного завода выдать штабу Красной гвардии Выборгского района несколько тысяч боевых патронов³³. В тот же день в штаб Петроградского военного округа была направлена делегация в составе Лазимира, большевиков Мехоношина и Садовского и некоторых других представителей ВРК с целью поставить все распоряжения штаба под контроль комиссаров Петроградского ВРК³⁴. Впоследствии Лазимир был участником штурма Зимнего дворца. По воспоминаниям П.Д. Малькова, он был одним из тех, кому поручили составить план захвата штаба Временного правительства³⁵.

Свержение Временного правительства и провал переговоров о создании однородного социалистического правительства едва не привели к расколу между большевиками и левыми эсерами. Руководство левоэсеровской фракции ВЦИК II созыва приняло решение о выводе представителей левых эсеров из Военно-революционного комитета. 4 ноября 1917 г. это решение на заседании Петроградского ВРК огласил А.М. Устинов, который мотивировал его подчинением партийной дисциплине³⁶. Ссылаясь на решение своей фракции, посты в ВРК покинули левые эсеры Г.Д. Закс и М.А. Левин³⁷. Исходя из имеющихся в нашем распоряжении документов, можно отметить тот факт, что некоторые левые эсеры вовсе не оставляли свои должности во время кризиса, связанного с переговорами о создании однородного социалистического правительства. Так, левый эсер В.А. Алгасов 10 ноября 1917 г. был назначен комиссаром ВРК в Ревеле и Могилеве³⁸. Кроме того, в документах не встречается указаний на то, что ВРК покидали симпатизировавшие большевикам Лазимир и Сухарьков.

По мере укрепления власти большевиков и углубления противоречий между ними и умеренными социалистами лидеры левых эсеров начали склоняться на сторону признания факта перехода власти в руки советов и СНК. В середине ноября 1917 г. были проведены переговоры между руководством РСДРП(б) и фракцией левых эсеров ВЦИК, что привело к вхождению представителей левоэсеровского движения в советское правительство. Первым левым эсером в СНК стал нарком земледелия А.Л. Колегаев³⁹.

Разрешение противоречий в вопросе об установлении советской власти оказало влияние на деятельность двух партий в Петроградском ВРК. Временный кризис взаимодействия между большевиками и левыми эсерами не стал препятствием для дальнейшего сближения двух политических сил.

22 ноября 1917 г. на повестке заседания Петроградского ВРК обсуждался вопрос об участии левых эсеров в работе Военно-следственной комиссии ВРК по борьбе с

³³ Петроградский ВРК. Т. 1. С. 64.

³⁴ Большевики Петрограда в 1917 году. С. 648.

³⁵ Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М., 1987. С. 46.

³⁶ Петроградский ВРК. М., 1966. Т. 2. С. 65.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 359.

³⁹ Протоколы заседаний ВЦИК II созыва. М., 1918. С. 78.

контрреволюцией, в которую входили только члены РСДРП(б). Большевистское большинство ВРК рассмотрело протест левых эсеров по этому поводу и решило его удовлетворить, чтобы не вносить разногласий в данный орган. Было решено расширить эту комиссию до 7 человек, включив в ее состав 3 левых эсеров⁴⁰. На следующий день в заседании коллегии ПВРК вопрос о представительстве ПЛСР(и) в данной комиссии снова рассматривался. Представители левых эсеров в ВРК первоначально заявили о том, что они входят в его состав на паритетных началах. Большевикам пришлось пойти на новые уступки своим союзникам, и 10 левым эсерам были выданы удостоверения сотрудников Петроградского ВРК⁴¹. Среди них были В.А. Алгасов, Г.Д. Закс, И.М. Прохоров, В.М. Юдзентович, И.Ф. Быдзан, И.И. Ильин и некоторые другие левые эсеры⁴².

В ноябре 1917 г. структура Петроградского ВРК усложнилась. Закс вместе с большевиком П.И. Стучкой были поставлены во главе следственного отдела, автомобильный отдел возглавили И.В. Балашов и Юдзентович, а руководителем отдела донесений был утвержден Лазимир⁴³. К концу ноября 1917 г. численность левозэсеровских сотрудников Петроградского ВРК достигла наивысшего значения. По подсчетам советских исследователей, за весь период существования Петроградского военно-революционного комитета из 80 постоянных его членов большевиками были 53 чел., а левыми эсерами – 20 чел.⁴⁴ Согласно данным С.В. Леонова, в работе Петроградского ВРК принимали участие более 20 левых эсеров, «которые составляли не менее пятой части или даже четверти состава ВРК»⁴⁵. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что левозэсеровское представительство в составе Военно-революционного комитета являлось внушительным, что оказывало значительное влияние на его работу.

Тесное взаимодействие между большевиками и левыми эсерами в рамках ВРК к концу ноября наладилось окончательно. Об этом свидетельствовал 22 ноября 1917 г. член Петроградского ВРК В.А. Алгасов на I съезде партии левых эсеров. Он заявил, что в ходе совместной деятельности «разница между левыми эсерами и большевиками в процессе повседневной будничной работы ВРК стерлась»⁴⁶.

Продолжение совместной работы большевиков и левых эсеров в составе ВРК вызвало необходимость проведения согласованных мероприятий для борьбы с преступностью в Петрограде. В данном вопросе представители РСДРП(б) и левые эсеры действовали сплоченно. К примеру, И.Ф. Быдзан был назначен председателем комитета

⁴⁰ Протоколы заседаний ВЦИК II созыва. С. 257.

⁴¹ Там же. С. 285.

⁴² Там же. 297–298.

⁴³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-1236. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁴⁴ Цыпкина Р.Г. Указ. соч. С. 15.

⁴⁵ Леонов С.В. Указ. соч. С. 43.

⁴⁶ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 2000. Т. 1. С. 109.

ВРК по борьбе с пьянством и погромами⁴⁷. Согласно распоряжению ВРК от 27 ноября 1917 г., все обнаруженные спиртные напитки должны были уничтожаться в присутствии левого эсера⁴⁸.

Документы свидетельствуют о наладившемся сотрудничестве между большевиками и левыми эсерами в рамках ВРК. 15 ноября 1917 г. левоэсеровская фракция ВЦИК попросила Петроградский ВРК издать приказ о предоставлении Инженерного замка в Петрограде для проведения первого съезда партии левых социалистов-революционеров⁴⁹. На следующий день ВРК направил распоряжение коменданту Инженерного замка о предоставлении данного здания для съезда партии левых эсеров⁵⁰.

Вышеуказанные факты свидетельствуют о доверии, которое оказывали левым эсерам лидеры РСДРП(б). О чем говорит подобное отношение большевиков к левым эсерам? На наш взгляд, оно иллюстрирует тот факт, что на уровне Петроградского военно-революционного комитета представители РСДРП(б) и ПЛСР(и) образовали прочную коалицию. Участие левоэсеровских работников в деятельности Петроградского ВРК позволяло большевикам избавиться от кадровых проблем и наладить работу комитета в период, когда советское правительство еще не было способно организовать поддержание порядка в столице.

С именем левого эсера Быдзана связаны акции ВРК по уничтожению около десятка винных складов для предотвращения погромов. 26 ноября, сразу после своего назначения на пост комиссара по борьбе с погромами, Быдзан сделал доклад о винном погроме в Зимнем дворце, где, по его словам, «происходила полнейшая вакханалия». Разогнать пьяных людей, стремившихся полностью разграбить винные склады, удалось при помощи отряда матросов. Левому эсеру было поручено перевезти хранившиеся в Зимнем дворце продукты в Смольный и выселить оттуда посторонних проживающих лиц⁵¹. Для проведения в жизнь мер по борьбе с винными погромами была образована специальная комиссия из левых эсеров Быдзана, Ильина и Прохорова⁵².

Вскоре после своего назначения, Быдзан отчитался о борьбе с пьянством и азартными играми в Петрограде. По распоряжению левого эсера в некоторых ресторанах и гостиницах были проведены обыски и обнаружены запасы вина, которые были вскоре уничтожены. В течение суток Петроградским ВРК под руководством Быдзана было обнаружено несколько десятков винных складов⁵³. Однако вскоре после ликвидации

⁴⁷ Петроградский ВРК. М., 1967. Т. 3. С. 376.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-1236. Оп. 1. Д. 19. Л. 23.

⁴⁹ Там же. Д. 58. Л. 26.

⁵⁰ Там же. Л. 27.

⁵¹ Петроградский ВРК. Т. 3. С. 377.

⁵² Там же. С. 376.

⁵³ Там же. С. 515.

очередного винного погрома Быдзан был арестован красногвардейцами⁵⁴. Данное событие, по мнению А.А. Ильюхова, могло произойти вследствие попустительства погромам со стороны членов районных советов и руководителей Красной гвардии⁵⁵. Сам левый эсер объяснял собственный арест сведением личных счетов, о чем он упомянул в заявлении, написанном 1 декабря 1917 г. на имя командующего Петроградским военным округом. Быдзан утверждал, что красногвардейцы разгромили его квартиру и поместили его в подвал вместе с контрреволюционерами и лицами, арестованными за пьянство⁵⁶. Арест комиссара по борьбе с пьянством и погромами являлся показателем существовавшей в Петрограде анархии в плане поддержания порядка в городе. Действовавшие независимо от ВРК отряды Красной гвардии могли вмешиваться в работу государственных учреждений и представляли угрозу для жителей Петрограда.

В связи с арестом Быдзана Петроградским советом на должность комиссара по уничтожению вина была предложена кандидатура большевика Г.И. Благодрава, однако левый эсер И.В. Балашев уже назначенный на должность комиссара по борьбе с винными погромами, высказался против, заявив об отсутствии возможности работать в таких условиях⁵⁷. Произошло столкновение по вопросу о назначении комиссара между структурами ВРК и Петроградским советом, что вносило неопределенность в процесс борьбы с погромами в Петрограде. После обсуждения вопроса было решено утвердить Балашева в должности уполномоченного комиссара по борьбе с алкоголизмом и азартом и поручить Благодраву создать военную организацию, чтобы координировать свои действия с комиссаром⁵⁸.

На посту комиссара по борьбе с алкоголизмом и азартом Балашев сразу стал принимать меры по противодействию винным погромам. 2 декабря 1917 г. он приказал всем владельцам хранилищ вина сообщить об этом в Смольный под угрозой задержания⁵⁹. Также по распоряжению левого эсера под охрану был взят винный склад в гостинице В. Пестрикова для недопущения его разграбления⁶⁰. Таким образом, став комиссаром, Балашев активно включился в работу, которая могла привести к эффективной ликвидации винных погромов.

Вопрос о последовавшем 5 декабря 1917 г. внезапном роспуске Петроградского ВРК является дискуссионным, так как его ликвидация выглядит крайне нерациональным решением правительства в связи с тем, что в Петрограде бушевали винные погромы, с

⁵⁴ Петроградский ВРК. Т. 3. С. 519.

⁵⁵ Ильюхов А.А. Борьба с пьянством и погромами в Петрограде в 1917 году // К истории русских революций. События, мнения, оценки. М., 2007. С. 614.

⁵⁶ Петроградский ВРК. Т. 3. С. 519.

⁵⁷ Там же. С. 502.

⁵⁸ Там же. С. 503.

⁵⁹ Там же. С. 527.

⁶⁰ Там же. С. 543.

которыми с трудом удавалось справиться силами ПВРК. По оценке А.А.Ильюхова, подобные погромы в первой декаде декабря были постоянными⁶¹. Однако в связи со взаимодействием большевиков и левых эсеров роспуск ВРК не выглядит чем-то необъяснимым.

Еще 15 ноября 1917 г. на заседании СНК Ленин предложил «создать маленькое бюро для управления министерством внутренних дел», что предполагало передачу большинства функций ПВРК данному органу. Я.М.Свердлов предложил «Военно-революционный комитет пока не упразднять, но значительно разгрузить его». Также он высказал идею о пополнении Петроградского ВРК левыми эсерами на паритетных началах⁶². Озвученное Свердловым предложение, согласно С.В.Леонову, могло являться частью договоренностей между большевиками и левыми эсерами, которые проводили переговоры об образовании коалиции⁶³.

Именно факт пополнения Петроградского ВРК левыми эсерами подтолкнул Ленина к реорганизации и ликвидации Военно-революционного комитета. Влияние левых эсеров на работу Петроградского ВРК было выгодно большевикам только в период, когда функционирование правительственных учреждений еще не было окончательно налажено. Будучи сотрудниками ВРК, члены ПЛСР(и) оказывали воздействие на деятельность его центрального аппарата, и в особенности на работу Военно-следственной комиссии, что не могло устроить большевиков, стремившихся к более активному подавлению противников своей власти.

В постановлении о ликвидации Петроградского ВРК, принятом 5 декабря 1917 г. от имени комитета, подчеркивалось, что причиной его роспуска являлось то, что он выполнил свои боевые задачи в дни революции в Петрограде⁶⁴. Советские авторы, занимавшиеся проблемами истории ПВРК, полностью следовали в русле официальной версии его ликвидации и называли данную причину роспуска комитета главной⁶⁵. Однако в свете современных исследований данная причина ликвидации ВРК представляется неубедительной. Во-первых, неэффективная борьба Красной гвардии с винными погромами не способствовала стабилизации обстановки в Петрограде. Во-вторых, большевистское руководство было нацелено на организацию органа по борьбе с контрреволюцией, который был бы подчинен непосредственно правительству или партийным структурам РСДРП(б). Несмотря на тот факт, что некоторые исследователи отвергают данный вывод⁶⁶, действия большевистских руководителей свидетельствуют

⁶¹ Ильюхов А.А. Указ. соч. С. 618.

⁶² Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 г. М., 2006. С. 22.

⁶³ Леонов С.В. Указ. соч. С. 42.

⁶⁴ Петроградский ВРК. Т. 3. С. 569.

⁶⁵ Городецкий Е.Н. Указ. соч. С. 53; Дыков И.Г. Указ. соч. С. 139.

⁶⁶ Так, «левоэсеровский фактор» в ликвидации Петроградского ВРК считают несущественным А.С. Соколов и А.А. Зданович. См.: Соколов А.С. Указ. соч. С. 138; Зданович А.А. Продукт революционного экспромта (к

именно о стремлении лишить своих временных левоэсеровских союзников возможности влиять на принятие важных решений.

Стремление представителей РСДРП(б) конкурировать с левыми эсерами в деле борьбы с винными погромами говорит в пользу вышеупомянутого тезиса. Также стоит подчеркнуть, что противники версии о «левоэсеровском факторе» в роспуске ВРК зачастую утверждают, что среди входивших в его состав членов партии левых эсеров были в основном симпатизировавшие большевикам лица⁶⁷. Однако это утверждение вряд ли можно назвать справедливым, поскольку в ноябре 1917 г. в состав Петроградского ВРК была включена значительная группа левых эсеров, членов ВЦИК, чему представители большевистского руководства пытались воспрепятствовать, возражая против формирования ВРК на паритетных началах. Представители РСДРП(б) были вынуждены согласиться на вхождение левоэсеровской группы в ВРК только в качестве уступки своим союзникам по коалиции. Таким образом, можно полностью согласиться с заключением С.В. Леонова, что главной причиной роспуска Петроградского ВРК стало стремление руководства большевистской партии во главе с В.И. Лениным монополизировать сферу борьбы с контрреволюцией и избавиться от влияния на нее левых эсеров с тем, чтобы обеспечить себе «свободу рук», более жесткое и оперативное подавление всех политических оппонентов и застраховать себя от возможной утраты власти⁶⁸.

Большевистское руководство пошло на ликвидацию Петроградского ВРК в тот период, когда заменить его было практически нечем. И именно поэтому на месте Военно-следственной комиссии ПВРК спешно была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), которая подчинялась не Петроградскому совету, а Совнаркому. Необходимость учитывать мнения своих временных союзников в Военно-следственной комиссии Петроградского ВРК и в коллегии ВЧК, безусловно, представляла определенную проблему для большевиков. Взаимодействие между двумя политическими партиями в период формирования советской государственности требовало от В.И. Ленина заключать определенные компромиссы с временными союзниками, чем и объясняется последующее участие левых эсеров в деятельности Всероссийской Чрезвычайной комиссии. Участвуя в работе структур Петроградского ВРК, левые социалисты-революционеры внесли значительный вклад в формирование его аппарата и деятельность по борьбе с пьянством и погромами, что являлось одним из важных факторов в процессе укрепления власти Совета народных комиссаров в Петрограде.

вопросу о создании Всероссийской Чрезвычайной комиссии) // Вестник Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Сер. Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 19.

⁶⁷ *Зданович А.А.* Указ. соч. С. 23.

⁶⁸ *Леонов С.В.* Указ. соч. С. 46.

Дубровская Елена Юрьевна

кандидат исторических наук

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

**КРАСНАЯ АРМИЯ И ВОСПИТАНИЕ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»:
ОЖИДАНИЯ И ПРОСЧЕТЫ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КАРЕЛИИ
В 1920-е ГОДЫ¹**

В культурном контексте раннесоветского периода российской истории идея воспитания «нового человека» была одной из самых значительных. Идеологическим фоном такого воспитания оставалась милитаризация 1920-х гг., во многом предопределившая превращение этой плодотворной идеи в разновидность авторитарного вмешательства государства во все стороны жизни армии и общества в целом. Предыдущая публикация автора, подготовленная на материале воинских частей, дислоцированных в Олонецкой губернии во время Гражданской войны и сразу после ее окончания, показывает, как армейские и флотские политико-просветительные органы справлялись с задачей «перевоспитания» вчерашних крестьян, из которых в подавляющем большинстве состояли Рабоче-крестьянская красная армия (РККА) и новый Красный флот². В продолжение этой темы представляется целесообразным проследить, насколько успешной оказалась такая деятельность к концу первого послереволюционного десятилетия и каковы были результаты военного строительства в Автономной Карельской Социалистической Советской Республике (АКССР) во второй половине 1920-х гг.

По наблюдениям американского исследователя М. Хагена, средством, позволяющим понять цели и методы политического образования, становится выявление тех ценностей, которые с точки зрения политической элиты считаются необходимыми для усвоения военными служащими³. Военная реформа М.В. Фрунзе 1924–1925 гг., призванная после

---

¹ Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (0225-2018-0011).

² Дубровская Е.Ю. От войны к миру: красноармейцы в годы Гражданской войны и в раннесоветский период истории Карелии // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электронный сборник. Самара, 2019. Вып. 7. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=16> (дата обращения: 29.04.2020).

³ Hagen M. Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State. 1917–1930. Ithaca; London, 1990.

кратковременной демилитаризации общества в период нэпа восстановить утраченный высокий статус Красной армии и ее боеспособность в целом, положила начало военизации гражданского населения страны⁴.

В системе политической учебы красноармейцев с октября 1924 г. Политуправлением РККА (ПУР) были введены вместо прежнего политчаса ежедневные двухчасовые политзанятия, проводившиеся по четко разработанной двухлетней программе. Тремя главными ее столпами стали «милитаризация, советизация и интернационализация», среди которых первая занимала наиболее важное место⁵.

Программа ставила целью добиться усвоения личным составом необходимого объема общественно-политических знаний. Несмотря на упрощения, продиктованные тогдашними общественными, политическими и культурными условиями, программа, по утверждению ее авторов, основывалась на лучших традициях научного марксизма и революционной практики. В течение всего первого года подготовки шло превращение вчерашнего призывника-крестьянина в советского бойца, имеющего ясное представление о Красной армии как «армии нового типа», ее задачах, организации и истории. Вопросы политического образования связывались с чисто военной тематикой, а изучение двухгодичной программы подкреплялось милитаризацией всей повседневной деятельности⁶.

Военные события осени 1921 – зимы 1922 гг. в Российской Карелии, ставшие частью «малой Гражданской войны» и одним из звеньев в цепи крестьянских восстаний в Советской России 1920–1922 гг., имели особенности, связанные с пограничным положением края и национальным составом населения⁷. В 1924 г. призыв лиц, достигших призывного возраста (1902 г. р.), в Карелии не производился, за исключением членов РКП(б). И хотя докладная записка республиканского ГПУ в обком партии отмечала «вполне доброжелательное отношение к Красной армии со стороны "туземного

⁴ Бочков Е.А. Когда на армии приходилось экономить... Экономические аспекты военного строительства в СССР в 20-е годы // Военно-исторический журнал. 1998. № 2. С. 2–7; Добровольский В.С., Шпаков Г.Г. Военная подготовка в гражданских вузах в СССР в 1924–1944 гг. // Там же. 2020. № 3. С. 40–45; Реформа военная 1924–25 // Военная энциклопедия в 8 т. М., 2003. Т. 7. С. 223.

⁵ Hagen M. Op. cit. P. 276.

⁶ Партийно-политическая работа в Красной армии: Документы. М., 1981. Т. 1. С. 315–324.

⁷ Этническая родственность карелов и финнов и обретение Финляндией независимости в декабре 1917 г. вызывали, с одной стороны, активизацию карельских сепаратистских настроений, а с другой – стремление правящих кругов Финляндии присоединить территорию Восточной (Российской) Карелии. См. об этом: Гусев К.В. К истории Карельского мятежа // Отечественная история. 1996. № 6. С. 77; Йокиппи М. Восточная Карелия в период так называемых «племенных войн» 1918–1922 гг. // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 328; Килин Ю.М. Карелия в политике советского государства. 1921–1941 гг. Петрозаводск, 1999; Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики 1921–1940 гг. Петрозаводск, 1997. С. 329; Lackman M. Jahvetti Moilanen – läskikapinan johtaja: Poliittinen elämäkerta (1881–1938). Oulu, 1993. S. 41–44.

населения"»⁸, участие советских войск в подавлении восстания на севере Карелии на долгое время оставило след в отношении жителей приграничья к красноармейским частям и погранотрядам. В 1920-е гг. их встречали здесь настороженно, а порой и открыто неприязненно⁹.

18 сентября 1925 г. советское правительство приняло Закон об обязательной военной службе. Однако граждане северных территорий АКССР – Ухтинского района, Поросозерской, Ребольской, Ругозерской, Кимасозерской волостей Кемского уезда – как экономически слабых волостей, «пострадавших от бандитизма» во время вооруженного конфликта в Карелии зимой 1921–1922 гг., согласно постановления президиума Карельского обкома от 20 мая 1923 г. были до 1926 г. освобождены «от отбывания воинской повинности» по политическим соображениям. В отношении граждан других территорий республики, освобожденных от призыва на пять лет, члены президиума обкома А. Нуортева, Э. Гюллинг, И. Ярвисало и З. Денисов пришли к мнению, что «в дальнейшем от военной повинности их освобождать нет никакой необходимости, за исключением Кемского и Ухтинского уездов и нескольких волостей»¹⁰.

Новым в военном строительстве 1920-х гг. стало комплектование национальных формирований, которое проводилось на основе решений XII партийного съезда 1923 г. Пленум Реввоенсовета СССР, состоявшийся в ноябре 1924 г., выдвинул условие сохранения полного единства Вооруженных сил страны и потребовал, чтобы все национальные формирования строились, управлялись, обучались как и Красная армия в целом. Специально созданная комиссия во главе с Ф.Э. Дзержинским разработала пятилетний план национального строительства, который был одобрен Советом Труда и Оборона (СТО) и утвержден III съездом Советов СССР 16 мая 1925 г.

В 1925–1926 гг. формировались стрелковые и кавалерийские дивизии на Украине, в Грузии и Узбекистане, в Казахской, Туркменской республиках, стрелковые и кавалерийские полки – в Бурят-Монгольской, Башкирской, Таджикской, Татарской, Якутской АССР. К весне 1925 г. национальные формирования составляли не более 10% от общей численности РККА¹¹.

Вопрос о создании карельского национального батальона впервые обсуждался весной 1924 г. высшими партийными и советскими органами республики, которые сочли его организацию целесообразной, но из-за финансовых затруднений вопрос был отложен. Вернувшись к нему в декабре того же года на президиуме Карельского обкома ВКП(б),

⁸ Неизвестная Карелия. С. 55.

⁹ См., напр., сводки политотдела Каррайона и военных частей за 1922 г. (Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 63; Д. 64. Л. 58, 60–62 и др.).

¹⁰ Там же. Д. 216. Л. 76, 131.

¹¹ Ващенко П.Ф., Рунов В.А. Военная реформа в СССР // Военно-исторический журнал. 1989. № 12. С. 38; Мальцев Н.А. Кадровая или милиционная? (О принципах комплектования советских Вооруженных Сил) // Там же. № 11. С. 39–40.

секретарь областного комитета партии И.А. Ярвисало сослался на ухудшение как международной обстановки, так и внутривнутриполитической ситуации в Финляндии и на попытки соседней страны привлечь внимание мировой общественности к «карельскому вопросу». Теперь формирование национальной части представлялось руководству Карелии гораздо более актуальным, учитывая, что «военная служба была бы хорошей политической и практической школой для карельской молодежи, которая отвыкает от этого». Однако бюджет республики вновь не позволил профинансировать новое начинание, и создание национальной части было отложено еще на год¹². Отдельный карельский егерский батальон, сформированный в Петрозаводске 15 октября 1925 г., состоял из трех стрелковых и одной пулеметной роты, имел взводы разведчиков, связи, артиллеристов, саперов, хозяйственную команду и команду музыкантов¹³.

Существенной стороной военной реформы 1920-х гг. стало строительство Красной армии на основе смешанной системы вооруженных сил, сочетавшей кадровые и территориально-милиционные формирования. Переменный состав территориальных частей («переменники») не отрывался надолго от работы в промышленности или сельском хозяйстве и проходил подготовку в течение нескольких месяцев в году в местах комплектования частей. Кадровыми оставались части в войсках пограничных округов, в военно-морских силах, артиллерии и некоторых специальных службах, связанных с эксплуатацией сложной боевой техники. В 1925 г. КарЦИК и начальник территориального управления АКССР ходатайствовали перед Ленинградским военным округом (ЛВО) о том, чтобы все граждане Карелии проходили действительную военную службу на территории республики в формируемых национальных кадровых частях, а в территориальные части зачислялся бы «оставшийся контингент»¹⁴.

Общесоюзный принцип комплектования частей Красной армии предписывал направлять «через человека в кадровую часть, а остальных – в переменный состав территориальных частей». В соответствии с этим в 1926 г. из 863 призывников-карелов в кадровые части попали 431 чел., а в территориальные – 432 чел., из 937 русских – 468 чел. в кадровые и 469 чел. в территориальные части¹⁵. Излишек русского пополнения из уроженцев бассейна Онежского озера и Поморья предполагалось отправить в Балтийский флот, где в дореволюционное время часто проходили службу жители территорий, хорошо знакомые с рыбацкой промысловой деятельностью. Высшее партийное и советское руководство республики рекомендовало принять во внимание «русскую национальность указанной группы, а равно и их вероятный интерес к службе во

¹² НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34. Л. 24.

¹³ Веригин С.Г., Лайдинен Э.П. Карельская егерская бригада // Карелия. Энциклопедия. Петрозаводск, 2009. Т. 2. С. 30.

¹⁴ НАРК.Ф. 3. Оп. 1. Д. 585. Л. 90.

¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 6. Л. 57–59.

флоте» и на этом основании содействовать зачислению этнических русских на флот «в порядке добровольчества». В начале марта 1926 г. бюро Карельского обкома ВКП(б) рекомендовало партийной фракции Президиума КарЦИК настаивать на проведении мероприятий, касавшихся призыва граждан на территории республики в Красную армию, считая принципиально необходимым «не разделять призывного контингента для службы в кадровых войсках вне Карелии, за исключением принятого решения о призыве во флот»¹⁶.

Основные представления о революции, социализме, народовластии военнослужащие получали от армейских политических инструкторов, уверенных в том, что «свободно говорить, писать, в армии особенно, нам еще не пришло время, надо быть осторожными»¹⁷. Бывшие солдаты мировой и Гражданской войн, осуществлявшие в 1920-е гг. воспитание красноармейцев, предпочитали подчинение и издание приказов демократическим дебатам, процедурам выборов и терпимости к суждениям, отличным от общепринятых¹⁸. Это же отличало и обстановку в армейских и флотских партийных организациях. «Идея внутрипартийной демократии внутри Красной армии значительно изменяется, – разъяснял циркуляр республиканского партийного руководства о работе в погранотрядах Карелии в 1925 г., – в зависимости от чего не всегда бывает уместно выносить на партсобрания вопросы, которые в гражданских партиях подлежат общему обсуждению коммунистов». Особенное внимание не без основания предписывалось уделять повышению авторитета командира, однако, устраняя при этом всевозможное проникновение «гражданских уклонов»¹⁹.

Один из участников 3-го делегатского партийного собрания пограничников, проходившего весной 1925 г. в с. Ухта (совр. пос. Калевала), с беспокойством констатировал, что «беспартийщина нас начинает перерастать»²⁰. Участники 5-го делегатского партсобрания Ухтинского погранотряда с тревогой отмечали «упадочные настроения» и среди коммунистов-пограничников: «тот или иной член партии, горя желанием покинуть дебри Карелии, делается расхлябанным, бросает работу и т. п.». «Упадочные настроения» рядовых, по докладам с мест, иногда выражались в умышленной порче и без того скудного инвентаря», особенно когда красноармейцы получали известие о переводе на другую заставу. Шла речь о «плохом отношении к суконному обмундированию», о недостатке внимания к сбережению конского состава, «пережившего гражданскую войну»: «уход плохой, у растяпы-красноармейца лошадь всегда побита»²¹. В 1925 г. между Ухтинским уездным исполкомом, уездным комитетом

¹⁶ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6. Л. 57–59.

¹⁷ Там же. Ф. 1187. Оп. 2. Д. 130. Л. 23–24.

¹⁸ Хаген М. Армия и общество в 20-е годы // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 57.

¹⁹ НАРК. Ф. 1187. Оп. 2. Д. 130. Л. 50.

²⁰ Там же. Л. 21.

²¹ Там же. Д. 210. Л. 5, 8–10.

партии, возглавлявшимся Ю. Матеро, и начальником 1-го погранотряда Н. Лысовым велась переписка по поводу нарушений общественного порядка военнослужащими отряда²².

Тезисы о задачах партийной работы в погранохране ОГПУ ЛВО, датированные 1926 годом, предписывали парторганизации, «принимая во внимание случаи упадочного настроения и самоубийства среди начальствующего состава», направить усилия на «улучшение внеслужебного быта начальства». Вся работа с беспартийными должна была иметь целью «создание здорового политико-морального состояния» и содействовать «пресечению явлений его нарушающих: пьянство, разгильдяйство, расхлябанность, самоубийства и т. д. и т. п.». Однако особенно тревожившими политическое руководство армии оставались «крестьянские настроения», пагубно, с его точки зрения, действовавшие на красноармейцев. Пополнение личного состава пограничных войск за счет крестьянской молодежи в связи с принятием Закона об обязательной военной службе расценивалось как фактор, усложнявший условия работы: «Пришедший в погранохрану молодняк, в связи с общим оживлением активности всех слоев населения СССР, более культурен, предъявляет повышенные требования и гораздо более активен, чем раньше. Но активность эта часто идет по нежелательному для нас пути, т. к. молодняк этот не испытал на себе тягот буржуазно-помещичьего режима, не прошел школы гражданской войны, а большую часть своей сознательной жизни прожил в нэповском периоде деревни. Выражением вредного проявления активности являются, главным образом, крестьянские настроения»²³.

Планом проведения кампании 1927 г. по призыву граждан в ряды РККА по Карельской республике уполномоченным, агитировавшим среди крестьянского населения, предписывалось «связывать все вопросы с интересами крестьянского хозяйства». Необходимо было устанавливать непосредственную зависимость этих интересов «от судьбы СССР и мощи Красной армии», всеми мерами предотвращая всевозможные кривотолки, провокационные слухи среди допризывников и жителей края. «Популяризация Красной армии, – подчеркивалось в документе, – должна идти по линии разъяснения ее задач как школы боевой подготовки трудящихся». В то же время ответственных за проведение призывной кампании предостерегали от «идеализации жизни и быта Красной армии и неверного освещения дисциплины в РККА»²⁴.

Примечательно, что в систему ценностей советского новобранца должно было входить «изживание остатков рекрутчины» среди призывников, подразумевавшее отказ будущего солдата и его родных от векового традиционного для российской деревни ритуала проводов крестьянина на «государеву службу». По наблюдениям историка

²² НАРК. Ф. 1187. Оп. 2. Д. 130. Л. 34.

²³ Там же. Д. 206. Л. 21.

²⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 2. Д. 104. Л. 24.

В.П. Булдакова, предстоящее исполнение воинского долга психологически приближало «человека земли» к власти, всем следовало уважать самый процесс перехода в это новое качество, и дореволюционный призывник долго и демонстративно «гулял» на глазах у «понимающей» общины²⁵.

В число лозунгов, предлагавшихся циркуляром Политуправления РККА (ПУР) в преддверии призывной кампании 1927 г., были включены и такие: «Новобранец царской армии заливал вином страх перед палочным режимом царской казармы. Новобранец Красной армии должен вести себя как подобает сознательному защитнику рабоче-крестьянской страны»; «Рабоче-крестьянское правительство не оставляет без помощи семьи красноармейцев». Составители плана проведения призывной кампании обращали внимание на то, что встречавшееся в практике предшествовавших призывов «грубое, упрощенное противопоставление дисциплины царской и Красной армии» создавало порой у призывников неверное представление о действительной службе в рядах РККА, и Красная армия рисовалась их воображению «как школа общественно-политического воспитания, где кроме того, можно получить какую-либо специальность, а не место боевой подготовки трудящихся»²⁶.

Как отмечалось, служба в армии способствовала повышению общеобразовательного уровня деревенской молодежи, особенно если принять во внимание ее возросшую в 1920-е гг. тягу к обучению. Это становилось одним из стимулов к прохождению действительной службы наряду с желанием получить в обществе более высокий моральный статус защитника Страны Советов, улучшить благосостояние собственное и своей семьи, а также получить возможность вступления в партию и подготовки к военной карьере как уважаемой профессии послереволюционного политического строя²⁷.

По итогам призыва в Красную армию, вопрос о котором заслушало бюро Карельского обкома ВКП(б) в декабре 1927 г., в качестве положительного факта было отмечено «отсутствие среди призывников моментов старой рекрутчины (пьянство, дебош и т. д.)». Это свидетельствовало, как записано в приложении к протоколу заседания, о том, что населением и призывниками задачи Красной армии и необходимость обороны СССР в основном поняты во многом благодаря «усилившейся работе по разъяснению и пропаганде вопросов обороны Советского Союза», что и подтверждается «большим наплывом добровольцев и отсутствием случаев симуляции». В основном было признано удовлетворительным и политико-моральное состояние демобилизовавшихся из рядов РККА, несмотря на «имевшие место случаи пьянства, вызывающего поведения и угроз»,

²⁵ Булдаков В.П. Имперство и российская революционность. (Критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1. С. 22.

²⁶ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 104. Л. 24, 25.

²⁷ Hagen M. Op. cit. P. 158.

главным образом, в адрес младшего командного состава, такие случаи называли «единичными явлениями»²⁸.

В перечень лозунгов, предусмотренных циркуляром ПУР для проведения призывной кампании 1927 г., включались и такие: «Через национальные части Красной армии трудящиеся укрепляют Советскую власть», «Трудящиеся Карелии, укрепляйте мощь Красной армии, усиливайте связь с национальными частями Карелии», «Только власть Советов обеспечивает свободное развитие отдельных народов и национальностей»²⁹. Однако и в пределах Карелии, даже в частях местного формирования, призывникам приходилось сталкиваться с проблемами, связанными с этнической принадлежностью красноармейцев. В повседневной жизни Карельского егерского батальона (КЕБ), численностью приблизительно в 650 чел. по штату мирного времени³⁰, который объединял жителей Карелии, проходивших срочную службу на территории республики, наблюдались случаи искажения принципов национальной политики, провозглашенной советским государством, и отступления от «интернационализации» как одной из важнейших задач подготовки красноармейцев³¹.

В 1927 г. из-за участившихся нареканий в адрес КЕБ Карельский обком неоднократно рассматривал вопрос о состоянии батальона. По сведениям, приведенным в докладе начальника территориального управления АКССР Зусмановича, в нем насчитывалось 567 чел. рядовых красноармейцев, в том числе 368 карелов, 193 русских и 6 финнов (по социальному составу – 516 крестьян, 37 рабочих и 14 служащих, среди них 17 членов и кандидатов ВКП(б) и 140 комсомольцев). Младший комсостав по этнической принадлежности тоже в подавляющем большинстве был карельским: 80 карелов, 29 русских, 6 финнов, в их числе 93 крестьянина, 11 рабочих и 1 служащий (84 членов ВЛКСМ)³². Между тем среди командиров батальона, возглавляемого Э. Матсоном, преобладали «красные финны» (60%)³³. Это были эмигрировавшие в Советскую Россию участники гражданской войны в Финляндии, первоначально служившие в 164-м (6-м) финском полку Красной армии и, как правило, получившие профессиональное образование в Интернациональной военной школе в Петрограде³⁴. Из

²⁸ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 105. Л. 44, 46.

²⁹ Там же. Д. 104. Л. 25.

³⁰ Там же. Д. 6. Л. 59–62, 87.

³¹ Там же. Д. 102. Л. 38, 73, 126–127; Неизвестная Карелия. С. 119.

³² НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 102. Л. 69.

³³ *Филимончик С.Н.* Карельская автономия в составе РСФСР в годы нэпа // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электронный сборник. Самара, 2019. Вып. 7. С. 26. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=16> (дата обращения: 28.03.2020).

³⁴ Еще в 1923 г. президиум Карельского обкома принял решение удовлетворить просьбу Центрального бюро Финляндских организаций в Петрограде о направлении в эту школу 25–30 курсантов, карелов по национальности. Связанными с КЕБ оказались судьбы десятков «красных финнов», посвятивших себя

50 командиров среднего и старшего комсостава и политсостава на долю финнов приходилось 30 чел., 11 чел. были русскими и лишь пятеро карелами (в том числе 32 рабочих, 6 крестьян, 1 служащий; среди них беспартийные оставались в явном меньшинстве: 26 коммунистов, 12 кандидатов в члены партии и 5 комсомольцев)³⁵.

Начальник управления территориального округа АКССР упомянул о «создававших антагонизм» фактах проявления национальной розни между красноармейцами КЕБ, вызванных «неправильными взаимоотношениями между русской частью батальона и карельской». Как следовало из доклада Зусмановича, «среди русской части создано мнение о засилье кареляков», «один из егерей в пьяном виде угрожал устроить побоище кареляков и был арестован командиром батальона»³⁶. Подобные же случаи нарушения дисциплины русскими егерями (которые обращались к сослуживцам с призывом: «2-я рота, помощи, карелы бьют!») отмечены и в докладной записке ГПУ АКССР в ОГПУ ЛВО в конце марта 1929 г.³⁷ В числе просчетов руководства батальона, способствовавших «созданию антагонизма», Зусманович назвал назначение в русскую по национальному составу роту командира взвода, не говорившего по-русски. Шла речь и о неодинаковых дисциплинарных взысканиях, которые накладывались на карелов и русских за одни и те же проступки («за появление в пьяном виде карелы арестовываются на 10 суток, тогда как русские на 20»)³⁸.

18 марта 1927 г. в резолюции бюро обкома по докладу о состоянии КЕБ отмечалось, что «организация батальона как национальной части», которая предоставила трудящимся Карелии «возможность участия в общей работе по обороне СССР», «целиком и полностью себя оправдала». Принимая во внимание его «политическое значение и его роль как базы советской работы среди карельского населения», были даны рекомендации для устранения недостатков, вызвавших обсуждение вопроса о положении дел в батальоне на самом высоком партийном уровне республики³⁹.

Специальная комиссия, весной 1928 г. изучившая обстановку в батальоне, подтвердила, что у русских красноармейцев 2-й роты, преимущественно из рыбаков и рабочих, действительно сложилось «мнение о засилье карелов». Оно основывалось на том, что комсостав из «красных финнов», близкий по языку карельскому населению, «разговаривает с красноармейцами карелами на их родном языке». Однако факт «ущемления прав русских красноармейцев» не подтвердился, а из бесед с ними выяснилось, что «карел так же греют (наказывают. – Е.Д.) как и нас». Комиссия пришла к

военному делу профессионально. Среди них М. Куконоя, А. Лайне, Я. Саволайнен, Э. Ояла, чьи автобиографии хранятся в Научном архиве Карельского Научного центра РАН.

³⁵ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 102. Л. 69.

³⁶ Там же. Л. 38.

³⁷ Неизвестная Карелия. С. 119.

³⁸ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 102. Л. 73.

³⁹ Там же. Л. 77.

заклучению, что «антагонизма на национальной почве в батальоне нет, а есть предубежденное отношение красноармейцев 2-й роты к карелам, якобы, занимающим привилегированное положение в батальоне»⁴⁰.

Заслушав результаты работы этой комиссии, бюро обкома постановило «провести цикл занятий с комсомольцами, а также со средним и младшим комполит составом по вопросам теории и практики национальной политики». Сочли целесообразным «определить для обучения по-русски» вепсов и красноармейцев из Южной Карелии, в большей степени владевших русским языком, в то же время, «имея в виду приобщение к финскому языку», в течение трех месяцев проводить «обучение языкам и письменности» вновь призванных, чтобы «облегчить усвоение комплексной программы» политзанятий, рекомендованных ПУР. Командир батальона должен был «обеспечить применение надписей на двух языках», армейскому и республиканскому руководству предлагалось приобрести для библиотеки батальона пособия и необходимую литературу на финском языке, а партийной фракции финноязычного издательства «Кирья» в Петрозаводске следовало подготовить «необходимый минимум» популярной литературы «из жизни и быта Красной армии на финском языке»⁴¹.

Несмотря на принятые постановления органы ГПУ в 1929 г. по-прежнему отмечали недостаточную разъяснительную работу командования батальона среди красноармейцев по национальному вопросу. «В некоторых случаях это разъяснение принимает крайне нездоровую и уродливую форму, большинство докладов в клубе делается на русском языке», а на просьбы перевести их содержание егеря-карелы получают ответ, что «некогда, не стоит разъяснять на двух языках». «В результате такой "национальной политики", – говорилось в докладной записке, – красноармейцы-карелы за последнее время совсем перестали посещать не только комсомольские, но и общие красноармейские собрания». В документе упоминается и о том, что один из старших учителей батальона во время внепрограммных занятий с красноармейцами по теме «Национальный вопрос и его практическое применение» устроил обсуждение сепаратистского лозунга «Карелия – карелам (до конца на 100%)». Авторы записки расценили это как подтверждение «недопонимания со стороны политсостава КЕБ», насколько важно разъяснять «сущность национального вопроса»⁴².

Резкое осуждение со стороны партийного руководства встретило проявление творческой инициативы егерей КЕБ, которые в 1927 г. организовали «под видом делегатских собраний» беспартийно-красноармейскую конференцию, создали «без надлежащего на это права» и без ведома управления территориального округа, а также без предварительной регистрации в Политсекретариате республиканского военкомата,

⁴⁰ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 102. Л. 126.

⁴¹ Там же. Л. 127.

⁴² Там же. Д. 365. Л. 40.

общество «Карельский медведь» и «Общество друзей книги». В последнее, по уставу организации, могли входить «все сочувствующие коммунистической партии и советской власти егеря и начальствующий состав»⁴³. При батальоне были созданы свой театр и клуб, партийная организация не должна была вмешиваться в решение вопросов армейской жизни⁴⁴. Неудивительно, что любое несанкционированное свыше начинание красноармейцев, а тем более «излишняя самостоятельность» командиров-финнов, вызывали противодействие.

В 1930 г. руководство батальона просило командующего войсками ЛВО направить для укомплектования КЕБ до 100 чел. тверских карелов из Тверского и Бежецкого округов и «националов Северо-Западной области, главным образом, из рабочих». Предусматривалось увеличить рабочую прослойку среди «переменного состава» (призывников срочной службы. – *Е.Д.*), но не за счет снижения «процента националов в батальоне»⁴⁵. В декабре 1931 г. в докладе командования Карельской егерской бригады, развернутой на базе КЕБ осенью 1930 г., вновь отмечались «непонимание практического осуществления национальной политики и недостаточная разъяснительная работа среди красноармейцев», особенно среди тверских карелов⁴⁶.

При подборе кадров младшего комсостава предписывалось строго соблюдать «классовость», ни в коем случае не допуская «проникновения зажиточных элементов в военные школы», как это еще случалось вопреки решению пленума РВС СССР «о насыщении школы рабочим, батрацким и бедняцким ядром»⁴⁷. Однако в армии и на флоте руководители высшего ранга должны были создавать профессиональный офицерский корпус, вводить более твердую и последовательную дисциплинарную политику, чем та, что сохранялась со времен Гражданской войны. Военнослужащие воспринимали это как возобновление муштры и установление чрезвычайно жесткой дисциплины, применявшейся в строевой подготовке старой армии.

Как подчеркивал один из видных советских политработников, караульная служба, команды «огонь», «вольно» и тому подобное «выполняют в нашей армии ту же роль, что и в царской армии, исполнение команд, система военной субординации, приказы и рапорты, психологические и физические качества бойцов, способность действовать как часть единого целого – эти характеристики лежат в основе военной организации в целом, независимо от классовой основы, на которой построены вооруженные силы»⁴⁸.

Между тем военное руководство Карелии, воодушевленное лозунгами об армии нового типа с абсолютно отличной от прежней организацией, приводя примеры

⁴³ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 102. Л. 74.

⁴⁴ *Филимончик С.Н.* Указ. соч. С. 26.

⁴⁵ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 424. Л. 10.

⁴⁶ Там же. Д. 527. Л. 110.

⁴⁷ Там же. Д. 349. Л. 69–79.

⁴⁸ *Король М.* Вопросы военно-политического воспитания в Красной армии. М.; Л., 1927. С. 23–24.

нетактичного отношения части комсостава, особенно младшего, к егерям КЕБ, упоминало как раз о «муштровке красноармейцев». «Введение в программы обучения красноармейцев моментов, не отвечающих программам уставов Красной армии, увлечение обучением отданию чести, приему "смирно", не согласное с уставом и заимствованное из армий буржуазных стран», «случаи команды "кругом" с приказанием снова прийти», когда «некоторым командирам казалось, что красноармеец, войдя, недостаточно щелкнул каблуками», – все эти приметы старой армии весной 1927 г. были обнаружены в пулеметной роте и в штабе КЕБ комиссией по обследованию батальона⁴⁹. Таково одно из последствий воздействия советской индоктринации на армейскую повседневность, вызывавшего обратную реакцию.

В обком партии поступали сообщения о распространившихся среди красноармейцев негативных настроениях, которые возникали из-за плохих жилищных условий в Карелии, невыплат проездных денег во время отпусков и недостатка количества и ассортимента продуктов в кооперативных магазинах, обслуживавших военных, особенно в пограничной полосе. По свидетельству комиссии, было обнаружено два анонимных письма с жалобами егерей: «Недовольны жизнью и бытом казармы, обозлены против комсостава. Если пойдем воевать, то командиры получают первую пулю». Подобные настроения отмечались наряду с проявлениями «вполне сознательного» отношения красноармейцев к международной обстановке в связи с возникшей напряженностью в отношениях СССР с Китаем и Великобританией. Факты налетов на советское посольство в Пекине, а затем в Лондоне «вызывали в красноармейской среде бурю самых искренних возмущений без обычных "закидаем шапками", красноармейцы тверды и вполне здраво рассуждают, что уж если придется драться, то будем драться как львы», – заключали авторы документа. Некоторые из военнослужащих делали отчисления от своего заработка в фонд «Наш ответ Чемберлену»⁵⁰.

Сталинская группа в правительстве стремилась использовать тезис о военной угрозе для окончательного устранения с политической арены своих оппонентов. Апелляция к «чрезвычайному» уровню внешней опасности, закреплённая в декабре 1927 г. XV съездом ВКП(б), открывала возможность легитимировать чрезвычайные методы управления страной. Важную роль в определении отношения к проблеме военной угрозы сыграл состоявшийся в конце июля – начале августа 1927 г. пленум ЦК и ЦКК партии, который, исходя из теории неизбежности войн в период империализма, признал историческую необходимость войны капиталистического окружения с СССР и ее вероятность в ближайшем будущем⁵¹.

⁴⁹ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 102. Л. 72, 75, 124.

⁵⁰ Там же. Д. 97. Л. 21 об.

⁵¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М., 1984. Т. 4. С. 175.

К середине 1930-х гг. с подготовкой к будущей войне напрямую была связана и коллективизация. Массовые репрессии против крестьянства в 1927 – начале 1928 г. стали результатом стремления власти быстро получить хлеб для городов, вступивших в индустриальный бум, и безуспешных попыток выиграть соревнование с частником экономическими средствами. «Аграрный уклон» был изобретен еще накануне XIV съезда партии, провозгласившего в конце 1925 г. курс на индустриализацию. Борьба с «уклоном» направлялась против сторонников принципа равновесия между промышленностью, сельским хозяйством и внешней торговлей, которые настаивали на ускоренном развитии сельского хозяйства и увеличении экспорта сельхозпродуктов для нужд индустриализации⁵².

Весной 1929 г. в резолюции бюро Карельского обкома по докладу командования о положении дел в КЕБ отмечалось, что за политико-моральным состоянием и настроением егерей необходим контроль ввиду «хлебных затруднений и усилившейся вследствие этого передачи крестьянских настроений в казарму через письма и личное общение»⁵³. «Хлебные затруднения», ощущавшиеся в 1929 г. в Карелии в полную силу, давали о себе знать руководству КЕБ многочисленными докладными записками егерей, которые ходатайствовали о прибавлении хлебной нормы членам их семей, иногда на основании того, что родным красноармейцев совсем была прекращена выдача хлеба. Уроженцы Беломорской и Южной Карелии просили либо оказать семьям материальную помощь, либо освободить их от службы в армии. Воздействие на карельскую деревню через красноармейцев КЕБ предполагалось осуществлять путем бесед с военнослужащими о посевной кампании. После таких бесед егеря должны были в письмах домой ориентировать родных и знакомых «на увеличение посевов и рассказывать о путях увеличения урожая». Однако в ходе бесед о лесозаготовках выяснялись сомнения егерей в достоверности сообщений официальной печати: они считали, что «заработки там меньше, чем о них пишут»⁵⁴.

На протяжении 1920-х гг., особенно начиная с 1925 г., Политическое управление армии осуществляло широкомасштабную программу по подготовке кадров для сельских и административных аппаратов. Одной из задач деятельности КЕБ стала подготовка инструкторов дорожно-мостового строительства в Карелии, ведь армия приобщала военнослужащих к технике и давала первые навыки в ее использовании. А уже в 1929 г. «национальную бедняцкую батрацкую часть батальона» предполагалось использовать для

⁵² Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997. С. 202–223; Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002. С. 133–150; Осокина Е.А. За фасадом сталинского «изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997. С. 47–53; Письма во власть: 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 558.

⁵³ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 325. Л. 6.

⁵⁴ Там же. Д. 349. Л. 69–79.

«выращивания из нее кадра национального пролетариата», в частности, закрепляя демобилизованных на только что построенном бумажном комбинате в г. Кондопога⁵⁵.

В феврале 1931 г. секретариат Карельского обкома, подчеркнув исключительно важную роль КЕБ в подготовке национальных кадров для отраслей социалистического строительства, указал парторганизациям правления Кареллеса, Карелдортранспорта, Карелколхозсоюза на невнимательное отношение к подготовке работников этих учреждений из состава егерей. Было предложено немедленно связаться с командованием батальона и Наркоматом просвещения, которому вменялось в обязанности составить план занятий курсов по подготовке работников для советских, хозяйственных, кооперативных и других организаций, а также Мурманской железной дороги⁵⁶.

Демобилизованных из армии в конце 1929 – начале 1930 г. призывали к участию в коллективизации и создании красноармейских колхозов в пограничной полосе, а на севере Карелии – специальных «красных лесных колхозов»⁵⁷. Однако эти колхозы, возникшие в 1931–1932 гг., не оправдывали своего назначения. В феврале 1935 г. управление НКВД по Карельской АССР проинформировало обком партии о политическом и экономическом положении пограничных районов республики. Составители докладной записки вынуждены были признать, что данные о состоянии красноармейских колхозов на середину 1930-х гг. говорят о «глубоком прорыве» в их организации и существовании, который «граничит с неизбежностью развала и дискредитации их политического значения»⁵⁸. Как и многие начинания большевистской власти, эта попытка проведения экономических преобразований в стране при помощи военных, прошедших «школу мужества», наталкивалась на несоответствие замыслов руководства страны хозяйственным реалиям жизни северной деревни.

По справедливому заключению немецкого исследователя С. Плаггенборга, стремление организаторов революционного переустройства российского общества создать лучший и справедливый мир предполагало, что само понятие «новое» будет обозначать иное, более совершенное качество: новым был экономический порядок, учреждения и институты, календарь и правописание. В новую элиту должны были войти воспитанные победившим политическим режимом военные, тем более что большевистским проектам «всегда был присущ функциональный аспект, будь то труд, военная служба или перепись населения». Отметив препятствия, которые вставали на пути такого функционального использования «новых кадров», подготовленных для изменения доставшегося в наследство старого мира, исследователь справедливо подчеркнул

⁵⁵ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6. Л. 58; Д. 325. Л. 7 об.

⁵⁶ Там же. Д. 536. Л. 6.

⁵⁷ Там же. Д. 546. Л. 68, 120; Д. 687. Л. 35; *Никитина О.А.* Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929–1932 гг.). Петрозаводск, 1997.

⁵⁸ *Неизвестная Карелия.* С. 233–235.

следующее: «вместо того, чтобы производить экспериментальные преобразования действительности», новая власть оказалась перед необходимостью «сохранить сами основы жизни в чрезвычайных условиях»⁵⁹.

В заключение нужно отметить, что далеко не все нормы и ценности, предлагавшиеся в качестве первостепенных для воспитания советских военнослужащих, к концу 1920-х гг. по-настоящему утвердились в армейской повседневности.

Двухгодичная программа политучебы, разработанная ПУР в 1924 г., несмотря на упрощения, продиктованные общественными, политическими и культурными условиями, основывалась, по утверждению ее авторов, «на лучших традициях научного марксизма и революционной практики». Основной задачей обучения ставилось обеспечение должной боеготовности и высокого морального уровня военнослужащих. Мероприятия политико-просветительной работы имели целью «воспитать красноармейцев в духе уважения к входящим в СССР народам». На местах они находили воплощение в установках, подобных резолюции бюро карельского обкома 18 марта 1927 г. о состоянии КЕБ: «батальон, являясь национальной частью, должен больше всего из-за смешанного его характера выпячивать интернациональное воспитание»⁶⁰.

В действительности же это оставалось весьма далеким от осуществления. Подобным образом обстояло дело и с вопросами общеобразовательной подготовки бойцов. Несмотря на поступавшие в вышестоящие инстанции рапорты о полной ликвидации неграмотности среди военнослужащих, в августе 1932 г. бюро Карельского обкома отмечало неудовлетворительное выполнение этого партийного постановления райкоммами и органами наркомата просвещения⁶¹. Вошедший в состав развернутой в Карелии Отдельной егерской бригады КЕБ претерпел постоянную смену командиров, кадровые чистки начала 1930-х гг. и прекратил существование осенью 1935 г. в связи с расформированием этой национальной бригады и репрессиями офицеров – бывших «красных финнов». Многие из них стали жертвами сфабрикованного особым отделом Ленинградского военного округа (ЛВО) дела «о заговоре финского генштаба»⁶².

⁵⁹ *Plaggenborg S.* *Revolutionskultur.* Köln; Weimar; Wien, 1996. P. 3, 345; *Плаггенборг Ш.* *Революция и культура: Культурные ориентиры между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма* / пер. с нем. СПб., 2000. С. 31–32, 83–93.

⁶⁰ НАРК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 102. Л. 77.

⁶¹ Там же. Д. 681. Л. 58.

⁶² *Веригин С.Г., Лайдинен Э.П.* Указ. соч. С. 31; *Кангаспуру М.* *Финская эпоха Советской Карелии* // *В семье единой: Национальная политика большевиков и ее осуществление на Северо-западе России в 1920-е – 1950-е годы.* Петрозаводск, 1998. С. 138–140; *Репухова О.Ю.* *Дело о «контрреволюционном заговоре» в Карелии в 1932–1933 гг. («Заговор финского генштаба»)* // *Политическая история и историография. (От античности до современности).* Петрозаводск, 1996. С. 85–99; *Такала И.Р.* *Судьбы финнов в Карелии* // *Вопросы истории Европейского Севера.* Петрозаводск, 1991. С. 98–103.

В период между мировыми войнами психологическое состояние людей характеризовалось постоянной готовностью к непрочности достигнутого мира и ожиданием внезапного нападения извне. Любое послевоенное общество неизбежно отравлено войной, и ее психологические последствия не менее важны, чем экономические, политические или социальные. На основании собственного недавнего опыта и под воздействием советской индоктринации в 1920–1930-е гг. психология всего общества постепенно превращалась в психологию комбатанта – «человека сражающегося», особый психологический тип, который возникает в предвоенные годы, в массовых масштабах порождается во время войны и продолжает существовать в течение довольно продолжительного срока после ее окончания⁶³.

Советское общество, сформировавшееся в 1920–1930-е гг., специалисты характеризуют в связи с присущим ему самосознанием как межвоенное. Весь период строительства национального воинского формирования в Карелии – Отдельного карельского егерского батальона – был отмечен укреплением именно такого типа общественного сознания.

---

⁶³ *Сенявская Е.С.*: 1) Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; 2) Человек на войне: опыт исторической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 8–9, 15.

Евсеева Татьяна Ильинична

Государственный архив Тульской области

**ДЕТСТВО СТРОГОГО РЕЖИМА
(Особенности повседневной жизни детдомовцев
в 1920-е гг. в Тульской губернии)**

Положение детей, охрана материнства и семьи являются одними из важнейших показателей состояния общества. В современной России данная проблема особенно актуальна. 29 мая 2017 г. в нашей стране вступил в силу Указ Президента РФ «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»¹. Если объективно проанализировать современную детскую и молодежную политику, то приходится признать, что два десятилетия рубежа XX и XXI вв. характеризуются постепенной утратой наиболее значимых достижений, которыми гордился Советский Союз: всеобщее обязательное бесплатное среднее образование; диспансеризация и профилактика детских заболеваний; развернутая сеть бесплатных детских кружков и секций при школах, Домах культуры, Домах пионеров и школьников; подавление социальных пороков – детской проституции, алкоголизма и наркомании и т. д. В связи с этим возникает необходимость осознания и обобщения опыта чрезвычайно насыщенного и сложного XX века: что именно было приобретено в сфере охраны детства до революции и в советские годы, а что утрачено; в какой степени отечественный опыт был уникален.

Одной из острых проблем, возникших перед советским государством в послереволюционные годы, была детская беспризорность. В годы Первой мировой и Гражданской войн, в условиях голода и экономического кризиса дети и подростки оказались без крова и заботы со стороны родителей. Беспризорные оккупировали поезда и вокзалы, грабили рынки, ютились в подвалах домов. Особенно много их скапливалось на крупных железнодорожных узлах в Москве и близлежащих к столице региональных центрах, таких как Тула. В первое время проблему беспризорности пытались решить силами государственных органов управления образованием, здравоохранения и общественности. Однако столь серьезная задача государственного масштаба требовала

---

¹ Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Правовая система ГАРАНТ. М., 1990–2020. URL: <https://base.garant.ru/71684480/> (дата обращения: 27.04.2020).

создания развернутой сети приемников и распределителей, детских учреждений и подготовки высококвалифицированных кадров для работы с детьми.

Несмотря на то, что детство как специфическая демографическая категория долгое время не было предметом специальных исследований отечественной исторической науки, тем не менее изучение как в целом проблемы охраны детства, так и отдельных ее аспектов в отечественной историографии имеет давние традиции.

Советская историография на протяжении многих лет не была единой, различные ее периоды имеют свою специфику. В частности, особое место в ней занимает так называемая синхронная литература, то есть издания, вышедшие непосредственно в изучаемые годы и являющиеся одновременно и аналитическим осмыслением, и источниками по истории детства². Неоспоримым достоинством советской историографии является, в частности, тщательная проработка нормативно-правовых актов³ и прессы исследуемого периода, а также трудов руководства коммунистической партии и лидеров Советского правительства, имеющих непосредственное отношение к формированию «детской политики»⁴.

Основное содержание советской историографии, посвященной проблемам детства в СССР, так или иначе строилось на постулате «СССР – Родина счастливого детства». Данная идеологическая установка определила ракурс исследований, в которых акцент делался на достижениях советской власти в сфере охраны материнства и детства и смягчении либо полном игнорировании наиболее острых проблем, таких, как положение детей «лишенцев» и жизнь детей в ГУЛАГе; влияние на численность беспризорных детей кампании по раскулачиванию, коллективизации и паспортизации населения; голод 1921 г. и чрезвычайно высокая смертность детей в ходе эвакуации их из голодных губерний; высокий уровень хищений и злоупотреблений в советских детских домах; крайне тяжелое положение так называемых «морально-дефективных детей» и т. п. Значительное место в советской историографии по тем или иным аспектам истории детства традиционно занимала тема руководящей роли коммунистической партии⁵, в то

² На помощь детям: Общественно-литературный и научный сборник, посвященный вопросам борьбы с детской беспризорностью. 2-е изд. М., 1926; На помощь ребенку: Сборник, изд. Центральным комитетом по организации «Недели беспризорного и больного ребенка», состоящим при Комиссии по улучшению жизни детей ВЦИК. Пг.; М., 1923; и др.

³ Свердлов Г.М. Охрана интересов детей в советском гражданском и семейном праве. М., 1955.

⁴ Калинина А.Д. Десять лет работы по борьбе с беспризорностью. М.; Л., 1928; Н.К. Крупская о коммунистическом воспитании школьников. М., 1987.

⁵ Арнаутков Г.А. Забота Коммунистической партии и Советского правительства об охране детей и строительстве детских домов в РСФСР в период 1917–1925 гг.: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. М., 1952; Герасимова Г.Г. Борьба КПСС и Советского правительства с детской беспризорностью в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). (На материалах Московской и Ленинградской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971; Чех С.М. Мероприятия Коммунистической партии и

время как реальное положение детей нередко оставалось за рамками исследований. Тем не менее, несмотря на всю специфику советской историографии детства, обусловленную ее идеологической направленностью и ограниченностью предмета исследования, работы этого периода заслуживают серьезного внимания современных исследователей.

С конца 1980-х гг., в связи с изменившимися идеологическими ориентирами и переосмыслением истории России в целом, изменилась и оценка политики советского государства в области охраны детства. Советская детская и молодежная политика подвергалась жесткой критике в рамках общей тенденции отрицания советского прошлого. В противовес широко распропагандированному в советские годы клише «СССР – Родина счастливого детства» в литературе 1990-х гг. Советский Союз стали именовать «Государством Неизбывного Сиротства»⁶. Среди исторических работ рубежа XX–XXI вв. особо следует отметить публикации в ежегодниках по социальной истории⁷; работы А.М. Нечаевой⁸ и Е.Б. Бреевой⁹, отличающиеся высоким профессионализмом, взвешенным, объективным анализом, свободным от идеологической предвзятости. Отечественная историография истории советского детства, долгое время развивавшаяся изолированно, становится в этот период неотъемлемой частью мировой исторической науки.

В центре внимания данной статьи – жизнь так называемых «государственных детей», то есть детей, которые по тем или иным причинам были лишены родительской опеки и оказались на попечении государства. Эти дети оказались в рамках определенного, зачастую довольно жесткого, режима, которому были подчинены и их физическое развитие, и личностное формирование. В данном случае под режимом подразумеваются условия, в которых воспитывали детей в детских учреждениях закрытого типа (детских домах):

- продовольственное обеспечение и режим питания;
- система обеспечения детских учреждений всем необходимым помимо продовольствия (включая одежду и предметы личной гигиены для воспитанников, посуду, мебель, топливо, учебные пособия и т. п.);

Советского правительства по борьбе с детской беспризорностью в период 1917–1925 гг.: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. Киев, 1953.

⁶ Положение детей в СССР. 1990 год. Состояние. Проблемы. Перспектива. М., 1990. С. 88.

⁷ Журавлев С.В., Соколов А.К. «Счастливое детство» // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 159–204; Сальникова А.А. Школьные сочинения детей русской эмиграции как источник по социальной истории России, 1917–1920 гг. // Социальная история. Ежегодник. 2001–2002. М., 2004. С. 324–354; Смирнова Т.М. Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921–1924 гг.) // Там же. С. 486–528.

⁸ Нечаева А.М. Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М., 2000.

⁹ Бреева Е.Б. Детская беспризорность: современная ситуация, возможные стратегии // Дети и молодежь – будущее России: Материалы Российской научно-практической конференции, г. Вологда, 27–29 июня 2002 г. Вологда, 2002. С. 178–181.

– воспитание детей, в том числе: формирование у них навыков самообслуживания, организация досуга и учебного процесса, идеологическое воспитание, воспитательные приемы и система наказаний;

– наличие и осуществление системы контроля выполнения в детских учреждениях соответствующих законодательно-правовых норм, норм питания и обеспечения, профессиональной пригодности сотрудников, а также соответствия методов воспитания идеологическим принципам¹⁰.

Проследить процесс формирования основ режима в советских детских учреждениях можно лишь начиная с 1921 г., когда была создана Чрезвычайная комиссия по улучшению жизни детей (Деткомиссия) при ВЦИК – единый междуведомственный чрезвычайный орган, сосредоточивший в своем ведении все вопросы обеспечения детей и защиты их интересов. До создания Деткомиссии защитой интересов детей и вопросами их обеспечения параллельно занимались несколько ведомств: Наркомсобес РСФСР, Наркомпрос РСФСР, Наркомздрав РСФСР и Совет защиты детей (4 февраля 1919 г. – 25 марта 1921 г.). Четкого разделения функций между этими органами не было ни на практике, ни в теории.

И без того запутанную ситуацию усугубляли бесконечные реструктуризации, передача тех или иных функций от одного ведомства другому. Навести порядок в этой сложной многоступенчатой и переменчивой системе был призван созданный в начале 1919 г. в качестве междуведомственного органа Совет защиты детей. Однако за два года своей деятельности Совет так и не смог наладить систематическую работу и не оправдал возложенные на него надежды¹¹. Фактически ситуация сложилась, как в русской поговорке: «у семи нянек дитя без глазу». К 1921 г. в Советской России неизвестны были не только общая численность беспризорных детей и детей, нуждавшихся в устройстве в детские учреждения, но и точная численность детских домов, школ и прочих детских учреждений, а также численность их воспитанников. Так, по данным отдела социального воспитания (соцвос) к 1 января 1921 г. в Тульской губернии было учреждено 141 детское дошкольное учреждение на 7 253 ребенка¹², а по отчетам Деткомиссии ВЦИК – количество детских домов и детских садов – 203, численность детей в них – 7 144¹³. Сведения о численности детских учреждений нередко предоставлялись без распределения их по разным типам учреждений, что лишает нас возможности определить количество так называемых «детских учреждений закрытого типа». Соответственно, и

¹⁰ Смирнова Т.М. Детские дома и трудовые колонии: жизнь «государственных детей» в Советской России в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 3. С. 17.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

¹² Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (далее – ГУ ГАТО). Ф. Р-326. Оп. 2. Д. 1421. Л. 33.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 17. Л. 17 об.

снабжение детских учреждений носило случайный характер, начала плановости в него были внесены лишь после создания в феврале 1921 г. Деткомиссии ВЦИК.

Вплоть до начала нэпа финансирование детских учреждений формально должно было осуществляться государством. Наркоматы продовольствия и здравоохранения с участием Деткомиссии ВЦИК разрабатывали нормы питания. Далее Деткомиссия, исходя из данных, полученных в ходе разнообразных обследований и опросов, составляла заявки на обеспечение детских учреждений необходимым количеством продовольственных пайков. Исходя из этих заявок, отдел культуры Наркомфина составлял проект смет. Средства, необходимые на отопление, ремонт, приобретение санитарно-гигиенических средств, одежды и обуви, расходы на учебные пособия и культурные мероприятия также рассчитывались Наркомфином с учетом заявок Деткомиссии, рекомендаций Наркомпроса и Наркомздрава. В конечном итоге все сметы утверждались ВЦИК и СНК. Таким был паек в одном из учреждений Богородицкого уезда по смете, составленной представителем подотдела охраны детства Тульского губнаробраза:

- хлеб черный – 1 фунт¹⁴;
- хлеб пшеничный – 0,5 фунта;
- мясо или рыба – 0,5 фунта – 1 фунт;
- масло сливочное – 6 золотников¹⁵;
- молоко – 1 бутылка;
- яиц – 2 шт.;
- масло растительное – 6 золотников;
- картофель – 1,5 фунта;
- свежие овощи – 1 фунт;
- мука подправочная – 4 золотника;
- соль – 6 золотников;
- сахар – 6 золотников;
- чай – 1/3 золотника;
- крупа – 0,5 фунта¹⁶.

Однако в реальной жизни в детских домах Тульской губернии мясо и крупы выдавали значительно (иногда в 2 раза) меньше нормы, жиры являлись редкостью. «Питание детей настолько недостаточно, что дети утоляют голод всевозможными почками деревьев, травой и т. п., тайно уходят в деревню и воруют еду», – писал в отчете об обследовании Товарковского детдома № 7 Богородицкого уезда заведующий сектором социального воспитания Ванюков¹⁷. Постоянное недоедание вызывало слабость,

¹⁴ Русский фунт = 409,51 г

¹⁵ 1 золотник = 4,266 г

¹⁶ ГУ ГАТО. Ф. Р-616. Оп. 1. Д. 951. Л. 32–32 об.

¹⁷ Там же. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 534. Л. 91 об.

малокровие, снижение иммунитета. Данные о заболеваемости и смертности детей приводятся лишь в редких случаях из-за отсутствия в подавляющем большинстве учреждений их регулярного учета. Местные уполномоченные и работники детских учреждений указывали на снижение умственных способностей и развитие преступных наклонностей у голодающих детей. Неудивительно, что многие дети детским домам и приютам предпочитали улицу. В 1921 г. проверяющие не раз с беспокойством констатировали, что вследствие установившегося в детдоме «крайне ненормального режима» наблюдается массовое бегство детей из детдомов¹⁸.

1921–1922 годы вошли в историю России как период страшного голода, повлекшего за собой тяжелые последствия для Советской Республики. Особенно сильно пострадали дети, и сильнее всего те, которые находились на иждивении государства. Во второй половине 1921 г., в связи с неурожаем, резко возросло число подкидышей, брошенных детей и сирот. Соответственно, с каждым днем возрастал поток прибывающих в детдома детей, нуждающихся в помощи государства. Представители

Воспитанники детского дома при Тульском оружейном заводе – дети, эвакуированные из голодающего Поволжья (Тула, 1922 г.)
В центре – работницы женотделов г. Тулы: Сокольникова Александра Павловна (в белой блузке с галстуком), рядом с ней Бондарикова Клавдия (слева в платочке)

ГУ ГАТО. Ф. П-5682. Оп. 1. Д. 228.

Деткомиссии ВЦИК и Наркомпроса не раз поднимали вопрос о необходимости рассчитать среднее количество ежедневно прибывающих в детдома детей и создать специальный продовольственный фонд для их обеспечения. Однако реализовать эти предложения на практике оказалось невозможно, напротив, количество выделяемых детским учреждениям пайков сокращалось с каждым месяцем.

Одновременно с сокращением количества выделяемых детским учреждениям пайков изменялось и их качество. Состав суточного продовольственного пайка становился все более однообразным и менее калорийным. Постепенно из детского рациона, наряду с овощами, мясом, рыбой, и пшеничным хлебом, практически исчезли молоко, яйца, гречневая, рисовая, манная и овсяная крупы. Наиболее распространенными «блюдами» в детском меню в лучшем случае стали пшенная каша на воде, гороховая похлебка и

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 26. Л. 72.

суррогатный хлеб (из овсяной или ржаной муки с добавлением жмыха и кострицы¹⁹), который, по свидетельству современников, был «непригоден даже для скота»²⁰.

К сожалению, представители органов власти, созданных непосредственно для защиты интересов детей, не всегда добросовестно выполняли свои обязанности, а порой, напротив, использовали свое служебное положение в корыстных целях. Так, множество нареканий было высказано современниками в адрес местных продовольственных комитетов. Местные уполномоченные в отчетах и докладных записках постоянно отмечали плохую работу губернских и уездных продкомов, хищения на их складах²¹.

В ходе обследований детдомов Тульской губернии проверяющие нередко сталкивались с ситуацией, когда воспитанники жили впроголодь, спали на кроватях без матрасов и постельного белья, ходили в обносках, в то время как на складах гнили мешки с мукой, пылились сотни метров неиспользованной мануфактуры или стопки постельного белья и матрасов²². Очевидно, что в условиях голода и эпидемий вопросы морально-нравственного и идеологического воспитания подрастающего поколения отходили на второй план. Основные усилия власти в первое время были сконцентрированы на спасении жизни детей, а также на борьбе с детской беспризорностью и ее неизбежными спутниками – детской преступностью, наркоманией, алкоголизмом, проституцией и прочими асоциальными проявлениями.

В условиях острого жилищного кризиса и экономической разрухи нехватка помещений стала одной из острейших проблем, вставших перед Деткомиссией. Положение с единственным в Туле детдомом для «морально-дефективных детей» было вопиющее, несмотря на возражения прокуратуры, он в целях предоставления помещения для нужд войсковой части был перемещен из г. Тулы за 8 верст по Воронежскому тракту в здание, абсолютно непригодно по своим размерам для детдома. При обследовании детдома 28 декабря 1923 г. оказалось, что не хватает коек, вследствие чего на койках спят по двое; на 10 койках нет досок, и детям приходится спать на железных перекладинах; матрацы грязные, одеяла представляют собой рухлядь, постельного белья вовсе не имеется, две классные комнаты совершенно не оборудованы, имеют запущенный вид нежилого помещения, в столярной мастерской нет ни инструментов, ни материалов;

¹⁹ Под кострицей могли подразумевать как траву (кострица луговая и кострица тростниковая), так и древесинные части стебля, которые отпадают при обработке льна и других прядильных растений. Обычно кострица употребляется на топливо, для производства строительных материалов, в бумажном производстве (так как почти на 60% состоит из целлюлозы). В годы голода кострицу нередко добавляли в суррогатный хлеб.

²⁰ ГУ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 60. Л. 102.

²¹ Там же. Л. 81–81 об.

²² Там же. Д. 534. Л. 80–81, 101–101 об.

из 25 детей работой заняты только 7; полное отсутствие учебных пособий, недостаточное питание²³.

Впрочем, состояние остальных детдомов г. Тулы было не лучше: дети разбегались, не получая достаточной пищи, и пополняли ряды несовершеннолетних преступников. «Тула изобилует детскими бунтами, которых в 1923 г. было 3, а в 1924 г. – 1. Бунты сопровождались не только разгромом имущества, но и избиением администрации...» – докладывал прокурор при Наркомате юстиции Р.П. Катанян о состоянии детдомов в Тульской губернии²⁴.

Характерный штрих, дополняющий картину борьбы с детской преступностью и беспризорностью в г. Туле, нам дает находящееся в производстве старшего следователя Пузакова дело о трагической смерти девочки в детдоме имени Крупской: девочка сгорела 24 декабря 1923 г., причем в акте обследования этого детдома инспектор губернского отдела народного образования тов. Фирсов констатирует, что состояние помещения таково, что и в дальнейшем «от повторения несчастных случаев уберечься невозможно: так, например, в уборных и комнатах, прилегающих к ним, полы прогнили, и дети с 3 этажа могут провалиться вниз в выгребные ямы, балки и пол висит без опоры»²⁵.

В детском доме № 3 г. Тулы проживал заведующий губнаробразом Гожанский, который вдвоем с женой занимал 5 комнат, ванную и кухню. При этом воспитанники детского дома были вынуждены спать в классах; в единственной детской спальне размещался изолятор, а учебные занятия не проводились вовсе²⁶. Впоследствии, по распоряжению тульского губуполномоченного Деткомиссии Аладышкина, Гожанский был выселен из помещения детского дома и все комнаты были переданы в распоряжение детей. 13 мая 1921 г. по настоянию Деткомиссии СНК РСФСР принял декрет о возвращении всеми ведомствами помещений, занятых ранее детскими учреждениями²⁷. Поскольку механизм воплощения декрета в жизнь разработан не был, а контроль за его выполнением отсутствовал, то на местах декрет от 13 мая 1921 г., как и многие благие начинания тех лет, был попросту проигнорирован. 6 сентября того же года СНК РСФСР принял повторный декрет, обязывавший местные власти предоставить детским учреждениям лучшие помещения, в первую очередь, бывшие имения. На практике исполнение данного декрета зависело исключительно от местных властей и активности представителей местных Деткомиссий. Доходило до полного абсурда, когда детей выселяли сами органы власти, в непосредственные обязанности которых входила помощь детским учреждениям. Так, в Туле здание бывшей Тульской мужской классической

²³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 12. Оп. 1. Д. 725. Л. 60.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 60 об.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 72. Л. 20 об.

²⁷ Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 47. Ст. 231.

гимназии было передано батальону ВЧК, в то время как 1 500 тульских детей не смогли пойти в школу из-за отсутствия школьных помещений²⁸. В то же время Тульский детский дом физической культуры был захвачен Главполитпросветом для размещения там своего клуба. Очевидно, что противостоять ВЧК или Главполитпросвету работники Деткомиссии были не в состоянии, несмотря на то, что ее председателем был сам председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский.

В наихудших условиях оказались учителя и воспитатели детских учреждений закрытого типа. При этом условия работы в таких детских домах и учебных заведениях при них были крайне тяжелыми: тотальный дефицит всего необходимого, включая помещения, перегруженность детских учреждений воспитанниками, высокая заболеваемость как детей, так и воспитателей, отсутствие квалифицированной медицинской помощи и т. д. Сотрудники детских учреждений делились в основном на две категории: энтузиасты своего дела и случайные люди, в число которых входил и уголовный элемент. Первых, к сожалению, оказалось меньшинство. Подавляющую часть персонала детских домов составляли люди, которым просто надо было где-то работать, как-то обеспечивать себя и свои семьи. Среди них были и бывшие преподаватели, и выходцы из духовенства, которые по тем или иным причинам не смогли устроиться в школы и были вынуждены работать в детских домах. Среди тех, кто устраивался на работу в детдома и интернаты не по призванию, а в «поисках хлебного места», в те годы было немало не просто неквалифицированных работников, но и лиц, не отягощенных нравственными принципами, – лодырей, пьяниц и откровенных аферистов и воров²⁹. В результате в детдомах еще более широкое распространение приобрело воровство продуктов и вообще всего, что можно было украсть у «государственных детей», включая матрасы и кровати; а лучшие комнаты детских домов либо отдавали персоналу, либо администрация сдавала их посторонним лицам, присваивая себе полученные от аренды средства.

Тяжелое положение детей было вызвано переводом детских учреждений на финансирование из местного бюджета в 1923–1924 гг. Это привело к закрытию многих детдомов и вынужденному сокращению численности детей в детских учреждениях закрытого типа³⁰, что фактически привело к их «выбрасыванию» на улицу. В ходе периодически проводимых «разгрузок» детских учреждений работники детдомов разыскивали родителей и родственников своих воспитанников, чтобы передать детей им на попечение. Однако найденные родственники нередко находили причины, якобы не позволяющие им взять ребенка на свое содержание.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 72. Л. 75.

²⁹ ГУ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 4. Д. 3962. Л. 51, 55, 65, 104–106.

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 534. Л. 100.

К сожалению, как свидетельствуют документы, работники Деткомиссии, местные уполномоченные, их добровольные помощники и руководители детских учреждений, которые искренне переживали за свое дело и не жалели сил на борьбу за спасение детей, зачастую оказывались в этой борьбе в одиночестве. Вопреки ожиданиям они не только не встретили понимания и помощи, но нередко были вынуждены преодолевать открытое противодействие как местных властей, так и многих работников центрального аппарата, постоянно сталкиваясь с их равнодушным отношением к детям. Уполномоченный Аладышкин работу своих коллег назвал «хождением по мытарствам», подчеркнув, что «хождения» эти в большинстве своем оказывались совершенно бесполезными: «уполномоченные бегали, высунув язык, и видели, что размениваются на мелочи и делают не то, чтобы им должно делать»³¹, так как все силы уходило на борьбу с волокитой и грубостью.

Воспитанники детского дома «Красный оружейник» с представителями Тульского губернского отдела народного образования и активными участниками борьбы с детской беспризорностью (Тула, 1925 г.)

ГУ ГАТО. Ф. П-5682. Оп. 1. Д. 73.

«Мытарствами» назвал работу Тульского городского отдела народного образования один из его сотрудников Кузьмин. По его словам, работникам отделов народного образования приходилось все необходимое для детских учреждений доставать своими силами, так как их запросы оставались неудовлетворенными, «к ним руководство было глухо, благоустройство хозяйственной жизни детских учреждений его мало интересовало, оно им чуждо»³². Отсутствие транспорта, например, приводило к тому, что

дети получали продукты уже испорченными.

С середины 1920-х гг. ситуация начала медленно меняться в лучшую сторону, что позволило сотрудникам детских домов больше внимания уделять воспитательной работе. Однако улучшение ситуации было медленным, нестабильным и носило не повсеместный характер, затрагивая лишь отдельные уезды или единичные детские учреждения, руководство которых проявляло особую инициативу и личную заинтересованность в судьбах своих воспитанников.

³¹ ГУ ГАТО. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 1068. Л. 1–2.

³² Там же. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 534. Л. 100.

В целом по Тульской губернии положение воспитанников детдомов оставалось крайне тяжелым. В отчетах и актах об обследованиях детдомов фиксируются все те же нарушения и те же сложности в работе, что и в первой половине 1920-х гг.: «финансируются детские дома преступно», «отпускаются средства с большими перебоями», белье и одежда у воспитанников рваные и грязные, нет обуви; посещение бани – не чаще одного раза в три недели; «нет организации разумного детского досуга», «отсутствие общественно-политического воспитания», «нет связи с общественностью»; «воспитательной работы как системы нет, 1 раз в неделю проводятся читки книг»; плохое состояние учета и отчетности в детдомах, «преступное отношение к детям», халатность и злоупотребления персонала детдомов и т. п.³³

Безусловно, в жизни воспитанников детских домов тех лет были и светлые моменты. Известно немало примеров искренней заботы персонала детских учреждений о своих подопечных. Было бы несправедливо полностью отрицать все то положительное, что было сделано в этот период для детей, многие из которых впервые почувствовали себя полноправными гражданами общества, благодаря существовавшим в те годы эффективным социальным лифтам они смогли получить образование и профессию, успешно социализироваться в обществе после выпуска из детского дома³⁴.

Как видно из документов, в ряде обычных детских домов или в детдомах для морально-дефективных детей режим мог оказаться более строгим, чем в детских колониях для трудновоспитуемых детей и юных правонарушителей. Роль личного фактора оказалась более значимой, чем ведомственное подчинение детского учреждения и его тип. Истинные условия жизни так называемых «государственных детей» зависели не столько от норм и правил, постановлений и инструкций, сколько от пресловутого субъективного фактора: от энтузиазма, профессионализма и элементарной порядочности руководства и воспитательно-педагогического коллектива детских учреждений, от ответственности, заинтересованности и энергии местного партийного руководства. Даже снабжение детских домов, качество питания их воспитанников, не говоря уже о психологической атмосфере, – все это зависело, в первую очередь, от личной инициативы, «пробивной сноровки», энергии и предприимчивости работников детдомов, от их отношения к своим подопечным. Этим объясняется и крайне пестрая картина повседневной жизни воспитанников детдомов: в одних детских домах дети успешно учились, занимались спортом или музыкой, в специальных мастерских получали профессиональные навыки, что позволило им в дальнейшем успешно социализироваться

³³ ГУ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 60. Л. 101–103; Д. 534. Л. 12–12 об.

³⁴ Достаточно вспомнить воспитанников А.С. Макаренко, многие из которых стали инженерами, журналистами, воспитателями и руководителями детских учреждений, научными работниками, героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны (гвардии старший лейтенант А.Г. Явлинский, гвардии капитан летчик П.С. Мазуренко, подполковник гвардейских танковых войск Г.А. Супрун и многие другие).

в обществе. В других детских домах жизнь воспитанников мало отличалась от жизни беспризорников: дети ничему не учились, курили, пьянствовали, воровали, употребляли наркотики, драки и проституция были обычным явлением. Третью наиболее многочисленную группу детских домов составляли детские учреждения, повседневная жизнь воспитанников в которых составляла некий промежуточный вариант – была далека от желаемого идеала, но давала детям шанс выжить, получить образование и в дальнейшем трудоустроиться и так или иначе, с большим или меньшим успехом, но все же социализироваться в обществе.

Оценивая итоги и значение первых лет работы Деткомиссии и советской «детской политики» послереволюционных лет в целом, необходимо учитывать объективные трудности того периода, делающие решение многих поставленных задач просто невозможным. Нельзя забывать, что работа по созданию системы органов охраны и защиты детства была начата в крайне тяжелых условиях послевоенной разрухи, разрушения всей инфраструктуры системы охраны детства, экономического кризиса, социальной и политической нестабильности, при отсутствии опыта, средств, кадров. В то же время нельзя не отметить, что в этот период охрана детства получила государственный статус, помощь детям отныне не зависела от прихоти и воли богатых благотворителей, а стала неотъемлемой частью государственной политики.

Солодовникова Татьяна Николаевна

*кандидат исторических наук
Государственный архив Воронежской области*

**ДОКУМЕНТЫ ФОНДА ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ СЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ**

Сельское кооперативное движение начинает развиваться в России в последней трети XIX в. Либеральные земские круги способствовали созданию различных видов сельской кооперации. Важную роль в становлении сельской кооперации Воронежской губернии сыграла Воронежская губернская земская управа. При поддержке земства в селах Воронежской губернии создавались сельскохозяйственные общества, кредитные товарищества и другие кооперативы. При их содействии широкое распространение получил целый комплекс мероприятий, направленный на оказание помощи крестьянству в организации мелкого поземельного кредита, аренде и покупке земли, сельскохозяйственного инвентаря, семенного материала, улучшении животноводства, создании опытных и показательных полей и др.

Изучение истории сельской дореволюционной кооперации Воронежской губернии рубежа XIX–XX вв. предполагает расширение источниковой базы, введение в оборот новых архивных документов. Значительный интерес в этом отношении представляют документы фонда Воронежской губернской земской управы (фонд И-20) Государственного архива Воронежской области.

Фонд состоит из 11 590 единиц хранения. Среди них документы, отражающие основные типы и направления сельского кооперативного движения изучаемого региона: годовые отчеты и доклады Воронежской губернской земской управы, переписка с Департаментом земледелия и государственных имуществ, уездными земскими управами, агрономическим персоналом и крестьянами, документы кредитных кооперативов и сельскохозяйственных обществ. Рассмотрим отдельные (типичные) документы, которые позволяют выявить сведения о направлениях деятельности кредитных кооперативов и сельскохозяйственных обществ Воронежской губернии.

В кооперативном движении Воронежской губернии наиболее развитым типом являлась кредитная кооперация. Сохранился фрагментарно доклад «Об организации

мелкого кредита» губернскому земскому собранию за 1903 г., в котором была освещена ситуация по состоянию сельской кредитной кооперации Воронежской губернии. Вопрос об организации мелкого народного кредита привлекал внимание Воронежского губернского земства в связи с тем, что экономическая жизнь крестьянства с каждым годом осложнялась, и потребность в кредите становилась все более настоятельной. Запросы крестьянства были столь разнообразны, что заставляли нуждающееся население получать частный кредит. В 1901 г. к нему прибегала почти половина (47%) общего числа домохозяев губернии. В Нижнедевицком уезде «мелкий кредит добывался населением исключительно под залог имущества, скота, земли под посев и даже самого посева на невыгодных условиях для кредитующихся, а именно, кредиторы раздают деньги при принятии залога в половинную стоимость его с процентами от 75–100 в год; если же залог в назначенный срок не был выкуплен, то он делался собственностью кредитора»¹. О тяжелых условиях кредита сообщали Коротоякская, Новохоперская и Валуйская земские управы.

Оказать помощь крестьянству в более выгодном кредитовании могла кредитная кооперация. В докладе были проанализированы основные типы сельской кредитной кооперации (ссудо-сберегательные товарищества, кредитные товарищества, сберегательно-вспомогательные кассы, сельские банки) и сделаны выводы о признании наиболее подходящим типом учреждения мелкого кредита кредитные товарищества².

В начале XX в. кредитные товарищества при поддержке земства набирают численность и развивают основные направления своей деятельности. Анализ данных о кредитных кооперативах в Таблице кредитных товариществ за 1904 г. показывает, что товарищества Бирюченского, Бобровского, Валуйского, Воронежского, Задонского, Землянского, Коротоякского, Новохоперского и Острогожского уездов вели активную работу по таким направлениям, как вкладные и ссудные операции, займы в Государственном банке и у частных лиц, расходы, получение валовой и чистой прибыли. В документе также сообщалось о времени открытия товариществ, районе их деятельности, числе дворов и членов³.

В работе кооперативов особое место занимали ссудные операции, однако в начале их деятельности выдавать ссуды удавалось не всем товариществам. Например, Краснохолмское и Ивановское товарищества Воронежского уезда и Троицкое, Синявское, Пыховское, Ярково-ское, Макаровское товарищества Новохоперского уезда на 1 января 1904 г. не получили ни одной ссуды. За тот же период Васильевское кредитное товарищество Задонского уезда выдало 10 916 ссуд, Ново-Сотенское кредитное товарищество – 12 199 ссуд, Елань-Коленское кредитное товарищество – 13 567 ссуд⁴.

¹ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-20. Оп. 1. Д. 4562. Л. 2.

² Там же. Л. 1–23.

³ Там же. Л. 1 об. – 2.

⁴ Там же. Д. 3577. Л. 1 об. – 2.

В 1905 г. Васильевское, Ново-Сотенское и Елань-Коленское товарищества выдали ссуды своим членам в еще больших объемах, а в тех товариществах, в которых ссуды не выдавались, они начали выдаваться.

Кредитные товарищества стремились обслуживать значительное количество населения, однако охват крестьянского населения был выше там, где радиус их действия был небольшим. Из Таблицы видно, что сравнительно небольшой район деятельности имели Большеполянское кредитное товарищество Землянского уезда, обслуживавшее 27 сел (497 членов), Васильевское кредитное товарищество Задонского уезда, обслуживавшее 19 сел (503 члена), Бычковское кредитное товарищество Землянского уезда, обслуживавшее 11 сел (310 членов), а в Елань-Коленское товарищество Новохоперского уезда, обслуживавшее 1 село, входило 682 члена.

Остальные товарищества имели более крупные районы деятельности – 1 волость: в Борисовское кредитное товарищество Валуйского уезда входило 184 члена, в Ивановское кредитное товарищество Воронежского уезда – 62 члена, в Колыбельское кредитное товарищество Острогожского уезда – 351 член, в Макаровское кредитное товарищество Новохоперского уезда – 76 членов, в Пыховское кредитное товарищество Новохоперского уезда – 174 члена, в Синявское кредитное товарищество – 328 членов, в Троицкое кредитное товарищество Новохоперского уезда – 476 членов, в Шрамковское кредитное товарищество Бирюченского уезда – 379 членов, в Ярковское кредитное товарищество Новохоперского уезда – 148 членов, в Ново-Сотенское кредитное товарищество Острогожского уезда, обслуживавшее 3 волости и город, входило 459 членов⁵.

Как видно, число членов в товариществах, обслуживающих большой регион, не увеличивалось, а порой даже уменьшалось. В Ведомости о выдаче ссуд кредитным товариществам за 1904 г. указаны предметы выдачи средств на производительные нужды, в том числе на аренду земли. Сведения приведены по 17 кредитным товариществам.

Крестьяне были не в состоянии приобретать землю в частную собственность и решали проблему малоземелья путем аренды. Уже в 1904 г. в 17 кредитных товариществах Воронежской губернии большинство ссуд (1 326 на сумму 35 583 руб.) пошло на аренду земли и других угодий. Брали крестьяне деньги и на покупку земли, но таких ссуд было мало – всего 28 (на сумму 860 руб.)⁶. Подавляющее большинство ссуд вкладывалось в крестьянское хозяйство и приносило прибыль. Это означало, что крестьянские товарищества возвращали занятые у Государственного банка и частных лиц деньги и, получая определенную прибыль, способствовали подъему своих хозяйств.

⁵ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 3577. Л. 1 об. – 2.

⁶ Там же. Л. 9.

Наращивание вкладных и собственных капиталов, постепенное снижение финансовой зависимости от государства позволило кредитным товариществам Воронежской губернии заниматься самостоятельной производственной деятельностью, к которой относились посреднические операции. Первые примеры посреднической деятельности проявились в организации хлебозалоговых операций. Государственный банк с 1902 г. разрешил кредитным, а с 1906 г. ссудо-сберегательным товариществам получение специальных кредитов под залог хлеба. Тем самым государство пыталось регулировать хлебные цены, не допуская единовременного выброса хлеба на рынок, что могло отразиться на интересах помещиков как крупных производителей хлеба, и влияния на уровень экспортных цен на хлеб.

Кредитные кооперативы выступали посредниками между банком и крестьянством, представляя в первую очередь интересы своих членов. Рассмотрим Правила кредитного товарищества для выдачи ссуд под залог хлеба и других сельскохозяйственных продуктов для кредитных товариществ. В соответствии с пунктами 1–2 Правил кредитного товарищества в обеспечение по ссудам, выдаваемым членам товариществ, принимались: «всякого рода доброкачественный хлеб в обмолоченном виде, а также льняное, конопляное, подсолнечное и другое маслянистое семя». Отданное под залог зерно в соответствии с правилами кредитного товарищества хранилось в прочных и удобных амбарах, принадлежащих товариществам или арендованных ими. Зерно, принятое в залог, обязательно страховалось⁷.

Хлебозалоговые операции в то время вели единичные кредитные товарищества, но в последующем их число значительно выросло. В Списках крестьян кредитных товариществ Воронежской губернии за 1912 г., получавших ссуду под залог хлеба по Новохоперскому, Воронежскому и Бирюченскому уездам, указывается, какие виды зерновых, в каких объемах были отданы в залог, в каких помещениях хранились. К 1912 г. большинство товариществ, как например, Шрамковское кредитное товарищество, имели свои амбары для ссыпки хлеба с каменными стенами и железной крышей. Члены товариществ охотно сдавали в залог свой хлеб и другие продукты⁸.

Анализ документов по страхованию движимости кредитных товариществ Воронежской губернии показывает, что крестьяне сдавали хлеб под залог в основном в осенние месяцы, начиная с августа, когда крестьяне особенно нуждались в деньгах. Зерно сдавалось на срок от двух до девяти месяцев, реже – на больший срок. В Списке крестьян Московского кредитного товарищества Воронежского уезда Воронежской губернии, к примеру, указывается, что состоящие членами кредитного товарищества и получившие от него ссуду под залог хлеба и отдавшие ему на хранение хлеб, члены товарищества из с. Бирюченского И.Ф. Марин и Ф.В. Марин сдали соответственно 500 пудов ржи, 200

⁷ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 3577. Л. 52.

⁸ Там же. Д. 8266. Л. 20–188.

пудов проса и 600 пудов овса, 300 пудов подсолнечника в июне 1912 г. сроком на 2 месяца⁹.

Члены кредитных кооперативов доверяли свои сельхозпродукты кооперативам, осознавая, что обязательства по отношению к ним будут выполнены, чего нельзя было ожидать от частника. Положительно было и то, что товарищества предоставляли право досрочного выкупа своего хлеба. В Можайском товариществе в январе 1912 г. члены товарищества В.И. Рыжков, заложивший 50 пудов проса, В.П. Лапшин, заложивший 80 пудов ржи, и А.И. Ашков, заложивший 47 пудов ржи, выкупили свой хлеб досрочно¹⁰.

Примерно с 1904 г. в селах Воронежской губернии преобладающими становятся ссуды на хозяйственные нужды, среди которых главное место занимали ссуды на аренду земли, затем – на покупку рабочего скота и других домашних животных, далее – на постройки для жилья, их покупку, ремонт и т. д. Товарищества рекомендовали своим членам использовать кредит преимущественно по производительному назначению, объясняя им, что только в этом случае хозяйство будет рентабельным и, соответственно, ссуды будут возвращены в товарищество вовремя.

Несмотря на существенную поддержку правительства и местной системы самоуправления в лице земских учреждений, сельские кредитные кооперативы сталкивались в своей работе с разного рода проблемами, в частности, с негативным отношением со стороны местной администрации. В журнале Бобровского очередного земского собрания от 2 октября 1904 г. имеется доклад Д.И. Деларова, в котором он упрекал волостное собрание в равнодушии к такому нужному для крестьянства начинанию, как кредитная кооперация, и отмечал, что «волостному правлению нет времени, да едва ли и есть желающие развивать деятельность кредитных товариществ, так как при настоящем положении крестьянского устройства около властей постоянно вьется тот элемент, который берет с нуждающегося в деньгах 50–150% и очевидно, что такие люди не могут не понять, что учреждение кредитного товарищества бьет их по карману». По мнению докладчика, «из отзыва Масловского волостного правления видно, что оно прямо не поняло цели учреждения кредитного товарищества, которое учреждается для бедного работника, а не богатого, – бедность населения не есть тормоз к их открытию»¹¹.

Выделение экономически свободного крестьянина-собственника, способного самостоятельно и эффективно вести свое хозяйство, предопределило в селах Воронежской губернии успешное развитие кредитной кооперации по типу кредитных товариществ. Благодаря деятельности кредитных товариществ экономическая жизнь сельского населения Воронежской губернии постепенно улучшалась.

⁹ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 8266. Л. 39 об. – 40.

¹⁰ Там же. Л. 26.

¹¹ Там же. Д. 4562. Л. 114.

Особое значение для развития сельскохозяйственного сектора Воронежской губернии имели такие кооперативы, как сельскохозяйственные общества (СХО). Правовая база сельской кооперации об учреждении СХО регламентировалась Нормальными уставами для местных сельскохозяйственных обществ. Сохранились экземпляры Нормального устава Марьевского сельскохозяйственного общества Острогожского уезда и Ладомировского сельскохозяйственного общества Валуйского уезда Воронежской губернии, учрежденных в 1904 г., в которых выделялись основные разделы устава: цель общества и способы ее осуществления, состав общества; порядок избрания в члены, их права и обязанности; управление обществом, права и обязанности должностных лиц; собрания общества; средства общества и денежная его ответственность; закрытие общества¹². На основании утвержденных Нормальных уставов СХО официально учреждались и осуществляли свою деятельность.

В отчете Марьевского сельскохозяйственного общества Острогожского уезда Воронежской губернской земской управе за 1904 г. сообщалось об открытии общества и проведении общего собрания членов общества, на котором были выбраны должностные лица на трехлетний срок. Состав руководства общества был исключительно крестьянским: председатель общества – крестьянин Иван Андреев Ворона, товарищ председателя – крестьянин Савостиан Иванов Харьковский, члены совета – крестьяне¹³. На собрании было принято решение о ходатайстве к Воткинскому заводу об отпуске обществу сельскохозяйственных орудий в кредит на сумму до 500 руб. В том же году в Марьевское СХО поступило 27 плугов на сумму 329 руб. 20 коп. Со склада было продано 12 плугов на сумму 190 руб. с рассрочкой платежей на 6 месяцев. Были выписаны для склада косы, топоры, вилы и другие необходимые сельскохозяйственные орудия. Своей главной целью общество поставило открытие сельскохозяйственного склада и случного пункта¹⁴.

В Отчете Ладомировского СХО в Воронежскую губернскую земскую управу за 1904 г. сообщалось об открытии общества и проведении первого собрания, на котором присутствовали 23 учредителя, и проведении выборов должностных лиц на трехлетний срок. Состав руководства общества был преимущественно крестьянским: председатель – крестьянин слободы Красной Матвей Федоров Бабичев, товарищ председателя – крестьянин слободы Ладомировки Иван Казьмин Алейник, секретарь (он же заведующий складом) – почетный гражданин Алексей Иванович Проскураков, казначей – мещанин Федор Васильевич Рославцев, члены совета – крестьяне слободы Ладомировки.

Общество открыло склад земледельческих орудий, получило после переписки плуги разных типов в количестве 26 штук от управления Воткинского Казенного завода на сумму 499 руб. 20 коп. с рассрочкой платежа на 1,5 года. Большая часть плугов была

¹² ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 4570. Л. 45–58.

¹³ Там же. Л. 63.

¹⁴ Там же. Л. 63 – 63 об.

быстро продана за наличные и в кредит своим членам на небольшой срок. Постановили приобрести двух быков породы красных шортгорнов по числу имеющихся коров, «в возрасте не моложе одного года с пожеланием приобрести таковых в имениях князей Щербатовых». От Департамента земледелия в общество поступили 5 пудов семян эккендорфской кормовой свеклы и огородные семена для бесплатной раздачи членам общества с указаниями о посеве¹⁵.

В докладе Богучарского общества сельского хозяйства (БОСХ) очередному Богучарскому уездному земскому собранию за 1903 г. были определены главные задачи общества на 1904 г.: ассигнование средств от Земского собрания на выставку животноводства в г. Богучаре и покупку жеребца; содержание корзиночной мастерской и содержание случного пункта; получение на ассигнования Министерства земледелия и государственных имуществ семян кормовых растений и трав: эспарцета – 20 пудов, магара – 10 пудов, свеклы мамут и эккендорфской – по 5 пудов, люцерны – 8 пудов; приобретение для библиотеки общества литературы сельскохозяйственной тематики. Из доклада совета БОСХ за 1908 г. сообщалось о проведении выставки сельского хозяйства. Несмотря на неурожайный год и дождливую погоду, в выставке БОСХ приняли участие восемнадцать экспонентов с лошадьми, двадцать – с крупным рогатым скотом, пять – с курами, три – с садоводством, из которых двое выставили деревья из своих питомников. Было представлено местное полеводство, огородничество, семена и растения местного показательного поля, изделия земской корзиночной мастерской. Все экспонаты, в основном, были крестьянскими¹⁶.

В дополнительном докладе БОСХ представлены сведения о начальном периоде становления Калачеевского отдела БОСХ, распространявшего свою деятельность на 8 волостей, прилегавших к Калачеевской волости. В докладе указано, что при открытии отдела его цели, намеченные в уставе, «встретили полное сочувствие не только со стороны крестьян, но со стороны местной интеллигенции, что и выразилось многими пожертвованиями на первоначальную организацию дела». На собранные деньги отдел общества приобрел одного производителя рогатого скота и одного хряка, а БОСХ предоставило в распоряжение отдела одного жеребца и учредило при отделе рассадник рогатого скота чистой калмыцкой породы, состоящей из одного производителя и двух коров¹⁷. Из дополнительного доклада БОСХ за 1903 г. следует, что свиноводство местного района находилось в жалком состоянии «как по породе свиней, так и по количеству их; между тем, это есть одна из важнейших отраслей сельского хозяйства местного населения – отрасль, сильно отражающаяся на благосостоянии крестьян; производителей же во всей слободе едва ли найдется два, да и то самой простой породы, малоценной на рынке;

¹⁵ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 4570. Л. 62.

¹⁶ Там же. Д. 7323. Л. 2.

¹⁷ Там же. Д. 4570. Л. 29 об. – 30.

ввиду чего желательно было бы прийти на помощь населению в этом отношении. Но удовлетворить массу требований не только крестьян слободы Калача, но и других окружающих селений, имеющимся в отделе одним производителем, на которого в год можно дать не более 30 маток, весьма трудно»¹⁸.

Годовой отчет Никольского отдела БОСХ за 1903 г. содержит сведения об открытии отдела и разработке перспективного плана действий (о ходатайстве получения семян трав от БОСХ и Воронежского отдела Императорского московского общества сельского хозяйства, устройства случного пункта, обследования местного садоводства и огородничества и проведения народных чтений по сельскому хозяйству, снабжения грамотного населения полезными советами и книгами и др.)¹⁹. В состав совета отдела входили председатель общества – учитель Е.Ф. Марков, товарищ председателя – врач П.А. Больчевский, казначей – священник Зеленев²⁰. Склад земледельческих орудий Никольского отдела Богучарского СХО Воронежской губернии уже в первые годы своей работы достиг хороших результатов. В 1904 г. со склада Никольского отдела было продано 230 плугов разных марок и систем на сумму 5 750 руб., спрос предъявлялся преимущественно на однолемешные плуги²¹. В отчете за 1904 г. сообщалось, что на опытном поле в две сороковые десятины были проведены опыты с посевом костра и люцерны по десятине, одну десятину ячменя с эспарцетом, одну десятину магара и две десятины оставлено под паром. В результате общество получило хорошие результаты многолетних трав, намолотило 240 мер овса, 26 мер ячменя. Всходы многолетних трав были хорошие. Магар уродился очень плохим, холодная зима и заморозки уничтожили почти все всходы магара, какой был засеян в виде опыта местными крестьянами. Набрано было только 6 копен овса²².

В кратком отчете о деятельности Калачеевского отдела БОСХ за 1903–1904 гг. указывалось, что на зерноочистительном пункте Калачеевского отдела было очищено сортировкой Триера-Гейда 5 класса 200 пудов зерна при оплате 1 коп. с очищенного пуда зерна²³. Большим подспорьем для бюджета крестьянского населения являлась продажа свиней. В Кратком отчете о деятельности Калачеевского отдела БОСХ имеется информация о принятии решения разведения породистых свиней для повышения прибыльности хозяйств членов кооператива. «Ввиду того, что для крестьянского населения большим подспорьем служит разведение свиней, так как сбыт их в районе действий Отдела из года в год увеличивается (вывозится чрез стан[цию] Калач свинных туш

¹⁸ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 4570. Л. 29 об. – 30.

¹⁹ Там же. Л. 36 – 40 об.

²⁰ Там же. Л. 36 об.

²¹ Там же. Л. 82.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 97.

на сумму до 400 тысяч рублей ежегодно), но породы свиней самые простые и малопродуктивные», отдел в 1903 г. приобрел 2 хряка йоркширской породы, которым было использовано 102 маток, а в 1904 г. был приобретен производитель тамворот, которым использовано 40 маток. Кроме того, общество создало собственный рассадник чистокровных пород, приобрело свинью йоркширской породы, от которой был получен приплод (5 хрячков и 5 свинок) для продажи. В 1904 г. общество получило в дар еще двух хрячков йоркширов²⁴. Таким образом, общество способствовало разведению высокопродуктивной породы свиней в районе его деятельности.

Сельскохозяйственные общества стремились к максимальному просвещению крестьянства по вопросам сельского хозяйства. Из фрагментарно сохранившейся анкеты Колыбельского СХО Острогожского уезда за 1904 г. следует, что «по почину учредителей общества состоялись две лекции по сельскому хозяйству в многочисленном собрании слободы Колыбелки, лектором явился член-учредитель общества уездный агроном М.И. Дахно, чтение касалось вопросов посева на крестьянских полях кормовых растений, при чем были розданы от земства семена бурака, магара и черной вики и печатные брошюры о возделывании этих культур»²⁵. В зависимости от размеров обществ и их возможностей обычно читались от 1–2 до 15 лекций и бесед в год, но читались они во всех обществах обязательно. В анкете Колыбельского СХО Острогожского уезда за 1904 г. значится, что общество получило от земства семена кормовых растений (бурака, магара и черной вики) для посева на своих полях. Под эти растения крестьянам была отведена удобренная и обработанная плугом арендная земля, но холодная весна и поздний сев помешали удаче первого опыта...»²⁶. Однако кооперативные работники и агрономы продолжали проводить опыты на показательных полях, просвещая крестьян в области агрономической науки.

Таким образом, документы архивного фонда (И-20) Воронежской губернской земской управы являются ценными источниками, содержащими важную информацию по истории сельского кооперативного движения Воронежской губернии. По документам фонда можно проследить стабильный рост сельских кооперативов и наращивание масштабов их кооперативной деятельности.

В фонде отложились сведения о разноплановой деятельности кредитных товариществ и сельскохозяйственных обществ. Имеющиеся в документах фонда источники отражают такие направления деятельности кредитных товариществ, как ссудо-сберегательные, вкладные, залоговые, посреднические и другие операции, а также операции по аренде земли. Деятельность сельскохозяйственных обществ широко отражена в докладах и отчетах, где указан круг мероприятий по интенсификации

²⁴ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 4570. Л. 96.

²⁵ Там же. Л. 143.

²⁶ Там же. Л. 146.

крестьянских хозяйств – организация лекций, бесед и публичных чтений на сельскохозяйственные темы, создание опытных и показательных полей, применение сортового семенного материала, новейших сельскохозяйственных орудий и машин, организация сельскохозяйственных выставок.

Землянский Вадим Леонидович

*Информационный историко-научный центр – Военная историческая библиотека
Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации*

**ПРИАМУРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СОБОР: СОЗДАНИЕ, СТРУКТУРА И ЗАСЕДАНИЯ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ВЛАСТИ ПРИАМУРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

История Приамурского Земского края насчитывает всего 3 месяца – с августа по октябрь 1922 г. Провозглашение нового государственного образования произошло на Приамурском Земском соборе, с созывом которого власть рассчитывала вывести Приморье из политического кризиса и наметить контуры дальнейшего развития антибольшевистского движения на Дальнем Востоке.

Тема Приамурского Земского собора довольно часто поднимается в публицистических работах монархического толка¹. Прежде всего их авторов интересовали два момента: решение о возрождении монархии и закрепление основополагающей роли Русской православной церкви в государственном строительстве.

Советская историография долгое время упоминала Земский собор в связи с подтверждением его делегатами права династии Романовых на верховную власть в России и избранием правителем Приморья М.К. Дитерихса, не останавливаясь на работе Собора в целом. Только в 1974 г. владивостокский историк В.В. Сонин опубликовал работу об истории «Черного буфера», с краткими данными о Соборе². С 1992 г. выходят исследования, посвященные последнему этапу гражданской войны на российском Дальнем Востоке, где Приамурский Земский собор является одной из изучаемых тем. Среди них – монографии В.Ю. Куцего³, Ю.Н. Ципкина⁴, статьи Е.М. Яковкина⁵,

---

¹ *Кашицкий И.В.* Приамурский Земский Собор. Попытка воплощения монархической идеи в рамках Белого Движения. Ч.3. URL: <https://pereklichka.livejournal.com/1084519.html> (дата обращения: 02.03.2020); *Топоров А.* Приамурский земский собор. Запоздалый верный шаг Белого движения. URL: https://tsargrad.tv/articles/priamurskij-zemskij-sobor-zapozdalyj-vernyj-shag-belogo-dvizhenija_76028 (дата обращения: 02.03.2020).

² *Сонин В.В.* «Приамурское» буржуазное государственное образование («черный» буфер) и крах политики и практики контрреволюции в Приморье (май 1921 – октябрь 1922 г.). Владивосток, 1974.

³ *Куций В.Ю.* Внутренняя контрреволюция в Приморье. 1920–1922 гг. Владивосток, 1992.

⁴ *Ципкин Ю.Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2012.

⁵ *Яковкин Е.М.* Приамурский Земский собор и идея восстановления монархии в России // Наука сегодня:

О.В. Авдошкиной⁶, многотомный академический труд «История Дальнего Востока России» (Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны)⁷.

В современной российской историографии подробно изучены дискуссии о форме правления в Приморье, происходившие в несоциалистической общественности перед открытием и во время Собора⁸, Положение о Приамурском Земском соборе, план государственного устройства Приморья, высказанного членом правительства Е.М. Адерсоном, а также процесс избрания правителем М.К. Дитерихса⁹. Историческое и идеологическое обоснования созыва Собора, процесс обсуждения и принятия на нем тезисов П.П. Васильева, причины признания членами Собора права династии Романовых на верховную власть в России, оглашенные на Земском соборе первые указы М.К. Дитерихса рассмотрены в монографии В.Ж. Цветкова¹⁰. Цветкову принадлежит и составление издания «Генерал Дитерихс»¹¹, в котором представлены документы о Земском соборе. Таким образом, в современных исследованиях нашли отражение вопросы созыва Собора, идеологической подготовки и организации выборов верховной власти в Приморье. При этом малоизученными остались проекты создания новых государственных органов власти (кроме плана Е.М. Адерсона), а также «соборные» фракции и комиссии.

Цель данной статьи – изучить структуру и деятельность Земского собора, уделив особое внимание парламентским признакам в его работе. Для достижения цели поставлены следующие задачи: рассмотреть процедуру созыва, проанализировать структуру и охарактеризовать заседания Приамурского Земского собора.

Источниками статьи послужили материалы прессы, мемуары очевидцев событий, а также архивные материалы из Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Хабаровского края.

Подготовка к созыву Приамурского Земского собора

С поражением Приамурского Народного собрания – парламента Приамурского

сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, г. Вологда, 23 сентября 2014 г.: в 4 ч. Вологда, 2015. Ч. 4. С. 65–68.

⁶ Авдошкина О.В. Диктатура М.К. Дитерихса и крах дальневосточной контрреволюции // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 111–120.

⁷ История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Владивосток, 2003.

⁸ Попов Ф.А. Проблема выбора формы правления в белом Приморье в июне–августе 1922 г.: между монархией, директорией и диктатурой (по материалам прессы) // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 9. С. 49–57.

⁹ Ляхов Д.А. Небольшевистские модели политического устройства Дальнего Востока России (конец 1919–1922 гг.). Хабаровск, 2015.

¹⁰ Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1920–1922 гг. М., 2019.

¹¹ Генерал Дитерихс / ред. В.Ж. Цветков. М., 2004.

государственного образования – в борьбе за верховную власть с Временным Приамурским правительством в июне 1922 г. («нарсобовский недоворот») политический кризис в Приморье не закончился¹². Призванный депутатами в качестве «варяга» генерал-лейтенант М.К. Дитерихс отказался принять должность председателя правительства, подчинился председателю Временного Приамурского правительства С.Д. Меркулову и подтвердил указ о роспуске парламента. Судьбу Приморья должен был решить Земский собор, о чем и объявило правительство в разгар событий «нарсобовского недоворота» 6 июня 1922 г.

Мысль о созыве Земского собора, как впоследствии сообщил членам Собора С.Д. Меркулов, возникла у него, когда депутаты отказались принять правительственный проект об Учредительном съезде, то есть в мае 1922 г.¹³ Существуют и другие версии об авторстве идеи созыва Собора. Так, депутат Народного собрания и член Собора С.П. Руднев в воспоминаниях указывал, что в начале июня 1922 г. с идеей созыва Земского собора к нему обратился атаман Уссурийского казачьего войска Ю.А. Савицкий, а он в свою очередь предложил атаману напрямую обратиться к правительству¹⁴.

Современники отмечали желание правительства максимально оттянуть созыв Земского собора¹⁵. Несмотря на победу в борьбе с парламентом, верховная власть перестала устраивать как большинство участников несоциалистического движения (из среды которого и вышли его члены), так и армейские группировки, желавшие видеть «твердую руку» в последнем антибольшевистском государственном образовании в России.

Подготовленный в правительственных кругах первоначальный проект состава Земского собора, представленный 21 июня 1922 г. в Комитете несоциалистических организаций, предусматривал, что из 208 мест несоциалистам должно было принадлежать всего 60 кресел. Такой вариант не устроил правую общественность. По ее мнению, в положении необходимо было увеличить представительство от несоциалистических организаций¹⁶. Командование армии также стремилось получить в Собрании достаточное количество мест.

Созыв представительного органа власти поднимал два существенных вопроса: о способе избрания делегатов и их полномочиях. Отвечая на эти вопросы, С.Д. Меркулов в интервью газете «Слово» заявил, что Земский собор созывается не для пересмотра конституции государственного образования, как хотели бы некоторые члены несоциалистических организаций, а исключительно с целью выбора верховной власти.

¹² См. об этом подр.: *Куцый В.Ю.* Указ. соч. 132–143.

¹³ Генерал Дитерихс. С. 390.

¹⁴ *Руднев С.П.* При вечерних огнях. Харбин, 1928. С. 440.

¹⁵ *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы. М., 2011. С. 228.

¹⁶ *Попов Ф.А.* Указ. соч. С. 51.

Относительно самой процедуры выборов председатель правительства сообщил, что «ошибочно также стремление проводить принцип какого-то парламентского представительства, тогда как в Земском соборе должны быть собраны люди не по принципу количества населения, а по принципу качественному, люди хозяйственные»¹⁷. Правительство отказывалось от идеи всенародного избрания верховной власти, намереваясь провести в состав Земского собора «качественных» делегатов.

26 июня 1922 г. Временное Приамурское правительство утвердило «Положение о Приамурском Земском соборе»¹⁸. Во 2-й статье Положения указывалось, что Собор собирается для решения двух задач – заслушивания доклада правительства и избрания верховной власти. Дополнительно оговаривалось, что правительство имело право вносить на обсуждение вопросы государственного управления. Членами Собора не могли стать коммунисты и социалисты-интернационалисты. Согласно 10-й статье, заседания проходили публично с кворумом не менее 2/3 собравшихся делегатов. 13-я статья оговаривала возможность проводить закрытые заседания и избрание комиссий по отдельным вопросам.

Председательствовал на Соборе глава правительства. Если он отсутствовал или не хотел по каким-либо причинам вести заседание, председательствовал избранный делегатами председатель Собора (председатель Собора с двумя заместителями, секретарем и тремя помощниками секретаря составляли Президиум). В положении подтверждалось право делегатов свободно высказывать свое мнение, при этом от имени армии и флота право выражения мнений и суждений имел командующий войсками и флотом генерал-лейтенант М.К. Дитерихс (по разрешению командующего допускалось высказывание мнений командующим Сибирской флотилией Ю.К. Старком и атаманами казачьих войск).

Решения на Соборе принимались простым большинством голосов. Избрание верховной власти, председателя Земского собора и его заместителей производилось закрытым голосованием. Согласно Положению, М.К. Дитерихс голосовал от имени армии и флота (то есть обладал 25 голосами), и только во время закрытых голосований представители армии и флота могли подать свой голос по вопросам о верховной власти и избрания трех членов Президиума. Первоначальную численность Приамурского Земского собора правительство в Положении определило в 275 членов (в т. ч. 25 чел. от армии и флота, 22 чел. от казачества, 70 чел. от несоциалистических организаций), однако в дальнейшем оно увеличило количество делегатов.

Перед открытием Земского собора правая общественность обсуждала возможные варианты организации верховной власти в крае. Проправительственные органы печати настаивали на директории и даже признавали необходимость иметь парламент, правда,

---

¹⁷ Слово. [Владивосток], 1922. 25 июня.

¹⁸ Вестник Временного Приамурского Правительства. [Владивосток], 1922. 30 июня.

наподобие Государственного совета в Российской империи¹⁹. В наказе делегатам Собора от приморской торгово-промышленной палаты говорилось о необходимости отстаивать конструкцию власти в форме директории из 3–5 чел. Сроком окончания деятельности нового правительства должен был стать созыв краевого Учредительного собрания, дату которого назначит Земский собор²⁰. Рассматривалась идея реставрации монархии. Еще в конце июня 1922 г. один из общественных деятелей во Владивостоке получил телеграмму из Копенгагена, в которой монархическая организация интересовалась возможностью выставить на Земском соборе одного из великих князей Дома Романовых. Учитывая обстановку в Приморье, в Копенгаген ушел отрицательный ответ²¹.

К 23 июля 1922 г. 276 из 347 членов Земского собора съехались во Владивосток²². Большинство делегатов было избрано от Приморской области и полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги.

Первые заседания Приамурского Земского собора

Первое торжественное заседание Приамурского Земского собора состоялось во Владивостоке 23 июля 1922 г. Его открыл С.Д. Меркулов. Он поздравил собравшихся с началом деятельности Собора, который, по его мнению, ознаменовал начавшийся перелом в настроении русских людей, их возвращение «к исконным русским началам – к Земскому собору, учреждению созидательного периода Руси»²³. Торжественные речи произнесли члены правительства, командующий армией и флотом Дитерихс, представители самоуправлений, казаков, несоциалистических организаций и т. д.

На торжественном заседании впервые официально прозвучала идея о восстановлении монархии. Городской голова Никольска-Уссурийского В.Н. Толлок в своей речи высказался за то, чтобы Земский собор привел Россию к восстановлению монархии во главе с династией Романовых²⁴. В конце заседания члены Собора выслушали приветственные телеграммы и приняли присягу.

Второе заседание 25 июля 1922 г. было посвящено избранию Президиума. Председателем Собора стал Н.И. Миролубов, призвавший делегатов не смущаться избранием непарламентским способом²⁵. Почетным председателем был избран патриарх Тихон. Заместителями председателя стали В.Н. Толлок и А.П. Бакшеев, секретарем – М.Я. Домрачев, помощниками секретаря – П.П. Унтербергер, С.П. Руднев и Т.С. Уточкин²⁶.

¹⁹ Попов Ф.А. Указ. соч. С. 51.

²⁰ Ципкин Ю.Н. Указ. соч. С. 217.

²¹ Слово. [Владивосток], 1922. 28 июня.

²² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5194. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

²³ Яковкин Е.М. Указ. соч. С. 66.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-5194. Оп. 1. Д. 3. Л. 29–30.

²⁵ Там же. Л. 61.

²⁶ Ляхов Д.А. Указ. соч. С. 151.

Президиуму было поручено выработать от имени Земского собора обращение «Приветствие ко всему населению России»²⁷.

На третьем заседании 27 июля 1922 г. делегаты выслушали доклад С.Д. Меркулова о деятельности Временного Приамурского правительства с 26 мая 1921 г. по 23 июля 1922 г.²⁸ Заканчивая свой доклад, Меркулов осветил перспективы национального дела. По его мнению, новому правительству предстояло решить два вопроса: финансовый и политического единения²⁹. Избрав две комиссии, делегаты приняли предложение о назначении закрытого заседания, чтобы выслушать доклады остальных членов правительства.

28 июля 1922 г. на первом закрытом заседании члены правительства А.Я. Макаревич, Е.М. Адерсон и Н.Д. Меркулов зачитали доклады о проделанной работе. Почетными заместителями председателя Собора были избраны архиепископ Харбинский и Маньчжурский Мефодий и старообрядческий епископ Казанский и Вятский Филарет³⁰. Председатель, объявив, что следующее заседание состоится только 31 июля, предложил делегатам использовать наметившиеся выходные для обсуждения вопроса о конструкции и сроке избрания верховной власти в крае.

Наиболее интересным с точки зрения проблемы конструкции власти представляется доклад Е.М. Адерсона. По его мнению, необходимо было вновь созвать Народное собрание с законодательными полномочиями. Депутаты собирались в порядке необходимости и накопления законопроектов. Также по плану Адерсона в систему власти с правительством и Народным собранием входили Кабинет управляющих ведомствами и Государственный совет, наделенный функциями конституционного суда³¹.

Комиссии и фракции Земского собора

Все комиссии Приамурского Земского собора были образованы на третьем заседании 27 июля 1922 г. Комиссия по обсуждению доклада правительства состояла из 22 чел. Она должна была до 30 июля составить доклад относительно выступления С.Д. Меркулова и представить его на закрытом заседании Собора (после выступления остальных членов правительства, а также бывшего члена правительства И.И. Еремеева, в комиссию были переданы и их доклады). Также была образована комиссия из 9 чел. для проверки полномочий членов Земского собора. Президиум рассматривал возможность создания третьей комиссии – по рассмотрению проектов организации верховной власти.

---

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5194. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.

²⁸ Там же. Л. 81–84.

²⁹ Слово. [Владивосток], 1922. 30 июля.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-5194. Оп. 1. Д. 3. Л. 125–126.

³¹ Авдошкина О.В. Указ. соч. С. 114; Ляхов Д.А. Указ. соч. С. 152–155.

Эту комиссию планировалось избрать, если частное совещание 31 июля 1922 г. не смогло бы окончательно решить вопрос о власти³².

Комиссия по рассмотрению доклада правительства приняла решение вынести свою резолюцию на утверждение Земского собора и предложить делегатам обсудить пожелания в сфере внешней политики, финансов и другие вопросы³³. 3 августа перед комиссией выступил М.К. Дитерихс, прочитавший доклад об объединении армии. Результатом доклада стало избрание подкомиссии с целью выработки резолюции по вопросу об армии. Комиссия также планировала обсудить доклад П.П. Васильева по вопросу о внутренней структуре власти, доклад Н.А. Митаревского по вопросу международного положения и эвакуации японских войск, а также доклад А.А. Сызранского о финансово-экономических проблемах³⁴.

Не все делегаты поддержали образование комиссии по рассмотрению доклада правительства. Член Собора от ведомства государственного контроля В.Т. Шишин настаивал на обсуждении доклада правительства на пленарном заседании Собора, считая, что все члены Собора смогут «более полно выявить свой соборный разум и более богато, чем те 22 представителя»³⁵. Он выступил и против деления на группы, секции и фракции, указав, что в Земских соборах на Руси фракции отсутствовали.

Незадолго до открытия Земского собора часть избранных в его состав членов образовали несоциалистическую фракцию, а также монархическую секцию, представлявшую собой часть фракции. Несоциалистическая фракция занимала первое среди всех объединений место по количеству входивших в ее состав членов Собора.

26 июля 1922 г. состоялись перевыборы бюро несоциалистической фракции и образовался ее президиум во главе с председателем Н.Г. Рачковым³⁶. На первом закрытом заседании 28 июля 1922 г. член Собора С.Н. Крестовский спросил о смысле образования несоциалистической фракции, так как Земский собор, по его мнению, являлся полностью несоциалистическим. На вопрос ответил один из лидеров фракции П.П. Васильев, сообщив, что фракция образовалась в результате конференции представителей Владивостока, Никольска-Уссурийского, Хабаровска, Спасска и казаков. Относительно «несоциалистичности» всех членов Собора Васильев отметил, что не будет это утверждать, но может указать, что Крестовский, не принимавший участия в первых двух несоциалистических съездах, не является несоциалистом и не имеет право участвовать на третьем несоциалистическом съезде³⁷. Как видно из этого примера, ни о каком «единстве» в среде несоциалистов речи не шло.

---

³² ГАРФ. Ф. Р-5194. Оп. 1. Д. 3. Л. 72–73, 126.

³³ Слово. [Владивосток], 1922. 1 августа.

³⁴ Там же. 4 августа.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-5194. Оп. 1. Д. 3. Л. 119.

³⁶ Слово. [Владивосток], 1922. 28 июля.

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-5194. Оп. 1. Д. 3. Л. 128.

Решение об образовании монархической секции было принято 19 июля 1922 г. на третьем заседании Временного комитета по объединению монархических организаций на Дальнем Востоке. В постановлении комитета особо оговаривалось, что секция в случае необходимости должна была преобразоваться в самостоятельную монархическую фракцию³⁸. В день открытия Приамурского Земского собора на объединенном заседании членов Собора, III несоциалистического съезда и Временного комитета по объединению монархических организаций был утвержден президиум монархической секции, состоящий из председателя (М.Я. Домрачев), семи товарищей председателя (в том числе С.П. Руднев и В.Н. Толок), секретаря и двух товарищей секретаря. Первое заседание монархическая секция провела 24 июля 1922 г. в присутствии 55 делегатов, на котором П.Л. Хорунжий внес предложение пригласить на Земский собор атамана Г.М. Семенова. Члены секции постановили этот вопрос рассмотреть в несоциалистической фракции «и уже от ее имени просить правительство принять соответствующие меры»³⁹. В дальнейшем в монархической секции состояли 115 членов Собора⁴⁰.

Атаманы казачьих войск воспользовались данным по положению правом свободно высказываться на заседаниях и образовали казачью фракцию. Ее председателем стал войсковой атаман Забайкальского казачьего войска А.П. Бакшеев, товарищами председателя были избраны генерал-майор Н.С. Анисимов и генерал-лейтенант В.С. Толстов⁴¹.

На 29 июля 1922 г. в Земском соборе имелись следующие фракции и группы: несоциалистическая фракция (с монархической секцией), казачья фракция, группа делегатов от полосы отчуждения, харбинская группа, группа от приходов, группа Спасского района, крестьянская группа, группа гласных Владивостокской городской думы, торгово-промышленная группа, никольская группа, группа старообрядцев, амурская группа⁴². Как указывалось в газете «Слово», к 29 июля 1922 г. многие члены Собора не решились, к какой фракции или группе примкнуть⁴³. По подсчетам О.В. Авдошкиной, в заседаниях Собора приняли участие от 212 до 241 делегатов⁴⁴.

Член Земского собора журналист и писатель В.Н. Иванов выделил в Соборе три неформальные группы: владивостокцев, никольцев и харбинцев. Оставшихся без лидеров представителей Владивостока, близких к правительству, возглавили П.П. Васильев, Л.Д. Тяжелов и священник Валентин Антоньев. Во владивостокских организациях еще до созыва Земского собора вырабатывались тезисы политического доклада, фиксировать

---

³⁸ Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.

³⁹ Там же. Д. 3. Л. 35, 83.

⁴⁰ Авдошкина О.В. Указ. соч. С. 114.

⁴¹ Слово. [Владивосток], 1922. 27 июля.

⁴² Куцый В.Ю. Указ. соч. С. 142.

⁴³ Слово. [Владивосток], 1922. 29 июля.

⁴⁴ Авдошкина О.В. Указ. соч. С. 113.

которые должен был П.П. Васильев. Первоначально владивостокцы выступали за коллегиальную власть, что предполагало вхождение в состав нового правительства одного из братьев Меркуловых. За «единоначалие» выступили только Л.Д. Тяжелов и Валентин Антоньев. Ситуация поменялась с приездом никольцев и харбинцев, настаивавших на единоличной власти. Представители полосы отчуждения КВЖД намеревались выставить «в правители» кандидатуру бывшего приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти⁴⁵.

Другую неформальную группу составляли представители командования армии и флота – активные участники «нарсовского недоворота», крайне отрицательно относившиеся к правительству С.Д. Меркулова. Так как от имени армии и флота к Собору имел право обращаться только генерал М.К. Дитерихс, командный состав армии высказывал свою точку зрения в кулуарах. Странники генералов В.М. Молчанова и И.С. Смолина выступали за утверждение военной диктатуры, не желая подчиняться «пиджакам». Подавляющее число членов Собора придерживалось монархических взглядов, поэтому организованному меньшинству не составило труда выдвинуть тезис о единоличной власти⁴⁶.

Обсуждение вопроса о структуре власти в Приморье

Обсуждение вопроса об организации верховной власти состоялось на втором закрытом заседании Собора 31 июля 1922 г. На голосование были вынесены первые три тезиса доклада П.П. Васильева о структуре власти и управления. Согласно первому тезису, права на осуществление верховной власти в России принадлежали династии Романовых; по второму тезису, Приамурское государственное образование должен был возглавить один из членов династии, назначенный домом Романовых; третий тезис говорил о необходимости изложить это мнение матери последнего российского императора Николая II Марии Федоровне и Верховному главнокомандующему русской армией в начальный период Первой мировой войны великому князю Николаю Николаевичу. По плану Васильева, правительству следовало вступить в переговоры с династией с целью приглашения одного из Романовых для вступления на пост верховного правителя⁴⁷. Первоначально в тезисах указывалось, что Земскому собору в качестве верховной власти Приморья стоит избрать правительство – коллегиальную власть из трех лиц. Также планировалось созвать орган народного представительства с исключительно законодательными функциями⁴⁸.

---

⁴⁵ Иванов В.Н. Из неопубликованного. Л., 1991. С. 269.

⁴⁶ Старк Ю.К. «Последний оплот»: Отчет о деятельности Сибирской флотилии «1920–1924». СПб., 2003. С. 157–158.

⁴⁷ Цветков В.Ж. Указ. соч. М., 2019. С. 909.

⁴⁸ Генерал Дитерихс. С. 385–386.

Доклад Васильева предварительно обсуждался в несоциалистической фракции и монархической секции. В качестве основных его недостатков отмечались низкая вероятность приезда Романовых в Приморье и пример отказа великого князя Николая Николаевича от предложения П.Н. Врангеля возглавить борьбу с большевиками в Крыму⁴⁹. Несмотря на это, монархическая идея стала превалировать на Соборе.

По поводу организации местной власти большинство несоциалистической фракции высказалось за единоличное правление без установления срока. П.П. Васильев указал, что в случае каких-либо экстренных ситуаций власть всегда может созвать Земский собор⁵⁰. На том же заседании началось обсуждение кандидатур на пост правителя Приамурского государственного образования. Председатель комиссии по созыву Собора В.М. Манаев предложил кандидатуру великого князя Николая Николаевича, а до получения его согласия рекомендовал учредить пост наместника⁵¹.

«Харбинец» Н.М. Доброхонтов предложил на пост единоличного правителя избрать Н.Л. Гондатти. По плану Доброхонтова, Собору и назначаемому правителю следовало избрать имеющий законосовещательную функцию Совет из 10–12 чел. Предполагалось, что он будет работать между сессиями Земского собора. Право принятия законопроектов оставалось исключительно за правителем⁵². Против кандидатуры Гондатти выступил священник Стефан Нежинцев, заявив, что «эта власть продержится столько времени, сколько потребуется на поездку от Харбина до Владивостока», и предложил избрать директорию. Избранный делегатом Собора от проправительственного Национально-демократического союза М.Н. Протопопов высказал мнение, что население Приморья не готово принять идею монархии и предложил голосовать против тезисов П.П. Васильева⁵³.

Решающим моментом в выдвижении кандидатуры Гондатти стал доклад архиепископа Харбинского Мефодия, прочитанный С.П. Рудневым. Мефодий предлагал членам Собора признать единоличную власть бывшего Приамурского генерал-губернатора. Генерал-лейтенант Дитерихс от имени армии и флота присоединился к докладу Мефодия, отметив, что вся армия исповедует монархический принцип. Выступивший городской голова Владивостока генерал-майор А.И. Андогский напомнил про манифест Михаила Александровича Романова, передавшего в 1917 г. власть Учредительному собранию, и предложил не решать вопрос о власти за всю Россию. За власть, избранную Учредительным собранием, высказался и представитель Славянского поселкового управления П.М. Михайлов. Правда, на следующем заседании ему пришлось уточнить свою мысль: он имел в виду, что крестьянство поддержит власть, которая

---

⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-5194. Оп. 1. Д. 3. Л. 137.

⁵⁰ Там же. Л. 139–140.

⁵¹ Яковкин Е.М. Указ. соч. С. 66–67.

⁵² ГАРФ. Ф. Р-5194. Оп. 1. Д. 3. Л. 151–152.

⁵³ Там же. Л. 158, 160.

доведеет страну до Всероссийского собора или Учредительного собрания⁵⁴.

Считая, что даже при единоличной власти необходим будет представительный орган, С.П. Руднев предложил созвать законосовещательную Земскую Соборную думу из 25–30 человек. Члены Думы избирались Собором сроком на один год, после чего собирался Собор и избирал новых думцев и рассматривал поставленные властью вопросы. Интересно отметить, что в своей речи о необходимости представительного органа власти Руднев привел в пример созывов большевиками Советов: «Каждые полгода они созывают чуть ли не тысячи людей и этим подкрепляют свою власть»⁵⁵.

Обсуждение вопроса о верховной власти продолжилось на закрытом заседании Собора 1 августа 1922 г. Желая сохранить преемственность власти, член Собора от приходского совета Александро-Невской церкви И.Д. Малиновский выступил за единоличную власть с предложенной С.П. Рудневым Думой, в которую бы вошли все члены Временного Приамурского правительства. Другой проект организации власти предложил делегат А.И. Соколов. По его плану при правителе образовывалась Соборная дума из 15 чел., избираемая Собором и верховным правителем, выполнявшая роль Государственного совета и Сената. Земский собор становился законодательным органом власти, избираемым населением на трехлетний срок и созываемым минимум раз в год⁵⁶.

Выборы верховной власти

Предварительное решение об организации власти Земский собор принял на частном совещании 2 августа 1922 г. после четвертого закрытого заседания. На закрытом заседании С.Д. Меркулов выступил против единоличной власти, призвав избрать коллегиальное правление⁵⁷. На частном совещании Н.И. Миролюбов объявил о своем разговоре по прямому проводу с Н.Л. Гондатти. Бывший генерал-губернатор согласился на выставление своей кандидатуры на должность правителя, но подчеркнул, что окончательное решение он оставит за собой. Члены Собора проголосовали за тезисы Васильева и высказались за единоличную власть в Приморье. Предварительно в правители было выставлено три кандидатуры: С.Д. Меркулова, М.К. Дитерихса и Н.Л. Гондатти. Первые двое сняли свои кандидатуры. В итоге за единственного оставшегося Гондатти проголосовал 171 делегат, против – 43⁵⁸. После голосования члены Собора обсудили, как назвать временную верховную власть в Приморье (правитель, верховный правитель, наместник), но окончательное решение не было принято и совещание закрылось.

---

⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-5194. Оп. 1. Д. 3. Л. 180–183, 221.

⁵⁵ Там же. Л. 199–200.

⁵⁶ Там же. Л. 219–220, 234–235.

⁵⁷ Там же. Л. 266, 272.

⁵⁸ Ляхов Д.А. Указ. соч. С. 155–156; Попов Ф.А. Указ. соч. С. 54.

Сообщения и заметки

На открытом заседании Приамурского Земского собора 3 августа 1922 г. на обсуждение были вынесены те же вопросы, что и днем ранее на частном совещании. С.Д. Меркулов в очередной раз высказал свое мнение, что коллегиальная власть в Приморье есть лучшее средство восстановления монархии⁵⁹. Члены Собора проголосовали за тезисы П.П. Васильева и единоличную власть. После принятия решения о возрождении монархии делегатам осталось лишь избрать правителя Приморья.

На этот пост претендовали следующие лица: Н.Л. Гондатти, М.К. Дитерихс, В.П. Разумов (бывший председатель Совета управляющих ведомствами), С.Д. Меркулов и Н.Д. Меркулов (член Временного Приамурского правительства). Не увидев от Гондатти четкого согласия на избрание, С.Д. Меркулов предложил перенести голосование на один день, а до этого времени вновь связаться с Гондатти для получения в категорической форме согласия или отказа. Такое решение вызвало бурную реакцию сторонников Гондатти⁶⁰. В этой ситуации Дитерихс заявил, что его кандидатуру стоит рассматривать только в случае отказа Гондатти⁶¹. Вопреки протестам, заседание Собора закрылось.

4 августа 1922 г. на пятом открытом заседании Земского собора Н.И. Миролюбов прочитал телеграмму Гондатти, в которой последний заявил, что после получения телеграммы от С.Д. Меркулова о закрытии заседания распоряжением председателя правительства он снимает свою кандидатуру. Единственным кандидатом остался М.К. Дитерихс. Члены Собора отказались избрать на этом заседании правителя, решив провести частное совещание. На следующий день на закрытом частном совещании делегаты проголосовали за кандидатуру генерал-лейтенанта в качестве верховного правителя⁶².

Правителем Приамурского государственного образования на открытом заседании Земского собора 6 августа 1922 г. 213 голосами (19 чел. проголосовали против) был избран Дитерихс. На торжественном заседании 8 августа 1922 г. С.Д. Меркулов огласил указ правительства № 191 о передаче власти генерал-лейтенанту Дитерихсу. Новый правитель зачитал перед Собором указ № 1, определивший основные направления политики и учреждавший Земскую думу. Приамурское государственное образование переименовывалось в Приамурский Земский край⁶³. На следующий день М.К. Дитерихс огласил указ № 2, а Земский собор избрал из своего состава большую часть думцев (остальные вошли в Земскую думу по служебному положению и назначению правителя).

10 августа 1922 г. состоялось последнее заседание Земского собора. Члены Собора приняли резолюции об объединении армии (в редакции комиссии по докладу

---

⁵⁹ Слово. [Владивосток], 1922. 5 августа.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-5194. Оп. 1. Д. 3. Л. 299–300.

⁶¹ Цветков В.Ж. Указ. соч. С. 912.

⁶² Генерал Дитерихс. С. 390–392.

⁶³ Цветков В.Ж. Указ. соч. С. 914; Попов Ф.А. Указ. соч. С. 55–56.

правительства) и эвакуации японских войск (текст должна была отредактировать Земская дума), а также избрали делегации в Японию и Западную Европу⁶⁴. Президиум Собора закончил работу 15 сентября 1922 г.⁶⁵

Таким образом, Приамурский Земский собор являлся представительным органом власти с четко ограниченными согласно Положению полномочиями – заслушиванием доклада Временного Приамурского правительства и избранием правительства в качестве органа верховной власти с определением количества лиц, входящих в него, и срока его деятельности. Созыв Собора проходил в условиях отсутствия единого мнения в среде несоциалистов о будущем политическом режиме в Приморье.

Делегатами Собора становились путем куриальных выборов (например, в несоциалистических организациях), по служебному положению (командование армии, председатели земских самоуправлений, волостных правлений и пр.), назначению вышестоящей власти (представители ведомств, армии и флота), а также персонального приглашения правительства. Отсутствие прямых выборов было следствием отказа правительства от любых проявлений «западного парламентаризма».

Работу Земского собора с 23 июля по 10 августа 1922 г. представляется возможным разделить на несколько периодов. С 23 по 28 июля делегаты занимались организационной работой (избрание Президиума, комиссий), а также слушали доклады членов правительства. 31 июля – 1 августа на заседаниях Собора обсуждались тезисы доклада П.П. Васильева и были оглашены проекты государственного устройства Приморья с сохранением представительных органов власти. Со 2 по 10 августа делегаты признали право династии Романовых на власть в России, избрали единоличным правителем Приморья (что противоречило Положению) генерал-лейтенанта Дитерихса и заслушали его первые два указа.

Как на этапе создания, так и во время работы Земского собора, правительство и большая часть делегатов отказывалась признавать за Собором статус парламента. Несмотря на это, делегаты обладали некоторыми правами членов Народного собрания (право свободного выражения мнения и личной неприкосновенности), на Соборе имелись фракции и группы, а также были избраны комиссии. Господствующей идеологией на Земском соборе стал монархизм, при этом предложенные делегатами проекты организации государственного управления (Е.М. Адерсона, Н.М. Доброхонтова, С.П. Руднева, А.И. Соколова) предполагали наличие в Приморье представительного органа власти, что в конечном итоге и было принято Дитерихсом в виде образованной Приамурской Земской думы.

---

⁶⁴ Слово. [Владивосток], 1922. 11 августа.

⁶⁵ История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. С. 541.

Старостин Сергей Игоревич

Вологодский областной архив новейшей политической истории

**МЕХАНИЗМ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ 1937–1938 ГОДОВ
В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
(на примере газеты «Красный Север»)¹**

Массовые политические репрессии 1937–1938 гг., в ходе которых сотни тысяч соотечественников погибли в результате террора и ложных обвинений, в историографии получили название «Большого террора». В отличие от большинства регионов России, в Вологодской области до сих пор не издана Книга памяти жертв политических репрессий. Тем не менее опубликован ряд исследований, раскрывающих механизм массовых политических репрессий на территории региона, опубликованы рассекреченные архивные документы, собран обширный биографический материал о репрессированных².

Репрессии 1937–1938 гг. затронули практически все слои общества: партийно-советскую номенклатуру, крестьянство, рабочих, служащих, интеллигенцию, церковнослужителей. Точное число репрессированных на территории Вологодской области определить сложно. По данным Управления ФСБ России по Вологодской области, в 1937–1940 гг. органами госбезопасности было арестовано 10 405 чел.³, по данным Центрального архива ФСБ России – 11 001 чел. (1937 г. – 5 738, 1938 г. – 4 582, 1939 г. – 319, 1940 г. – 362)⁴.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 18-09-00554 «Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений власти и общества России в XX веке (на материалах Европейского Севера России)».

² Доверено охранять Отечество. (Из истории органов безопасности в Вологодском крае). Вологда, 2008. С. 290–313; *Конасов В.Б.* История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953). Вологда, 2006; *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* 1937 год: региональный аспект // Российская история. 2009. № 1. С. 110–121; *Кузьминых А.Л., Старостин С.И.* Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937–1953 гг.). Вологда, 2014; *Старостин С.И.* Массовые политические репрессии на территории Вологодской области в 1937–1938 годах // Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова: сборник статей. Вологда, 2010. С. 368–379; *Цветков С.Н.* Политические репрессии против вологодской православной церкви в 1937–1938 гг. // Историческое краеведение и архивы. Вологда, 2000. Вып. 6. С. 181–185; и др.

³ Доверено охранять Отечество. С. 302.

⁴ *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР (1918–1953): Монография. 2-е изд.,

Отдельной категорией лиц, подвергнутых репрессиям в Вологодской области, стали сотрудники областной газеты «Красный Север». Среди них были не только редакторы и их заместители, являвшиеся номенклатурными работниками, но и журналисты, художники, рабочие типографии и т. п.⁵ Наиболее полно изучить механизм репрессий против сотрудников газеты позволяют материалы архивно-следственных прекращенных дел, а также документы партийных органов, рассекреченные в последние годы.

Для обоснования массовых арестов сотрудники НКВД широко фабриковали различного рода антисоветские формирования: повстанческие, шпионские и национально-террористические, диверсионно-вредительские и тому подобные «центры», «блоки», «организации» и «группы». Согласно документации УНКВД, крупные контрреволюционные формирования возглавляли руководители областных партийных, советских и комсомольских организаций, более мелкие – районные партийно-советские работники, руководители местных предприятий и организаций. Многие из арестованных попали в так называемые «сталинские списки»⁶ и были осуждены Военной коллегией Верховного Суда СССР.

В октябре 1937 г. оперативными работниками 4-го отдела Управления госбезопасности УНКВД по Вологодской области была вскрыта «троцкистская группа», существовавшая в редакции газеты «Красный Север». В состав группы входили: Жильцов Павел Георгиевич, 1909 года рождения, уроженец деревни Кузьяево Лабушинского района Московской области, заведующий отделом информации редакции⁷; Забелин Евгений Николаевич, 1908 года рождения, уроженец г. Омска Западно-Сибирского края, литературный сотрудник редакции⁸; Мясников Борис Александрович, 1912 года рождения, уроженец г. Вологды, литературный сотрудник редакции⁹; Окладников Андрей Николаевич, 1908 года рождения, уроженец г. Мезень Архангельской области, ответственный секретарь редакции¹⁰; Соколов-Энский Василий Фадеевич, 1900 года рождения, уроженец г. Вологды, постоянный корреспондент редакции¹¹; Ушков Николай

расш. и доп. М., 2011. С. 459, 463, 468, 475.

⁵ Митин И. Замредактора «КС» приговорили к расстрелу за покушение на Сталина // Красный Север. [Вологда], 2017. 15 марта. С. 33; Романов В. Он охотился за ракетными секретами немцев // Там же. 26 апреля. С. 30; Стариков Е.: 1) Архивы открыли новые имена «красносеверцев» // Там же. 15 марта. С. 32; 2) «Крепко верю и надеюсь, разберутся в моей невиновности» // Там же. 6 декабря. С. 32–33.

⁶ Сталинские списки – перечни людей, осужденных по личной санкции И.В. Сталина и его ближайших соратников по Политбюро ЦК ВКП(б) к разным мерам наказания – в подавляющем большинстве к расстрелу. URL: <https://stalin.memo.ru/>. (дата обращения: 07.12.2018).

⁷ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Вологодской области (далее – Архив ФСБ России по ВО). Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П- 5528.

⁸ Там же. Д. П-5770.

⁹ Там же. Д. П-8672.

¹⁰ Там же. Д. П-10660.

¹¹ Там же. Д. П-6348.

Сообщения и заметки

Михайлович, 1900 года рождения, уроженец деревни Вепри Вепревской волости Вологодского уезда Вологодской губернии (Вепревского сельсовета Кубено-Озерского района Вологодской области), с мая 1933 г. – заместитель ответственного редактора редакции (врид¹² ответственного редактора с 1 января по 25 сентября 1935 г. и со 2 марта по 11 августа 1936 г.)¹³; Шульгин Клавдий Иванович, 1905 года рождения, уроженец с. Ценогора Лешуконской волости Лешуконского уезда Архангельской губернии, ответственный редактор газеты «Красный Север» с 11 августа 1936 г. по сентябрь 1937 г.¹⁴

Процессуальные действия в отношении арестованных сотрудников редакции проводились как с участниками единой «троцкистской организации газетных работников». Все они содержались во время следствия в Вологодской тюрьме, но на каждого из них было заведено отдельное уголовное дело, составлялись отдельные обвинительные заключения, выносились отдельные приговоры¹⁵. В результате следствия сотрудники НКВД установили, что участники «контрреволюционной группы» игнорировали и саботировали освещение в газете важнейших политических и хозяйственных кампаний, помещали в газете «политически вредные» фельетоны и стихи, «предоставляли газету завзятым врагам Советской власти», «популяризировали классово-чуждый элемент и кулаков», «травили честных и преданных Советской власти лиц», «саботировали сигналы трудящихся о серьезных неблагоприятиях в городе и деревнях Вологодского района».

9 октября 1937 г. бюро Вологодского горкома ВКП(б) рассмотрело вопрос об ошибках и недостатках в работе газеты «Красный Север». В ходе заседания отмечалось, что ответственный редактор К.И. Шульгин «не обеспечил руководство газетой и не уделил должного внимания ее качеству. Вследствие неправильного построения работы и недопустимой неряшливости отдельных работников редакции, а также в результате притупления большевистской бдительности со стороны самого редактора (Шульгина) – газета "Красный Север" неоднократно допускала грубейшие политические ошибки». Постановлением бюро он получил строгий выговор и был снят с должности редактора газеты¹⁶.

17 октября 1937 г. Шульгин был арестован органами НКВД. Постановлениями общего партийного собрания первичной партийной организации типографии «Северный

---

¹² Временно исполняющий должность.

¹³ Архив ФСБ России по ВО. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-5747.

¹⁴ Там же. Д. П-6943.

¹⁵ В ряде документов в составе участников группы фигурируют – Новицкая (заведующая промделом), Вержбицкий (литературный сотрудник) и Ногинов (сотрудник). Однако каких-либо следственных материалов в отношении данных лиц не обнаружено.

¹⁶ Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ). Ф. 1858. Оп. 3. Д. 1229. Л. 31.

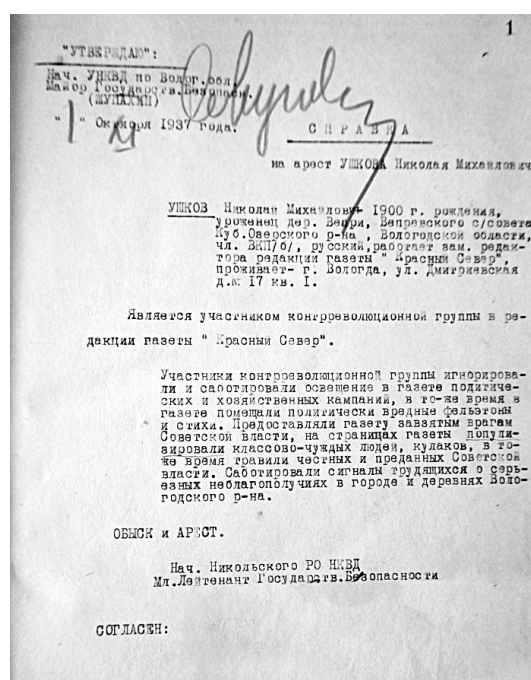
Сообщения и заметки

печатник» и Вологодского горкома ВКП(б) от 27 октября 1937 г. исключен из рядов ВКП(б) как «враг народа»¹⁷. В ходе следствия был объявлен организатором и руководителем антисоветской группы. Кроме того, ему предъявили обвинение в вербовке работников газет «Лесной рабочий», «Северная Коммуна», «Правда Севера» и «Колхозник Севера» в свою организацию, использовании указанных газет для антисоветской пропаганды, а также в обсуждении с участниками группы вопроса о необходимости совершения террористических актов против руководителей ЦК ВКП(б) и советского правительства¹⁸.

Б.А. Мясников, А.Н. Окладников и В.Ф. Соколов-Энский были арестованы 28 октября 1937 г., П.Г. Жильцов и Е.Н. Забелин (настоящие имя и фамилия – Леонид Савкин) – 4 ноября 1937 г., Н.М. Ушков – 15 ноября 1937 г. Они обвинялись в том, что по заданию Шульгина использовали газету в антисоветских целях, публикуя статьи, заметки и фельетоны антисоветского содержания, дискредитирующие партию, комсомол и советскую власть, участвовали в обсуждении подготовки терактов над руководителями партии и государства¹⁹. Все, кроме Забелина, на предварительном следствии признали свою вину. 5 февраля 1938 г. отказался от подписи и предъявленного обвинения Н.М. Ушков.

5 марта 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) по спискам санкционировало применение высшей меры наказания (ВМН) – расстрел к П.Г. Жильцову, В.Ф. Соколову-Энскому и К.И. Шульгину. Е.Н. Забелин, Б.А. Мясников, А.Н. Окладников и Н.М. Ушков должны были быть осуждены на различные сроки заключения²⁰, однако Окладников и Ушков также были приговорены к ВМН.

Выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР в г. Вологде были осуждены: К.И. Шульгин – 25 апреля 1938 г. по ст. 58-8, 58-11 УК РСФСР к ВМН, с

Справка на арест Н.М. Ушкова
Архив УФСБ России по ВО. Фонд прекращенных
уголовных дел. Д. П-5747. Л. 1

¹⁷ ВОАНПИ. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 10. Л. 19; Ф. 1858. Оп. 3. Д. 1229. Л. 48–49.

¹⁸ Архив УФСБ России по ВО. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-6943. Л. 92–95.

¹⁹ Там же. Д. П-8672. Л. 72–74; Д. П-10880. Л. 69–71; Д. П-6348. Л. 69–71; Д. П-5528. Л. 70–72; Д. П-5770. Л. 70–72; Д. П-5747. Л. 71–73.

²⁰ Сталинские списки: Вологодская область. URL: <https://stalin.memo.ru> (дата обращения: 07.12.2018).

Сообщения и заметки

конфискацией имущества (приговор приведен в исполнение 25 апреля 1938 г. в г. Вологде)²¹; В.Ф. Соколов-Энский – 25 апреля 1938 г. по ст. 17-58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР к ВМН, с конфискацией имущества (приговор приведен в исполнение 28 апреля 1938 г. в г. Вологде)²²; П.Г. Жильцов – 27 апреля 1938 г. по ст. 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР к ВМН, с конфискацией имущества (приговор приведен в исполнение 27 апреля 1938 г. в г. Вологде)²³; Е.Н. Забелин – 28 апреля 1938 г. по ст. 17-58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР к 10 годам тюремного заключения, с поражением в правах на 5 лет, с конфискацией имущества (умер 3 января 1943 г. в Северо-Восточном ИТЛ НКВД СССР)²⁴; Б.А. Мясников – 28 апреля 1938 г. по ст. 17-58-8, 58-7, 58-10, 58-11 УК РСФСР к тюремному заключению сроком на 20 лет, с конфискацией имущества (умер 14 октября 1950 г. в 5-м отделении Нижне-Амурского ИТЛ МВД СССР)²⁵; Ф.Н. Окладников – 28 апреля 1938 г. по ст. 58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР к ВМН, с конфискацией имущества (приговор приведен в исполнение 28 апреля 1938 г. в г. Вологде)²⁶; Н.М. Ушков – 28 апреля 1938 г. по ст. 17-58-8, 58-10, 58-11 УК РСФСР к ВМН, с конфискацией имущества (приговор приведен в исполнение 28 апреля 1938 г. в г. Вологде)²⁷.

В основу вынесенных приговоров были положены показания самих обвиняемых и лишь одного свидетеля – корреспондента ТАСС по Вологодской области А.С. Крицина. Ключевым доказательством предъявленных обвинений, наравне с показаниями обвиняемых, являлся акт от 11 февраля 1938 г. о наличии статей и заметок антисоветского содержания в номерах газеты «Красный Север» за 1937 год, подготовленный комиссией в составе корреспондента ТАСС А.С. Крицина, ответственного секретаря редакции «Красного Севера» А.М. Балдакова и заведующего партийным отделом К.М. Бирюкова²⁸.

13 ноября 1956 г. редактор газеты «Красный Север» К.А. Чернаков направил начальнику Управления КГБ по Вологодской области И.В. Шатеркину в ответ на его запрос информацию об отсутствии в материалах газеты, упомянутых в акте комиссии от 11 февраля 1938 г., какой-либо антисоветской агитации и клеветы против советской власти²⁹.

Ниже приведен сравнительный анализ вышеуказанных документов.

---

²¹ Архив УФСБ России по ВО. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-6943. Л. 99–99 об.

²² Там же. Д. П-6348. Л. 75–75 об.

²³ Там же. Д. П-5528. Л. 76–76 об. В судебном заседании виновным себя не признал, а показания допрошенных о нем назвал ложными.

²⁴ Архив УФСБ России по ВО. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-5770. Л. 76–76 об.

²⁵ Там же. Д. П-8672. Л. 78–78 об.

²⁶ Там же. Д. П-10660. Л. 75–75 об.

²⁷ Там же. Д. П-5747. Л. 77–77 об.

²⁸ Там же. Д. П-10660. Л. 68 (15–17).

²⁹ Архив УФСБ России по ВО. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-5747. Л. 109–110.

Сообщения и заметки

№ газеты	Акт от 11.02.1938 г.	Информация от 13.11.1956 г.
1	<p>В статье б[ывшего] попа Караулова «Единственно правильный путь» пишется: «По воле народа церковные стены пошли на стройку прекрасных фабричных корпусов Лньостроя. Куда оставалось деться мне священнослужителю? Взвесив никчемность поповского существования... и вот я разнорабочий»; в статье Энского «Новогодний сон» рисуется неверие в соц. стр-во города, возводится клевета на партию.</p>	<p>Поп Караулов не выступал против советской власти. Наоборот, он доволен, что стал рабочим на стройке и звал к труду своих прихожан. Ошибка газеты только в том, что она пустила попа на страницы газеты.</p> <p>В этом же номере Энский в статье «Новогодний сон» мечтает о новой Вологде с ярким светом, асфальтированными улицами, большими домами и т. д. Кое-что из того, что снилось тогда Энскому, сейчас, через 20 лет, сделано. Никакой клеветы на партию тут нет.</p>
6	<p>Помещен фотоснимок с надписью «Вы смотрите на этого толстого крепыша...», снимок же изображает не ребенка, а какого-то замученного человека.</p>	<p>Снимок в № 6 не создает впечатления замученного человека. Просто плохой неконтрастный снимок.</p>
26	<p>В статье Мясникова «Конец подпольного "абортария"» сгущаются краски, приводится множество фактов абортов с целью скомпрометировать Сов. закон о запрещении абортов.</p>	<p>В № 26 Мясников не компрометирует советский закон о запрещении абортов, а изобличает одну абортёршу и критикует двух-трех женщин, избегавших материнства и прибегающих к подпольным абортам.</p>
49	<p>В передовой «Советская медицина» пишется: «Великий советский народ должен быть и станет самым здоровым, крепким, боеспособным, жизнерадостным народом земли».</p>	<p>В передовой № 49 «Советская медицина» никакого извращения нет. Автор имел в виду, что советский народ будет самым здоровым и сильным на земле. Это правильно.</p>
50	<p>В передовой «Важнейшие задачи Профсоюза» говорится: «Что рабочие затягивают свою болезнь».</p>	<p>В передовой № 50 «Важнейшие задачи профсоюзов» критикуются руководители предприятий, не проявляющие заботы о технике безопасности, что ведет к росту травматизма. Вместе с этим газета изобличает рабочих симулянтов.</p>
58	<p>В передовой «20 лет назад» протаскиваются меньшевистские взгляды в виде «рабочий класс в 1905 году был</p>	<p>В передовой «20 лет назад» (№ 58) никакого меньшевизма нет. Составители акта придрались к словам</p>

Сообщения и заметки

	разбит».	«Рабочий класс в 1905 году был разбит», но не дочитали фразу до конца, а конец его говорит «но не побежден. Революционный дух его не сломлен. Пролетариат верил в свою победу».
65	В статье «Фрязиново» Мясников клеветает на рабочих, что они якобы только и занимаются дракой, пьянством и вечной борьбой с «чистым» городом и деревнями.	В № 65 статья «Фрязиново» рассказывает о довоенной деревне Фрязиново, на месте которой вырос завод «Северный коммунар».
84	Помещена карикатура «Булочник починяет сапоги, из булки торчат гвозди». Под карикатурой фельетон Забелина, в котором один факт обобщается в клеветническом заявлении о том, что граждане нашей родины питаются хлебом с гвоздями.	Номер 84 – карикатура ни на кого не клеветает, а критикует беспорядки в булочной. Называются факты, когда гражданам попадали булки с посторонними предметами (гвоздями).
112	В очерке «Торф» Энский пространно описывает добычу торфа – «коричневой массы», а дальше жалуется, что артели не платят деньги и делает вывод «Нам не хотелось бы сравнивать это дело с хлебом, но приходится. Ведь известно, что ни Водосвету, ни кирпичному заводу, никому другому бесплатно не отпускается, да и не отпустят грамма хлеба».	В очерке «Торф» (номер 112) дается статья, показывающая процесс добычи торфа, доказывающая выгодность этого вида топлива, и в конце автор выступает в защиту торфопредприятия, у которого потребители берут торф, а денег за него не платят. Критикуя руководителей «Водосвета», который задолжал артели 20 тыс. руб., автор делает им нравоучение и говорит: ведь хлеб бесплатно не продают, и никто его в долг не просит, а вот торф, оказывается, можно брать и в долг, и денег не платить.
122	До неузнаваемости искажена передовая «Правды» – «Большевистские рыцари прогресса и культуры».	В передовой «Правды» (номер 122) пропущено две строки текста. Но они не исказили статьи.
133	В статье Жильцова «И так каждый вечер» распространяется явная клевета на комсомол, на нашу молодежь, которая по его [мнению] способна только на хулиганство.	Статья «И так каждый вечер», автор Жильцов (номер 133) критикует беспорядки в комсомольском садике (площадь Революции). Автор пишет о хулиганах, мешающих отдыху людей, и бездеятельности ГК ВЛКСМ, который взял шефство над садиком и ничего не

Сообщения и заметки

		делает по организации досуга молодежи.
153	В рецензии Мясникова на книгу «На востоке» Павленко написано: «Голубева... разводит пограничных собак – верных помощников сторожевых».	К рецензии Мясникова на книгу Павленко «На Востоке» (номер 153) пустая придирка.
156	В передовой «Правды», заменив слово «целых» словом «некоторых», исказили фразу, которая читается так: «фашизм открыто провозглашает неравенство некоторых народов...».	В номере 156 в передовой «Правды» действительно вместо слова «целых» напечатано «некоторых». Но сделано это, видимо, без умысла. Существо статьи не исчезает.
164	В передовой статье пишется: «В среде комсомола есть не один десяток замечательных активистов, которые преданы делу коммунизма...».	К передовой в номере 164 и к снимку в номере 197 придирки, не заслуживающие внимания.
197	Помещен портрет чужачки Трифоновой под видом передового человека.	
203	В статье Жильцова «Просьба инженера – призывника Евсея Шварц» написано: «В нашей стране разгромлены и уничтожены банды шпионов, вредителей и диверсантов в промышленности, на транспорте и в Красной Армии...».	В статье Жильцова «Просьба инженера-производственника Евсея Шварц» (номер 203) также никакой крамолы нет. Человек с радостью шел в армию. Автором в уста производственника вложена дежурная для того времени фраза о шпионах, вредителях и дезорганизаторах в промышленности, на транспорте и армии.
205	В статье Киселева сказано: «Решение IV пленума ЦК ВЛКСМ со всей наглядностью говорит о том, что враги в комсомоле были и есть, и с ними надо вести решительную работу».	В таком же духе сказано в статье Киселева (номер 205), что враги были и есть и с ними надо вести решительную борьбу.
230	Помещен клише-портрет, как передовой стахановки, кулачки Сибушковой Анны Алексеевны.	Словом во всех указанных статьях никакой антисоветчины не пропагандируется.
	А/с ³⁰ взгляды допускались и во многих статьях. А/советчина протаскивалась и в 1936 году во время редактирования газеты Ушковым, как например, под барельефом с	

³⁰ Антисоветские.

Сообщения и заметки

	изображением тов. Сталина в № 118 дается подпись «На снимке артистка театра имени Вахтангова М. Синельникова в роли Розы Штейн».	
--	--	--

При пересмотре уголовных дел в отношении сотрудников редакции газеты «Красный Север» было установлено, что данные, на которых основывалось обвинение, не соответствовали действительности. Сотрудники УНКВД по Вологодской области, принимавшие участие в предварительном следствии по данным делам, допускали нарушения законности в своей работе. Военная коллегия Верховного Суда СССР все уголовные дела прекратила за отсутствием состава преступления и реабилитировала: Н.М. Ушкова – 10 октября 1957 г., П.Г. Жильцова – 24 октября 1957 г., Е.Н. Забелина – 26 октября 1957 г., В.Ф. Соколова-Энского – 21 января 1958 г., К.И. Шульгина – 29 марта 1958 г., Б.А. Мясникова – 8 марта 1960 г., Ф.Н. Окладникова – 19 мая 1964 г.³¹

15 октября 1937 г. на заседании Секретариата оргбюро ЦК ВКП(б) по Вологодской области было принято решение об организации на базе городской газеты «Красный Север» областной газеты – органа Оргбюро ЦК ВКП(б) по Вологодской области, Вологодского городского комитета ВКП(б) и Оргкомитета ВЦИК по Вологодской области. Исполняющим обязанности редактора был утвержден С.В. Обручев³², но пробыл он в этой должности чуть более двух месяцев.

Приведем сведения о его биографии. Обручев Степан Васильевич, 1904 года рождения, уроженец деревни Чернышево Воскресенской волости (Игнатьевского сельского совета) Шенкурского уезда (района) Архангельской губернии (области), из крестьян, член ВКП(б) с 1924 г., до мая 1922 г. – учащийся школы 2-й ступени (с. Благовещенск Шенкурского уезда Архангельской губернии); с мая 1922 г. по март 1924 г. трудился в хозяйстве отца, с февраля 1924 г. по март 1925 г. – инструктор и

Степан Васильевич Обручев. 29 июля 1936 г.
ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 5. Д. 460. Л. 26

³¹ Архив УФСБ России по ВО. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-5747. Л. 109–110; Д. П-5528. Л. 110–110 об.; Д. П-5770. Л. 119–119 об.; Д. П-6348. Л. 97–97 об.; Д. П-6943. Л. 129–129 об.; Д. П-8672. Л. 103–103 об.; Д. П-10660. Л. 102–102 об.

³² ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

Сообщения и заметки

заведующий агитационно-пропагандистского отдела (АПО) Шенкурского уездного комитета ЛРКСМ (г. Шенкурск); с апреля по сентябрь 1925 г. – инструктор Архангельского губкома ВЛКСМ (г. Архангельск); с сентября 1925 г. по октябрь 1926 г. – секретарь Маймаксанского районного комитета ВЛКСМ (г. Архангельск); с ноября 1926 г. по октябрь 1927 г. проходил военную службу в 29-м стрелковом полку (г. Архангельск); с октября 1927 г. по сентябрь 1928 г. – секретарь Архангельского уездного комитета ВЛКСМ (г. Архангельск); с сентября 1928 г. по июнь 1929 г. – инструктор Архангельского уездного комитета ВКП(б); с июня 1929 г. по сентябрь 1930 г. – заместитель заведующего орготделом Северного краевого комитета ВЛКСМ (г. Архангельск); с сентября 1930 г. по сентябрь 1932 г. – слушатель Института подготовки кадров Красной профессуры (г. Москва); с сентября 1932 г. по июнь 1933 г. – слушатель философского факультета Института подготовки кадров Красной профессуры (г. Москва); с июня 1933 г. по октябрь 1937 г. руководил политотделом совхоза «Молочное». 22 марта 1936 г. за успехи в подъеме совхозного животноводства был награжден орденом «Знак Почета», а Наркомом совхозов вместе с директором совхоза премирован денежной премией в сумме 2 тыс. рублей каждому³³.

Именно работа на номенклатурных должностях в аппарате Северного краевого, а затем областного комитетов ВКП(б) под руководством бывших партийных руководителей региона (В.И. Иванова³⁴, Д.А. Конторина³⁵, Г.А. Рябова³⁶ и др.) послужила основанием для

---

³³ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 5. Д. 460. Л. 11–13.

³⁴ Иванов Владимир Иванович (11(23).03.1893 – 15.03.1938) – первый секретарь Северного краевого комитета ВКП(б) с марта по сентябрь 1936 г., с октября 1936 г. по октябрь 1937 г. – нарком лесной промышленности СССР. Арестован 1 ноября 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) в ноябре 1937 г. по списку санкционировало применение ВМН. Осужден 13 марта 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР на процессе по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока» по ст. 58-1а, 58-2, 58-7, 58-8, 58-9, 58-11, 58-13 Уголовного кодекса РСФСР к ВМН. Приговор приведен в исполнение 15 марта 1938 г. Захоронен в окрестностях пос. Коммунарка (Московская область). Реабилитирован 15 июня 1959 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР. См.: Филиппов С.Г. Территориальные руководители ВКП(б) в 1934–1939 гг.: справочник. М., 2016. С. 258–259.

³⁵ Конторин Дмитрий Алексеевич (15(27).1900 – 10.02.1938) – с февраля 1931 г. по январь 1932 г. – третий секретарь Северного краевого комитета ВКП(б), с января 1932 г. по январь 1937 г. – второй секретарь Северного краевого комитета ВКП(б), с января 1937 г. по сентябрь 1937 г. – первый секретарь Северного областного комитета ВКП(б), с октября по ноябрь 1937 г. – первый секретарь Архангельского областного комитета ВКП(б). Арестован 3 ноября 1937 г. в г. Москве. Политбюро ЦК ВКП(б) в ноябре и декабре 1937 г. по списку санкционировало применение ВМН. Осужден 8 февраля 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР за участие в контрреволюционной террористической организации и подготовке терактов по ст. 58-8, 58-11 УК РСФСР к ВМН с конфискацией имущества. Приговор приведен в исполнение 10 февраля 1938 г. Захоронен в окрестностях пос. Коммунарка (Московская область). Реабилитирован 11 августа 1956 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР. См.: Там же. С. 314.

³⁶ Рябов Григорий Андреевич (04.11.1895 – 25.04.1938) – с февраля 1934 г. по январь 1937 г. – заведующий отделом руководящих партийных органов (ОРПО) Северного краевого комитета ВКП(б), с

Сообщения и заметки

репрессии в отношении Обручева. 20 декабря 1937 г. он был арестован 4-м отделом УГБ УНКВД по Вологодской области «как активный участник контрреволюционной организации правых, ликвидированной в октябре 1937 года» за «подрывную вредительскую деятельность в области совхозного строительства»³⁷. В первую очередь следственные органы обвинили Обручева в том, что в 1935 г. он был завербован в антисоветскую организацию руководителями контрреволюционного подполья в Северном крае – бывшими секретарями краевого комитета ВКП(б) Ивановым и Конториным. При этом основными задачами данной организации назывались: свержение советской власти и подрывная деятельность в деревне с целью вызвать массовое недовольство крестьянства и подготовить население к вооруженному восстанию.

В ходе «контрреволюционной деятельности» Обручев, по мнению следственных органов, по прямому указанию В.И. Иванова связался с активными участниками организации правых в г. Вологде, в том числе с секретарем оргбюро ЦК ВКП(б) по Вологодской области Рябовым, установил контакт с группой правых в сельскохозяйственном институте и создал отдельную группу в племсовхозе «Молочное». В связи с образованием Вологодской области в сентябре 1937 г. и происходящими кадровыми изменениями, Рябов предложил Обручеву возглавить один из отделов обкома ВКП(б). Но с приездом последнего в г. Вологду он был назначен на должность исполняющего обязанности редактора создаваемой областной газеты «Красный Север».

Самыми абсурдными являлись обвинения в подрывной работе Обручева на посту начальника политотдела совхоза «Молочное», которая заключалась в «отсутствии заботы о рентабельности племсовхозов», «развитии заболеваемости скота бруцеллезом и туберкулезом», «вредительстве в полеводстве и по другим видам работ совхоза», «создании видимости хорошей работы совхоза путем повышения раздоя отдельных коров-рекордисток» и т.п.³⁸ При этом следствие не дало никакой оценки факту награждения в марте 1936 г. Обручева орденом «Знак Почета», что противоречило выдвинутым обвинениям. Наконец, следствие не смогло указать, в чем заключалась подрывная деятельность в редакции газеты «Красный Север».

января по сентябрь 1937 г. – второй секретарь Северного краевого (областного) комитета ВКП(б), с сентября по ноябрь 1937 г. – секретарь оргбюро ЦК ВКП(б) по Вологодской области. Арестован 16 ноября 1938 г. в г. Москве. 19 апреля 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) по списку санкционировало применение ВМН. Осужден 25 апреля 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР за шпионаж, диверсионно-террористическую деятельность и участие в контрреволюционной террористической организации по ст. 58-6, 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР к ВМН. Приговор приведен в исполнение в этот же день. Захоронен в окрестностях пос. Коммунарка (Московская область). Реабилитирован 30 июня 1956 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР. См.: *Филиппов С.Г.* Указ. соч. С. 507; *ВОАНПИ.* Ф. 2522. Оп. 5. Д. 549; Архив УФСБ России по ВО. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-4044. Л. 27–27 об.; Д. 6289. Л. 206–207.

³⁷ Архив УФСБ России по ВО. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-6209. Л. 1.

³⁸ Там же. Л. 181–181 об.

5 марта 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) по списку санкционировало применение ВМН к С.В. Обручеву³⁹. 25 апреля 1938 г. он был осужден выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Вологде по ст. 58-7, 17-58-8, 58-11 УК РСФСР к ВМН, с конфискацией имущества. В этот же день приговор был приведен в исполнение в г. Вологде. Реабилитирован Обручев 26 октября 1957 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР за отсутствием состава преступления. В определении указано, что никаких объективных данных о совершении С.В. Обручевым какого-либо преступления не было собрано. В то же время установлено, что принимавшие участие в расследовании настоящего дела бывшие сотрудники УНКВД по Вологодской области занимались фальсификацией следственных материалов⁴⁰.

11 января 1938 г. за членство в «шпионско-диверсионной организации правых» и работу, «направленную на развал комсомольской организации и разложение молодежи», был арестован художник редакции газеты «Красный Север» Анатолий Михайлович Ешевский, 1909 года рождения, уроженец станции Исакогорка Архангельского района Северной области⁴¹. Основными фигурантами уголовного дела являлись руководящие работники Вологодского городского комитета ВЛКСМ и секретари первичных комсомольских организаций предприятий г. Вологды. Ешевскому было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности, состоящей в том, что он, работая в изостудии, составлял вредительские учебные планы, вследствие чего имел место большой отсев учеников (за два года исключено 13 чел.); комплектовал преподавательский состав из классово-чуждых элементов; развалил политическую учебу комсомольцев в Артельсоюзе и типографии «Северный печатник», на почте и телеграфе; работая в «Красном Севере», сознательно скрывал вредительскую деятельность редактора газеты К.И. Шульгина; был связан с «врагом народа» П.Г. Жильцовым; в 1937 г. пропустил в газете снимок с фашистской свастикой; сознательно задержал выпуск Октябрьского номера, плохо сделав монтаж первой страницы⁴².

28 апреля 1938 г. Ешевский был осужден выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда в г. Вологде по ст. 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР к ВМН, с конфискацией имущества. В этот же день приговор приведен в исполнение в г. Вологде. 22 мая 1958 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР А.М. Ешевский реабилитирован за отсутствием состава преступления⁴³.

Более удачно сложилась судьба Алексея Михайловича Пластинина, 1903 года рождения, уроженца деревни Сколепово Лальского района Архангельской области. В

---

³⁹ Сталинские списки: Вологодская область. URL: <https://stalin.memo.ru> (дата обращения: 07.12.2018).

⁴⁰ Архив УФСБ России по ВО. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-6209. Л. 255–255 об.

⁴¹ Там же. Д. П-6996. Л. 1.

⁴² Там же. Л. 81–83.

⁴³ Там же. Л. 87–87 об., 91, 121–121 об.

Сообщения и заметки

начале 1938 г. он был переведен из Усть-Кубинского района Вологодской области, где работал редактором районной газеты «Усть-Кубинская правда», и назначен на должность заведующего советско-торговым отделом редакции газеты «Красный Север». В это же время органы НКВД приступили к ликвидации на территории Усть-Кубинского района «шпионско-террористической организации правых», состоявшей из руководителей партийных и советских органов. Пластинин был арестован как ее «активный участник»⁴⁴.

По мнению оперативных работников, бывший редактор Усть-Кубинской районной газеты использовал ее целях контрреволюционной пропаганды и «засорял редакции и состав сельских корреспондентов антисоветскими элементами», по заданию бывшего первого секретаря Усть-Кубинского районного комитета ВКП(б) М.С. Абрамова⁴⁵ «прикрывал вредительскую деятельность организации, умышленно не помещал в газете материалы о вредительской деятельности в районе членов организации». В августе 1936 г. опубликовал в газете извещение ТАСС о самоубийстве М.П. Томского в траурной рамке⁴⁶.

Следствие по делу длилось полтора года, в ходе него все подследственные признали свою вину. Однако на судебном процессе фигуранты дела отказались от показаний. Суд установил, что обвинение основано только на их личных признаниях, данных вследствие грубого нарушения норм предварительного следствия. 10 февраля 1940 г. Судебной коллегией по уголовным делам Вологодского областного суда по ст. 58-10 ч. 1, 58-11 УК РСФСР А.М. Пластинин был оправдан и освобожден из-под стражи⁴⁷.

Рыхлинский Вацлав Александрович, 1870 года рождения, уроженец г. Житомир, главный бухгалтер редакции газеты «Красный Север», был арестован органами НКВД 27 марта 1938 г. по обвинению в систематическом проведении контрреволюционной агитации среди населения, высказывании клеветнических измышлений в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства, восхвалении «врагов народа», распространении провокационных слухов в отношении органов советской власти. В июне 1938 г. обвинительное заключение, основанное на личных показаниях и показаниях одного свидетеля, было направлено на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР. 31 октября 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР Рыхлинский был осужден за контрреволюционную агитацию к ссылке в Казахстан сроком на три года.

---

⁴⁴ Архив УФСБ России по ВО. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-3176. Т. 1. Л. 17–19.

⁴⁵ Абрамов Михаил Степанович, 1902 года рождения, уроженец деревни Ивановское Онежского района Архангельской области, первый секретарь Усть-Кубинского районного комитета ВКП(б), арестован 19 июля 1938 г., осужден 9 мая 1939 г. Военным трибуналом Ленинградского военного округа по ст. 58-7, 17-58-8, 58-11 УК РСФСР к 15 годам ИТЛ. Реабилитирован 10 августа 1955 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР. См.: Там же. Д. П-3102.

⁴⁶ Там же. Д. П-3176. Т. 1. Л. 27; Т. 4. Л. 151–152; Т. 5. Л. 2–22.

⁴⁷ Там же. Т. 6. Л. 117–123.

Сообщения и заметки

При пересмотре дела выяснилось, что на предварительном следствии в 1938 г. свидетель подтвердила один факт антисоветского высказывания Рыхлинского. Будучи передопрошенной в 1956 г., она отказалась от данных показаний. Постановлением президиума Вологодского областного суда от 30 июня 1956 г. постановление Особого совещания при НКВД СССР от 31 октября 1938 г. было отменено за недоказанностью обвинения⁴⁸.

Комаровский Владимир Петрович, 1886 года рождения, уроженец г. Вологды, корректор редакции газеты «Красный Север», был арестован органами НКВД 21 мая 1938 г. Он был обвинен в проведении контрреволюционной агитации (восхвалял «врагов народа» и доказывал их «большие заслуги перед рабочим классом», среди рабочих типографии говорил о тяжелом материальном положении трудящихся в СССР, высказывал «клеветнические измышления о войне и гибели советской власти»). В частности, в марте 1938 г. он говорил: «В СССР проводится неслыханный террор, арестовывают и расстреливают совершенно невинных людей, лучше самим умереть просто, чем в застенках. Их – НКВД – расплодилось столько, что за каждым смотрят, я их узнаю очень просто: у них ни у одного скулы не сходятся, таково их устройство»⁴⁹.

В апреле 1939 г. следствие было закончено и уголовное дело направлено на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, в январе 1940 г. возвращено в УНКВД по Вологодской области для направления в суд, а из Вологодского областного суда возвращено в УНКВД по Вологодской области на доследование. В ходе доследования было установлено, что Комаровский признал свою вину под принуждением и угрозами. 26 марта 1940 г. постановлением УНКВД по Вологодской области уголовное дело в отношении Комаровского было прекращено из-за недостаточности улик для предания обвиняемого суду, и он из-под стражи был освобожден⁵⁰.

Майоров Алексей Александрович, 1886 года рождения, уроженец г. Вологды, наборщик типографии «Красный Север» (ранее – «Северный печатник»), попал в поле зрения оперативных работников НКВД как «бывший анархист» и был «зачислен» в «террористическую подпольную группу анархистов г. Вологды». 24 февраля 1938 г. он был арестован и обвинен в антисоветской деятельности, которая заключалась в связях с анархистским подпольем, вербовке новых единомышленников, подготовке терактов против К.Е. Ворошилова и А.А. Жданова. Осужден 31 октября 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР за контрреволюционную деятельность к 5 годам ИТЛ. Умер 10 июня 1942 г. в Онежском ИТЛ НКВД СССР (Архангельская область). Реабилитирован 31 января 1957 г. Военным трибуналом Северного военного округа за отсутствием состава

---

⁴⁸ Архив УФСБ России по ВО. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-3747.

⁴⁹ Там же. Д. П-1567. Л. 1, 22–24.

⁵⁰ Там же. Л. 61–63.

Сообщения и заметки

преступления⁵¹.

Арестам и осуждению по политическим мотивам подверглись не только сами «красносеверцы», но и члены их семей, прежде всего – жены, на которых был навешен ярлык «члена семьи изменника родины»⁵². Как правило, они обвинялись в том, что знали о контрреволюционной деятельности мужей, но органам советской власти об этом не сообщили.

Жена С.В. Обручева – Стрелкова Анна Петровна, 1906 года рождения, была арестована 8 мая 1938 г. и 29 мая 1938 г. осуждена Особым совещанием при НКВД СССР как член семьи изменника родины к 8 годам ИТЛ. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 20 мая 1944 г. срок наказания был снижен до фактически отбытого. Освобождена из-под стражи из Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний УНКВД по Хабаровскому краю. Реабилитирована 10 января 1957 г. Военным трибуналом Северного военного округа⁵³.

Жена Н.М. Ушкова – Ушкова Лидия Александровна, 1902 года рождения, была арестована 8 мая 1938 г. и 29 мая 1938 г. осуждена Особым совещанием при НКВД СССР как член семьи изменника родины на 8 лет ИТЛ. Освобождена из Карагандинского исправительно-трудового лагеря на основании постановления Особого совещания при НКВД СССР от 10 марта 1940 г. Реабилитирована 30 июля 1957 г. президиумом Вологодского областного суда⁵⁴.

Жена П.Г. Жильцова – Жильцова Антонина Александровна, 1916 года рождения, арестована 10 мая 1938 г., осуждена 29 мая 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР по ст. 58-12 УК РСФСР к двум годам гласного надзора по месту жительства. Реабилитирована 23 декабря 1957 г. президиумом Вологодского областного суда⁵⁵.

Выписка из протокола Особого совещания при НКВД СССР по делу А.П. Стрелковой

Архив УФСБ России по ВО. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-4208. Л. 21

⁵¹ Архив УФСБ России по ВО. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-5080.

⁵² Репрессии проводились на основании оперативного приказа НКВД СССР № 00486 от 15 августа 1937 г. Подр. см.: *Рогинский А., Даниэль А.* «Аресту подлежат жены...» // Узницы «АЛЖИРа». Список женщин – заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. М., 2003. С. 6–30.

⁵³ Архив УФСБ России по ВО. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-4208.

⁵⁴ Там же. Д. П-4228.

⁵⁵ Там же. Д. П-3812.

Сообщения и заметки

Жена А.Н. Окладникова – Шевцова Евгения Федоровна, 1912 года рождения, арестована 13 мая 1938 г., осуждена 29 мая 1938 г. Особым совещанием при НКВД СССР по ст. 58-12 УК РСФСР к двум годам гласного надзора по месту жительства. Реабилитирована 22 августа 1989 г. прокуратурой Вологодской области⁵⁶.

Кроме действующих сотрудников газеты «Красный Север» политическим репрессиям были подвергнуты и ее бывшие руководители, продолжившие партийную или журналистскую карьеру. Так, Павлов Василий Артемьевич, 1897 года рождения, уроженец Ивановской губернии, ответственный редактор газеты «Красный Север» с 7 августа 1925 г. по 18 июля 1929 г., работавший заведующим транспортным отделом газеты «Красный Октябрь» (г. Сызрань), был арестован органами НКВД 20 сентября 1936 г. 23 сентября 1936 г. Сызранским горкомом ВКП(б) он был исключен из партии «как участник контрреволюционной террористической троцкистской группы». Осужден 10 апреля 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст. 58-10 ч. 1, 58-11 УК РСФСР к 8 годам ИТЛ. Реабилитирован 14 июля 1956 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР⁵⁷.

Третьяков Александр Михайлович, 1905 года рождения, уроженец г. Гатчина Ленинградской области, ответственный редактор газеты «Красный Север» с июля 1933 г. по ноябрь 1934 г., с 17 января 1935 г. занимал должность секретаря Ровдинского райкома ВКП(б), с 17 марта по 10 мая 1937 г. – инструктора отдела руководящих партийных органов Северного краевого комитета ВКП(б). 10 мая 1937 г. был избран первым секретарем Шенкурского райкома ВКП(б), в дальнейшем назначен заведующим отделом печати Архангельского обкома ВКП(б). 6 ноября 1937 г. на него было возложено временное исполнение обязанностей редактора газеты «Правда Севера». 23 ноября 1937 г. Третьяков был снят с должности заведующего отделом печати Архангельского обкома ВКП(б) и временно исполняющего обязанности редактора газеты «Правда

Выписка из протокола заседания бюро Куйбышевского краевого комитета ВКП(б) об исключении В.А. Павлова из партии
Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 656. Оп. 53. Д. 351. Л. 1

⁵⁶ Архив УФСБ России по ВО. Фонд прекращенных уголовных дел. Д. П-3805.

⁵⁷ Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 656. Оп. 53. Д. 351. Л. 1, 4; Книга Памяти Самарской области. URL: [https://ru.openlist.wiki/Павлов_Василий_Артемьевич_\(1897\)](https://ru.openlist.wiki/Павлов_Василий_Артемьевич_(1897)) (дата обращения: 18.03.2020).

Сообщения и заметки

Севера», исключен из партии как «враг народа» и арестован за то, что «являлся активным участником контрреволюционной организации правых». Обвинялся по ст. 58-8 УК РСФСР (терроризм). 26–27 января 1939 г. Военным трибуналом пограничных и внутренних войск НКВД Ленинградского округа дело было направлено на дополнительное расследование. С 21 ноября 1937 г. по 28 апреля 1940 г. находился в заключении. Постановлением УНКВД по Архангельской области от 28 апреля 1940 г. уголовное дело по обвинению А.М. Третьякова было прекращено на основании ст. 204 п. «б» УК РСФСР (за недостаточностью улик для предания обвиняемого суду), обвиняемый из-под стражи освобожден и реабилитирован. 15 мая 1940 г. постановлением Архангельского обкома ВКП(б) А.М. Третьяков был восстановлен в партии⁵⁸.

Павлов Сергей Гаврилович, 1903 года рождения, уроженец деревни Шеймогоры Чакольского сельсовета Пинежского района Северного края, работал ответственным редактором газеты «Красный Север» с 20 августа 1935 г. по 25 февраля 1936 г. С 25 февраля 1936 г. по сентябрь 1937 г. являлся первым секретарем Лежского районного комитета ВКП(б) Северного края (Северной области), с сентября 1937 г. – редактором политического вещания Архангельского областного радиокомитета. 27 августа 1938 г. был арестован УНКВД по Архангельской области по ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР (вредительство). Осужден 11 августа 1939 г. Судебной коллегией по уголовным делам Вологодского областного суда по ст. 111 УК РСФСР к 1 году исправительно-трудовых работ, из-под стражи освобожден. 3 октября 1939 г. Архангельским областным комитетом ВКП(б) восстановлен в партии. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 18 марта 1967 г. приговор отменен за отсутствием состава преступления⁵⁹.

Гуляев-Зайцев Сергей Александрович, 1896 года рождения, уроженец г. Рязань, с августа 1922 г. по август 1923 г. работал заместителем редактора газеты «Красный Север», во время отпусков и командировок главного редактора исполнял обязанности последнего. В дальнейшем занимался партийной работой, активно сотрудничал с газетой как внештатный автор. С 5 апреля 1936 г. – секретарь Печорского окружного комитета ВКП(б) Коми АССР. 28 июля 1937 г., в связи с арестом, постановлением Печорского окружного комитета ВКП(б) Коми АССР исключен из партии как «враг народа». Более двух лет находился под следствием. 20 августа 1939 г. был осужден Военным трибуналом войск НКВД Уральского военного округа по ст. 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР к ВМН. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 25 ноября 1939 г. высшая мера наказания заменена на 15 лет исправительно-трудовых лагерей, с поражением в правах сроком на пять лет и конфискацией имущества. 17 марта 1952 г. был освобожден из

---

⁵⁸ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 68. Д. 493.

⁵⁹ Архив УФСБ России по ВО. Фонд прекращенных уголовных дел. № П-425; ВОАНПИ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 275; Ф. 2522. Оп. 115. Л. 70–75.

Сообщения и заметки

Минерального исправительно-трудового лагеря (Коми АССР) и направлен в ссылку на поселение в Красноярский край. Определением Военного трибунала Беломорского военного округа от 22 ноября 1955 г. приговор был отменен, дело прекращено за отсутствием состава преступления. 6 января 1956 г. освобожден из ссылки на поселение. Восстановлен в рядах КПСС постановлением бюро Вологодского областного комитета КПСС от 27 июля 1956 г.⁶⁰

Таким образом, данное исследование показывает, что большинство сотрудников газеты «Красный Север», которая в рассматриваемый период являлась официальным печатным органом городских, а затем областных властных структур, попали под кадровую чистку партийно-советского аппарата и были репрессированы по сфабрикованным уголовным делам. Материалы изученных архивно-следственных дел наглядно демонстрируют абсурдность и бесчеловечность сталинского террора, жертвами которого становились советские граждане, в том числе лояльные существующей политической системе.

---

⁶⁰ ВОАНПИ. Ф. 1855. Оп. 2. Д. 37, Ф. 2522. Оп. 31. Д. 66.

Соловьев Рустам Арсланович

кандидат исторических наук

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

**СОКРАЩЕНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР 1953–1964 ГОДОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ Н.С. ХРУЩЕВА**

Возобновившаяся в 2008 г. реформа Вооруженных Сил России практически обрела непрерывный характер, предопределив актуальность и необходимость обращения к отечественному опыту преобразований в военной сфере. На современном этапе в качестве первоочередных обозначены задачи оптимизации численности Вооруженных Сил, приведения организационной структуры, управления, технической оснащенности, системы подготовки военных кадров в соответствие с современными требованиями. Схожие задачи стояли перед руководством Советского Союза во второй половине 1950-х гг., когда в условиях научно-технической революции, ограниченных финансовых ресурсов и сложной международной обстановки требовалось провести реформу в военной области.

Совершенно очевидно, что современные проблемы военной сферы имеют глубокие исторические корни, поэтому их решение невозможно без объективного и непредвзятого учета опыта реформирования Вооруженных Сил СССР в 1953–1964 гг.

Официальные советские документы и монументальные труды по истории родов войск и видов Вооруженных Сил, изданные до начала 1990-х гг., маскировали трудности реформ, трения, дискуссии, выпячивая единство партийного и военного руководства. В таких условиях для изучения проблем реформирования армии во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. большое значение приобретают источники личного происхождения – мемуары политических деятелей и военачальников, их помощников, людей, приближенных к высшему руководству страны и Вооруженных Сил, простых офицеров и солдат. Особое место в этом списке имеют воспоминания Н.С. Хрущева, занимавшего в этот период пост первого секретаря ЦК КПСС, то есть фактического главы государства.

Важность мемуаров Хрущева для изучения реформы Вооруженных Сил СССР 1953–1964 гг. обусловлена двумя факторами.

Во-первых, специалисты сходятся во мнении, что инициатором военной реформы, начавшейся в середине 1950-х гг. в СССР, следует считать именно Хрущева, который, в

силу своего положения в партийной иерархии, не только инициировал изменения в военной области, но и проводил их в жизнь в соответствии с собственными представлениями о месте и роли армии в советской политической системе¹.

При этом следует упомянуть, что ни сам Хрущев, ни его соратники не называли преобразования Вооруженных Сил и военно-промышленного комплекса СССР «военной реформой», как, впрочем, не назывались «реформами» и все прочие масштабные изменения в аграрной, промышленной, административной, правоохранительной, культурной сферах, осуществленные в те годы. Даже самые радикальные решения озаглавливались: «О задачах по дальнейшему подъему...», «О мерах по дальнейшему улучшению...», «О дальнейшем совершенствовании...» и т. п. В своих многочисленных выступлениях Хрущев и другие высокопоставленные функционеры и идеологи говорили о «революционных (коренных) преобразованиях», но не о реформах. Можно солидаризироваться с профессором В.Н. Шевелевым, который считает, что «само понятие "реформист" отсутствовало в обиходе санкционированных политико-идеологических стереотипов и имело скорее негативный характер»².

Во-вторых, источниковая база реформы весьма ограничена не только в силу «засекреченности» документов, но и по причине особой практики согласования и принятия решений политическими и государственными деятелями, сохранившейся со «сталинской» эпохи, которую наиболее точно описал А.И. Микоян: «Часто крупные вопросы мы решали телефонным разговором или указанием на совещании или на приеме министров. Очень редко прибегали к письменным документам»³. Исходя из этого, информацию о том, как принимались те или иные решения, и мотивы, побудившие к их принятию, можно найти только в личных воспоминаниях политиков и военачальников.

Воспоминания Хрущева занимают особое место в ряду многочисленных мемуаров советского периода еще и потому, что они писались тайно, а поэтому не имели цензурного гнета и известной «шаблонности», присущей подобной литературе, издаваемой в СССР.

Долгое время изучение государственной деятельности и личных характеристик Никиты Сергеевича было под негласным запретом. Активное противодействие действующего руководства СССР работе Хрущева над воспоминаниями привели к тому, что первая книга мемуаров «Хрущев вспоминает» была опубликована в США в 1971 г.

Вторая книга: «Хрущев вспоминает. Последнее завещание» появилась там же, в Америке, в 1974 г. В эти книги, рассчитанные на зарубежного читателя, включены воспоминания Хрущева далеко не в полном объеме. Но даже такие урезанные издания не

¹ *Абрамова Ю.А.* Незавершенная реформа Н.С. Хрущева: преобразования Вооруженных Сил СССР в 1953–1964 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 4. С. 16–33.

² *Шевелев В.Н.* Н.С. Хрущев. Ростов н/Д., 1999. С. 304–305.

³ *Микоян А.И.* Сталин. Каким я его знал. М., 2015. С. 132.

были доступны ни специалистам-историкам, ни широкой советской публике⁴.

В нашей стране мемуары Хрущева впервые были опубликованы в 1990 г. на страницах журнала «Вопросы истории» и с того времени выдержали несколько переизданий. Последняя редакция вышла в свет в издательстве «Вече» в 2016 г. Нельзя не согласиться с оценкой мемуаров, сделанной профессором А.А. Искендеровым: «...Его воспоминания раскрывают "политическую кухню" принятия важнейших решений, определявших внутреннюю и внешнюю политику СССР на протяжении ряда десятилетий. Не случайно историки все чаще обращаются к этим мемуарам как к содержательному источнику, помогающему избавиться от односторонних оценок нашего прошлого, позволяющему составить более правильное и объективное представление о самом Хрущеве, действия которого объяснялись в период застоя в официальной историографии не иначе как субъективные и волюнтаристские»⁵.

Преобразованиям Вооруженных сил в воспоминаниях Хрущева отводится две главы. В рамках небольшой статьи трудно полноценно проанализировать весь объем представленной в них информации. Логично сосредоточить внимание на наиболее значимых вопросах, среди которых самым, пожалуй, болезненным и обсуждаемым мероприятием являлось сокращение личного состава⁶. Дать, опираясь на отражение вопроса в мемуарах Хрущева, оценку предпринятому сокращению Вооруженных Сил СССР, выявить его причины, мотивы и последствия является целью настоящей статьи.

В своих мемуарах Хрущев неоднократно касается темы сокращения Вооруженных Сил. Уже в первых строках параграфа, озаглавленного «Сокращение армии», он сам признает, что «это был один из самых болезненных вопросов»⁷. Продолжая, автор описывает численность армии в начале 1950-х гг., оценивая ее как чрезмерную: «В свое время Сталин считал, что мы находимся накануне возможного нападения со стороны США. Все было приведено в боевую готовность. И армию мы содержали огромную, в пять с лишним миллионов человек. Очень накладно в мирное время содержать такую армию. С ней можно без всякой войны надорвать экономику страны»⁸.

Здесь же Хрущев определяет свою позицию о необходимости сокращения армии, которую он неоднократно затем будет повторять на страницах своих воспоминаний: «Сила армии определяется в настоящее время не количеством солдат, именно огневая мощь определяет возможность поражения противника... Что значит сегодня превосходство, например, в пехоте? То есть, как выражаются военные, в пушечном мясе?

⁴ Юдинкова Г.А. Из истории формирования фонда РГАСПИ № 397 – Хрущев Никита Сергеевич // Вестник архивиста. 2015. № 1. С. 104–105.

⁵ Искендеров А.А. Мемуары Н.С. Хрущева как исторический источник // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 97.

⁶ Эштут С. Миллион двести. Масштабное сокращение армии 55 лет назад по сей день отзывается болью в сердцах защитников Отечества // Родина. 2015. № 11. С. 64–73.

⁷ Хрущев Н.С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. В 2 кн. М., 2016. Кн. 1. С. 830.

⁸ Там же. С. 831.

Сейчас уже не то время, когда количество солдат или даже полководческое умение решает успех дела. Сегодня все зависит от умения управлять термоядерным оружием... Поэтому мы считали, что ничем не рискуем. Наоборот, сокращая армию, обогащаем бюджет и обретаем возможность переключить ресурсы на развитие средств потребления ради повышения жизненного уровня граждан»⁹.

Соглашаясь с мнением отдельных исследователей, следует признать, что, в отличие от Хрущева, «советские военные теоретики и военачальники считали, что массовое внедрение в войска ядерного оружия не отменяет потребности в многомиллионных вооруженных силах, в том числе оснащенных самыми разнообразными обычными вооружениями»¹⁰.

Хрущев неоднократно ставил в укор военачальникам их непонимание возможностей ядерного и ракетного оружия. Очевидно, что он намного раньше многих высокопоставленных военных смог понять значение нового оружия.

Сейчас трудно оценить, верил ли сам Хрущев в осуществимость предложений о «всеобщем и полном разоружении», озвученных им 18 сентября 1959 г. на сессии Генеральной ассамблеи ООН. Никита Сергеевич предлагал в течение 4 лет всем государствам осуществить полное разоружение: упразднить генеральные штабы, военные министерства и военные базы на чужих территориях, закрыть военные учебные заведения, уничтожить имеющиеся атомные и водородные бомбы, ликвидировать ракеты всех радиусов действия¹¹. В воспоминаниях он обходит тему своего выступления, но о проблеме разоружения упоминает в параграфе «Гонка вооружений или мирное сосуществование?», повторяя свою фразу о том, что «...военные расходы – это бездна, в которой понапрасну пропадают ресурсы... Я всегда был и остался сегодня сторонником сокращения вооруженных сил, вывода всех национальных войск с территорий других стран, ликвидации там своих баз. Это выгодно для всех! При существующих ныне международных условиях СССР располагает полной возможностью проводить независимую политику в вопросах вооружений и разоружения. Нам незачем идти на поводу у милитаристов, поддаваться на провокации»¹².

В этом же параграфе Хрущев определяет тех, кто способствует сохранению высоких расходов на оборону: «военные и представители военно-промышленного комплекса», которые «приобретают кастовое мышление и не могут политически разумно подходить к

---

⁹ Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 831, 838.

¹⁰ Кокошин А.А., Балуевский Ю.Н., Потапов В.Я. Влияние ядерного фактора на развитие отечественной военной мысли // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 11.

¹¹ Речь Н.С. Хрущева на заседании Генеральной ассамблеи ООН от 18.09.59 // Жить в мире и дружбе. Пребывание председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева в США 15–27 сентября 1959 г. М., 1959. С. 170–174.

¹² Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 838.

решению вопроса обороноспособности, не могут разумно ограничить расходование средств»¹³. К третьей группе он отнес «часть общества, которая поддается на демагогическую пропаганду и начинает давить на правительство», и в качестве примера назвал адмирала Н.Г. Кузнецова, «навязывавшего ненужную программу строительства огромного надводного флота»¹⁴. В своих воспоминаниях Никита Сергеевич достаточно подробно рассказывает о сути конфликта с Кузнецовым, который закончился для адмирала увольнением в отставку с понижением в звании¹⁵.

В параграфе, который озаглавлен «Государственные расходы», Хрущев вновь затрагивает тему разумного подхода при определении численности армии, упоминая при этом, что маршал Г.К. Жуков (министр обороны СССР в 1955–1957 гг.) «с очень большим пониманием относился к необходимости сокращения расходов, денежных и материальных средств, на вооружения»¹⁶. Архивные материалы подтверждают слова Хрущева. Жуков действительно поддерживал численное сокращение Вооруженных Сил и был инициатором отдельных мероприятий¹⁷.

Видимо, они оба разделяли рациональный подход к затратам на оборону. Но все же Хрущев наверняка считал, что у военачальников нет «чувства меры», когда дело касается выделения средств на закупку вооружения и военной техники: «Когда происходит распределение средств среди видов Вооруженных Сил, то каждый командующий находит достаточно, казалось бы, разумных аргументов для того, чтобы обосновать свои запросы. К сожалению, очень часто они исходят не из возможностей страны и обеспечения жизненного уровня народа, а просто стремятся получить как можно больше. Чем больше средств, чем больше у него в подчинении вооруженных сил, тем он чувствует себя лучше, а страна от чрезмерной нагрузки бюджета непроизводительными расходами живет беднее. Нужно признать, что люди, которые занимают видное положение в армии, живут, конечно лучше не только "среднего" человека в Советском Союзе, но лучше многих. Это тоже надо иметь в виду. Им не хватает разумности, умения анализировать, как он живет и как живут другие»¹⁸.

К сожалению, в мемуарах совершенно не упоминается то, как реагировали военнослужащие на свое вынужденное увольнение и какие меры предпринимало руководство страны по устройству их дальнейшей судьбы. Между тем доподлинно известно, что о негативной реакции на проводимое сокращение армии Хрущев был осведомлен¹⁹.

---

¹³ Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 839, 840.

¹⁴ Там же. С. 840.

¹⁵ Там же. С. 795–797.

¹⁶ Там же. С. 845–846.

¹⁷ Российский государственный военный архив. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 59. Л. 5–7.

¹⁸ Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 848.

¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 165. Д. 153. Л. 263.

Понятно, что срочнотрудовые, рассматривавшие свой статус военнослужащих как временный, были более тесно связаны не с военным ведомством, а с гражданскими сферами жизни общества. В этой среде новости о грядущих сокращениях воспринимались с однозначной поддержкой. Например, в летних лагерях одной из частей Московского военного округа в 1956 г. с получением газет, в которых было опубликовано заявление о грядущем сокращении численности Вооруженных Сил, целые подразделения кричали «Ура»²⁰.

Однако в числе 2,14 млн чел., уволенных в рамках сокращения Вооруженных Сил в 1955–1958 гг., и 1,2 млн чел., планировавшихся к увольнению в 1960 г., около 30%, по нашим подсчетам, составляли офицеры. Негативное восприятие изменений в армии исходило именно от них.

Выступления Хрущева на публичных и закрытых совещаниях показывают, что он вообще не понимал причин возмущения отставных офицеров. Вместе с тем стоит отметить, что в абсолютном большинстве это были люди, которые сознательно выбрали делом своей жизни военную службу, отдали ей лучшие годы жизни и в результате оказались «на улице», не имея к 30–40 годам ни профессии, ни жилья, ни права на получение какой-либо финансовой помощи от государства. Чтобы как-то прокормить свои семьи, они были вынуждены идти на самую «черную» работу.

Безусловно, говоря о количестве уволенных офицеров, необходимо учитывать, что значительная часть из них была уволена все же в «плановом порядке». Например, в 1958 г. из 289 668 чел., уволенных из Вооруженных Сил по сокращению численности, было 42 388 офицеров. Кроме того, были уволены в запас 21 116 офицеров взамен выпущенных из военных училищ осенью 1958 г. и прибывших в войска. Всего было уволено 63 504 офицера. Среди них только 20 630 чел. (32,5%) было уволено по сокращению штатов. Остальные же подлежали увольнению по иным причинам, не связанным с сокращением численности Вооруженных Сил СССР (11 488 чел. – по возрасту, 23 129 – по болезни, 1 658 – по служебному несоответствию, 4 426 – по причине невозможности использования на занимаемых должностях в связи с состоянием здоровья, 1 742 – по приговорам офицерских судов чести, 431 – в связи с переходом на работу в гражданские министерства и ведомства)²¹.

Но даже с учетом всех наших оговорок в результате сокращения Вооруженных Сил в 1955–1960 гг. пострадали десятки тысяч офицеров, а с учетом их жен и детей – сотни тысяч человек.

Жаль, что и по прошествии нескольких лет после своей отставки Хрущев не вспомнил или не захотел вспоминать о судьбах десятков тысяч офицеров, оказавшихся в одночасье ненужными своей стране.

---

²⁰ Сокращение Вооруженных Сил СССР в середине 50-х годов // Военные архивы России. 1993. № 1. С. 293.

²¹ Там же. С. 305–306.

Таким образом, воспоминания Хрущева дают нам возможность сформулировать две основные причины сокращения Вооруженных Сил СССР во второй половине 1950-х гг.:

- демонстрация миролюбивой политики СССР;
- стремление к сокращению военных расходов.

Касаемо предложений Хрущева по разоружению, вплоть до «всеобщего», можно предположить, что Никита Сергеевич делал демонстративные шаги по сокращению Вооруженных Сил СССР во многом для того, чтобы вынудить руководство стран НАТО, и в первую очередь США, последовать его примеру. Проблема количественного и качественного отставания в области стратегического вооружения от США в 1950–1960-е гг. стояла достаточно остро. Советскому Союзу долгое время удавалось скрывать действительное положение дел с количеством стратегических бомбардировщиков и межконтинентальных ракет, но многочисленные громкие заявления советского лидера об их массовом производстве²² не имели под собой реальной основы.

Очевидно, что если Хрущев и верил первоначально в осуществимость своих предложений о «всеобщем разоружении», то по прошествии времени понял их абсурдность и поэтому не упомянул в мемуарах. По всей видимости, дело в темпераменте и личных качествах Никиты Сергеевича, которые наиболее точно, на наш взгляд, описал О.А. Трояновский: «Хрущев обладал богатым воображением и, когда им овладевала какая-либо идея, он начинал видеть в ней не только легкое решение какой-либо определенной проблемы, но и панацею от многих проблем сразу. В таких случаях он даже вполне разумные идеи доводил до абсурда»²³.

Взрывной темперамент советского лидера определил и непоследовательность военной реформы, отсутствие единой концепции и в конечном итоге ее незавершенность.

Необходимость сокращения численности армии во второй половине 1950-х гг. не вызывает сомнения, но то, как это было сделано, порождает справедливое возмущение до сих пор. Отсутствие концепции военной реформы и ее поспешность стали причиной проблем в социальном обеспечении увольняемых военнослужащих. Информационный вакуум относительно новой военной политики государства вызвал непонимание в военной среде смысла проводимых преобразований и их конечной цели. После увольнения несколько десятков тысяч офицеров оказались без жилья и без средств к существованию, многие из них, не имея никакой гражданской специальности, устроиться на работу не могли. Такое положение вызвало недовольство среди офицеров, сверхсрочнослужащих и членов их семей. Вследствие этого в советском обществе и сформировалось негативное отношение к «хрущевской» военной реформе.

²² Хрущев, например, мог с энтузиазмом рассказывать, что своими глазами видел, как ракеты делают на потоке словно сосиски, и что советским противоракетным оружием можно попасть в муху. См.: *Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010. С. 329.*

²³ *Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 585.*

Сообщения и заметки

Говоря о возможности уволенных офицеров «вернуться к мирному созидательному труду», Хрущев не стремился понять настроений профессиональных военнослужащих. Скорее всего он при этом вспоминал о том, с какой радостью в 1945 году демобилизованные офицеры возвращались к мирной жизни. По нашему мнению, он просто не понимал принципиальной разницы между офицерами, лишь на время вынужденно надевшими погоны, вырванными из привычной обстановки в условиях необходимости защиты Родины, и офицерами, сознательно выбравшими военную службу делом всей своей жизни.

Шорохова Ирина Викторовна

кандидат исторических наук

Петрозаводский государственный университет

**ИНОСТРАННЫЕ ТУРИСТЫ В КАРЕЛИИ:
СТАНОВЛЕНИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ КРАЯ В 1960-е ГОДЫ**

Республика Карелия осенью 2020 г. отметит свой 100-летний юбилей. Туристическая отрасль края и повышение его туристической привлекательности является одним из актуальных направлений развития региона. В постановлении Правительства Республики Карелия «О долгосрочных целевых программах Республики Карелия» планируется к 2030 г. в два раза увеличить объем въездного туристского потока.

К достоинствам Республики Карелия в туристическом отношении следует отнести удобное географическое положение, красивую природу, компактное расположение населенных пунктов, развитые машинно-транспортные сети, большое количество исторических памятников. Однако труднодоступность объектов туристского показа, недостаточно развитая инфраструктура, слабая система продвижения турпродуктов мешают сделать Карелию привлекательной для туристов.

В решении современных задач туристической отрасли Карелии представляется важным изучение опыта организации туризма в предыдущие периоды. Наименее изученными на сегодняшний момент являются вопросы иностранного туризма. И если в современной отечественной историографии вопросами истории въездного туризма в СССР занимается целый ряд исследователей, то региональный аспект проблемы нечасто попадает в поле зрения историков¹. Кроме того, геополитическое положение Карелии на северо-западных рубежах Российского государства определило ряд особенностей туристской отрасли края. Опыт совместного исторического прошлого, тесные

---

¹ *Багдасарян В.Э.* Советское зазеркалье. Иностранный туризм в СССР в 1930–1980-е годы. М., 2007; *Кротова М.В.* Что показывали иностранцам в Ленинграде 1930-х годов, К вопросу о формировании имиджа Советской России // Научные труды. Вопросы теории культуры. СПб., 2016. Вып. 39. С. 156–174; *Савельев Н.С.* Финские туристы в Новгородской области в 1960–1970-е годы в зеркале народной дипломатии // Новгородский исторический сборник. 2015. № 15 (25). С. 289–297; *Хрипун В.А.* Иностранцы в СССР в 1950-е – 1960-е годы. Тенденции исследования и проблемы историографии // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2010. № 1 (35). С. 179–188; *Ярмолич Ф.К.* Ленинград во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов: площадка международного диалога // Международные отношения и диалог культур. 2016. № 4. С. 217–223.

экономические, социальные, культурные, семейные и личные связи жителей Карелии и Финляндии способствовали повышенному интересу именно финляндского населения к республике.

Развенчание культа личности Сталина и либерализация внутренней жизни позволили СССР пересмотреть некоторые принципы внешнеполитического курса. В 1950–1960-е гг. шли интеграционные процессы со странами социалистического лагеря, развивались культурные связи с капиталистической заграницей, стал доступен массовый иностранный туризм в Страну Советов. Если в 1966 г. СССР посетили 1 446 718 иностранных туристов, то в 1972 г. уже 2 316 974 иностранца². В условиях холодной войны туризм утратил свои исключительно рекреационные функции. Туристические связи Советского Союза превратились в канал формирования общественного мнения в пользу СССР за его пределами³. Иностранцы приезжали с целью разобраться в действительном положении дел в Советах, проверить точность пропаганды в своих государствах.

Массовость иностранного туризма потребовала изменений в организации и управлении процессом. С 1929 г. приемом и экскурсионным обслуживанием иностранных туристов в СССР занималось Всесоюзное акционерное общество по иностранному туризму «Интурист» (ВАО «Интурист»). В 1964 г. для организации и контроля над иностранным туризмом было создано Управление по иностранному туризму при Совете министров СССР⁴.

Карелия для массового иностранного туризма стала доступна только в начале 1960-х гг. С каждым годом интерес иностранцев к республике возрастал, хотя в общем туристическом потоке СССР по сравнению с Москвой, Ленинградом и Черноморским побережьем доля края может быть признана незначительной⁵. Тем не менее в 1960-е гг. республику посещали туристы как из социалистических стран, так и ФРГ, Италии, Японии, Швеции, Канады, Мексики, США и др. Большое количество гостей было из Финляндии⁶. Оценка ситуации осложняется тем, что в первой половине 1960-х гг. точного учета иностранных туристов в Карелии не велось, а найденные в архивах сведения часто противоречат друг другу. И все же можно констатировать, что в общем потоке иностранных туристов гости из Финляндии занимали отнюдь не последнее, а в первой половине 1960-х гг. даже преобладающее место (см. *Таблицу 1*).

---

² Касаткин В.Ф. География иностранного туризма в СССР. Учеб. пособие. М., 1973. С. 12.

³ Там же. С. 23.

⁴ Долженко Г.П. История туризма в дореволюционной России и в СССР. Ростов-на-Дону, 1988. С. 150.

⁵ Там же. С. 150, 154.

⁶ Вихавайнен Т. Из «рюсся» в «советикусы» – из «советикусов» в русские. Революция в представлении соседей // Россия и Финляндия в многополярном мире: материалы международной российско-финляндской научной конференции (19–22 ноября 2009 г.). Петрозаводск, 2009. С. 305–320; Сапрыкина Ю.С. Образ СССР в Финляндии в период «добрососедства и сотрудничества» // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2014. № 11. С. 61–63.

Таблица 1

Численность иностранных туристов, посетивших Карелию в 1961–1969 гг. (чел.)⁷

Годы	1961	1962	1963	1964	1966	1967	1968	1969
Всего иностранных туристов	– *	– *	– *	429	486	793	1062	1498
Туристов из Финляндии	90	111	248	300	385	268	288	356

* Данные отсутствуют.

В первой половине 1960-х гг. финские туристы приезжали в Карелию в основном в составе организованных групп. К концу десятилетия выросло количество финнов, посетивших республику самостоятельно по частным делам. Широко был представлен молодежный туризм из Финляндии по культурным и спортивным линиям.

В условиях возраставшего туристического потока и отсутствия работников, занимавшихся приемом иностранцев в Карелии, у петрозаводских и республиканских властей не было возможности обеспечить им качественный прием. Пребывание и сопровождение иностранных туристов в крае обеспечивали сотрудники Ленинградского отделения ВАО «Интурист»⁸. Гиды-переводчики не знали достопримечательностей Петрозаводска и историю края. Такая организация туристических программ не позволяла показать Карелию должным образом. В результате долгих переговоров руководства КАССР с вышестоящими инстанциями в Москве 1 января 1966 г. в Петрозаводске было открыто агентство ВАО «Интурист».

В его задачи входили прием и обслуживание иностранных туристов в Петрозаводске: размещение в гостинице, организация экскурсий и питания иностранных туристов; обеспечение их проездными документами на все виды транспорта; предоставление автотранспортного обслуживания; устранение недостатков при обслуживании иностранных туристов; осмотр совместно с местными организациями городских и сельских объектов показа и принятие мер по устранению недостатков на них⁹.

Иностранных туристов в Петрозаводске размещали в гостинице «Северная». И хотя она была рассчитана на 100 чел., в 1960-е гг. даже в пик туристического сезона не возникало дефицита номерного фонда. Качество проживания в гостинице «Северная» не соответствовало требованиям обслуживания иностранцев. Интуристы жаловались на

⁷ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. П-3. Оп. 16. Д. 110. Л. 2, 21, 27; Д. 82. Л. 13; Оп. 17. Д. 63. Л. 88; Оп. 18. Д. 59. Л. 29; Ф. Р-3423. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 9; Д. 1/3. Л. 25.

⁸ Там же. Ф. П-3. Оп. 13. Д. 87. Л. 12.

⁹ Там же. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 1.

отсутствие горячей воды. Она бывала только утром в 11 часов и часто грязной¹⁰. Только в 1967 г., когда к решению проблемы по настоянию заведующего агентством ВАО «Интурист» в Петрозаводске В. Фофанова подключились Карельский обком КПСС и Совет министров КАССР, перебои с горячей водой в гостинице прекратились. Иностранные туристы мерзли в номерах гостиницы «Северная». Окна в них заклеивали ватой и бумагой. Это мало способствовало повышению температурного режима в помещении, а внешне выглядело непривлекательно. Ванные, туалеты и душевые в гостинице «Северная» требовали ремонта. Крыша протекала несколько лет, поэтому на полу коридоров и номеров после дождя оставались лужи¹¹.

Удобно было организовано питание иностранных туристов в ресторане «Северный», расположенном в гостинице «Северная». Это позволяло гостям экономить время и силы в условиях насыщенной программы пребывания в Петрозаводске. Но и здесь имелись свои недостатки. Только в 1966 г. после неоднократных требований В. Фофанова к администрации ресторана и обращения в Карельский обком КПСС удалось обеспечить комфортные условия питания иностранных туристов, а на столах ресторана «Северный» появились новые льняные скатерти и не разномастная без щербинок посуда¹².

Ежегодно в феврале–марте агентство ВАО «Интурист» в Петрозаводске совместно с местными советскими и партийными органами выбирало и осматривало объекты показа иностранным туристам. В связи с приграничным положением Карелии им были доступны для посещения только Петрозаводск, Кондопожский и Прионежский районы¹³. Основной перечень объектов показа, составленный по единым критериям для всех городов, принимавших иностранных туристов, еще в начале 1960-х гг. сохранялся в почти неизменном виде на протяжении двух десятилетий. Программа пребывания иностранных туристов в СССР была довольно насыщенной. Стояла задача максимально полно показать достижения советской власти во всех сферах жизни. При этом важно было не допустить самостоятельной организации иностранцами своего культурного досуга, не позволить им бесконтрольно «соприкасаться с советской действительностью».

Экскурсия по Петрозаводску включала в себя посещение промышленных предприятий, центров культуры, учебных и медицинских учреждений. Иностранные туристы отмечали в Петрозаводске 1960-х гг. чистоту и многочисленные зеленые насаждения. Им нравилась хорошая планировка города. С террасы Дома культуры железнодорожников (ДК), расположенного в центре Петрозаводска на возвышенности, открывался «выигрышный вид» на столицу Карелии и Онежское озеро. В ДК иностранным туристам показывали киножурналы «По Советскому Союзу», видовые кинофильмы о

---

¹⁰ НАРК. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 11.

¹¹ Там же. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 66. Л. 93.

¹² Там же. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 2.

¹³ Там же. Ф. П-3. Оп. 16. Д. 110. Л. 28.

Сообщения и заметки

достопримечательностях СССР, о республиках СССР, «Карелия за 50 лет советской власти», «Кижы – остров сокровищ», «На голубых дорогах Карелии». Самыми популярными у иностранцев были фильмы о Кижях и карельской природе¹⁴.

Пользовались большой популярностью у иностранных туристов пионерские лагеря «Северный олененок» в с. Деревянное и пионерлагерь Онежского тракторного завода в с. Лососинное. Дети давали концерты, читали стихи и демонстрировали возможности развивать свои творческие и спортивные способности. Туристка из Финляндии Е. Канерма убедилась в том, что подростки «окружены любовью и заботой», и заявила: «Своих детей с радостью бы отправила в такой пионерлагерь!»¹⁵.

Всесоюзная ударная стройка в городе Кондопога должна была показать иностранцам Карелию как богатый лесной край и важный центр лесозаготовки, переработки и целлюлозно-бумажной промышленности. Санаторий «Марциальные воды», музей «Петродворец» и музей-заповедник «Кивач» обращали внимание иностранных гостей на качество медицинского обслуживания в Карелии и красоту ее природы.

Государственный историко-архитектурный музей «Кижы» особенно привлекал иностранцев. В отчетных документах и в отзывах иностранных туристов присутствует множество восторженных высказываний о красоте и мировом значении памятников. Большинство иностранных туристов, посещавших Карелию в 1960-е гг., ехали именно в «Кижы». В 1967 г. американский турист назвал посещение острова «кульминационным моментом» двухмесячного путешествия по Западной Европе и СССР¹⁶. Только в 1969 г. музей «Кижы» обслужил 1 240 иностранных туристов из 25 стран (Финляндии, ГДР, Франции, Польши, Италии, ФРГ, США, Канады и др.)¹⁷.

Карелия испытывала серьезные затруднения в организации производства и продажи сувениров, буклетов и рекламной продукции. Вплоть до середины 1960-х гг. иностранные туристы не имели возможности в достаточном количестве приобрести иллюстрированные брошюры о Петрозаводске, культуре Карелии, фотоальбомы, буклеты, и открытки.

Решением Международного отдела ЦК КПСС и по указанию Карельского обкома партии в 1965 г. к туристическому сезону издательство «Карелия» подготовило иллюстрированную брошюру на русском и финском языках «Кижы – архитектурно-бытовой музей-заповедник» и фотоальбом «Советская Карелия»; на русском языке – фотоальбомы «Памятники и памятные места Карелии», «Заповедник Кивач» и «Кижы»; иллюстрированную книгу на финском языке Я. Ругоева «Советская Карелия»; альбом с репродукциями А. Авдышева «Край озерный, край лесной»¹⁸. В 1968 г. Карельское

---

¹⁴ НАРК. Ф. П-3. Оп. 19. Д. 67. Л. 72; Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 2/23. Л. 32.

¹⁵ Там же. Ф. П-3. Оп. 12. Д. 80. Л. 35.

¹⁶ Там же. Ф. Р-3423. Оп. 2. Д. 1/3. Л. 14.

¹⁷ Там же. Ф. П-3. Оп. 21. Д. 122. Л. 11–12.

¹⁸ Там же. Оп. 15. Д. 89. Л. 11–12.

Сообщения и заметки

книжное издательство массовым тиражом выпустило путеводители, буклеты, 20 наименований видовых открыток о Петрозаводске, Карелии и Кижях¹⁹. В 1965 г. в Петрозаводске после капитального ремонта открылся магазин «Подарки», была организована продажа сувениров везде, где бывали иностранные туристы. В больших магазинах появились отделы «Карельские сувениры» и «Карельские издания». Сувениры для продажи изготавливали в мастерских художественного фонда РСФСР и Управления бытового обслуживания при Совете министров КАССР.

В середине 1960-х гг. руководством Карелии была поставлена задача обеспечить республику карельскими сувенирами и образцами народного тканья и вышивки. Иностранцам туристам стали доступны платочки, полотенца, салфетки с карельским орнаментом; изделия из карельской березы; модели карельской посуды из бересты; миниатюрные образцы продукции, характерной для Карелии (трелевочные тракторы, бумажные рулоны с этикетками целлюлозно-бумажного комбината, образцы полезных ископаемых). В продаже появились эстампы карельских графиков, наборы открыток с видами Карелии, путеводители, справочники, буклеты; пластинки с современными и старинными песнями о Карелии; деревянные и металлические значки с изображениями Петрозаводска, Кижей, Кондопоги, Сегежи, Кивача; стенные и настольные украшения с карельскими видами.

Транспортным обслуживанием иностранных туристов во время экскурсий занимались петрозаводские автоколонна № 1126 и автомобильное специальное транспортное предприятие № 2. Автобусы для экскурсий были оборудованы приемниками, микрофонами, усилителями АГУ-10 со шнуром на всю длину автобуса. Сиденья в них были покрыты чехлами, на окнах висели занавески. За автобусами был закреплен постоянный водительский состав высшей квалификации²⁰.

Если наземный транспорт республики справлялся с задачами обслуживания иностранных туристов, то доставка их на о. Кижь и обратно оказалась трудно решаемой задачей. В музей-заповедник в 1960-е гг. ходил быстроходный теплоход «Метеор». Путешествие на нем доставляло туристам удовольствие. Но из-за плохой погоды «Метеор» не всегда мог выйти в рейс. Особенно досадовали по этому поводу иностранные гости, приезжавшие в Петрозаводск на один день только ради посещения музея-заповедника.

Нередко непреодолимой для иностранных туристов становилась проблема выехать с о. Кижь. В 1966 г. швейцарского туриста Р. Вогта последний рейсовый теплоход «Метеор» не смог забрать в Петрозаводск. Сильный бортовой ветер, теплоход «Иван Сусанин» у причала, а также наличие всего четырех свободных мест на борту сделали невозможным безопасное причаливание «Метеора» к о. Кижь. Вогт и 30 советских туристов до трех

---

¹⁹ НАРК. Ф. П-3. Оп. 18. Д. 59. Л. 39.

²⁰ Там же. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 2/23. Л. 21.

часов ночи под дождем без навеса ждали попутный пароход из Медвежьегорска. Швейцарец опоздал на поезд в Ленинград и оттуда – на самолет в Москву²¹.

До конца 1960-х гг. было трудно вывезти иностранных туристов также и потому, что их на о. Кижы часто оказывалось гораздо больше, чем мест на борту теплоходов, следовавших в Петрозаводск. В условиях ограниченности посадочных мест советские туристы неохотно пропускали иностранцев. В 1968 г. посол США вынужден был садиться на теплоход в условиях давки и ругани советских граждан²².

Под давлением заведующего агентством ВАО «Интурист» в Петрозаводске В. Фофанова удалось несколько снять напряженность в этом вопросе. Быстроходный теплоход «Метеор» стал совершать ежедневно по три рейса на остров Кижы. На этом же маршруте с рубежа 1960–1970-х гг. работали теплоходы «Ладога» и ОМ-344²³.

Отличительная особенность туристического потока в Карелию из Финляндии в 1960-е гг. заключалась в том, что значительная часть финнов посещала республику с целью общения с родственниками. Это обстоятельство обеспечивало стабильный туристический поток в Карелию из пределов соседнего государства. Однако родственники отвлекали финских туристов от «получения правдивой информации о советской действительности». Зачастую они уводили финнов с экскурсий. В конце 1960-х гг. появилась новая проблема в обслуживании финских туристов в Карелии. Перечень объектов показа в Карелии из-за приграничности территории не отличался разнообразием, а к концу рассматриваемого периода еще и сократился. Финны, которые уже несколько раз бывали в Петрозаводске, уклонялись от экскурсий.

Таким образом, 1960-е гг. можно признать важным этапом становления туристической отрасли в Карелии. Если в начале периода регион не рассматривался как перспективный в развитии иностранного туризма, то уже во второй половине 1960-х гг. к Карелии заметно возросло внимание руководящих органов по организации работы и усилению идеологического влияния на настроения иностранных туристов, посещавших республику. Это нашло выражение в создании агентства ВАО «Интурист» в Петрозаводске, складывании практики регулярных совещаний республиканских партийных и советских органов власти по проблемам организации приема иностранцев в Карелии.

Высокий интерес к региону сохранялся за счет так называемого этнического туризма и культурно-исторических связей с Финляндией. Однако в условиях приграничности республики нахождение иностранных туристов в крае было территориально ограничено, вне сферы внимания и использования оказывались многие потенциально перспективные направления и туристические маршруты. Организованные группы иностранных туристов

---

²¹ НАРК. Ф. Р-3423. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 8–10.

²² Там же. Д. 2/23. Л. 30.

²³ Там же. Ф. Р-3141. Оп. 1. Д. 15. Л. 28.

за три дня успевали увидеть «все достопримечательности республики». Такая постановка дела не обеспечивала повторяемости посещений.

Трудности коммунально-бытового обслуживания, неготовность инфраструктуры и логистики к приему иностранных туристов требовали активного участия в решении вопросов высших советских и партийных органов власти края. Однако в рассматриваемый период времени недостатки в организации качественного приема иностранцев Карелии устранялись в республике неспешно.

Нельзя не отметить и еще один важный момент, тормозящий развитие туристической отрасли. Пик туристического потока в Карелии приходился на май–август. Здесь существенное влияние на реализацию туристических продуктов Карелии оказывали навигация и погода. Главным туристическим продуктом Карелии в 1960-е гг. был государственный музей-заповедник «Кижы». Однако его транспортная доступность являлась слабым местом в организации иностранных туров в республику.

Учитывая определенную схожесть ситуации в деле организации современной туристской отрасли Карелии с положением дел в приеме и обслуживании иностранных туристов в республике в 1960-е гг., в нынешних условиях представляется перспективным расширение новых туристских направлений, в частности, развитие отдыха с охотой и рыбной ловлей в живописных лесных зонах республики.

Побегайлов Олег Анатольевич

кандидат экономических наук

Донской государственной технической университет

ПРОФСОЮЗЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

В начале 1990-х годов в нашей стране произошла кардинальная смена политико-экономической системы. Изменение экономического уклада привело к появлению множества новых политических партий, и даже коммунистическая партия, существовавшая несколько десятков лет в единственном числе, претерпела такие изменения, что по структуре и имущественному положению перестала отличаться от вновь созданных. Тем не менее старые советские профсоюзы сохранили себя в новой системе, практически не изменив своей сущности. При этом еще в конце 1980-х гг. появились новые профсоюзы, которые и к нынешнему времени так и не смогли добиться глобальных успехов и стать по своему влиянию на наемных работников хотя бы на один уровень со старыми профессиональными союзами. Чтобы ответить на вопрос о причинах этого, необходимо проанализировать историю профсоюзного движения в России последнего десятилетия XX – начала XXI в., в частности, обратить самое пристальное внимание на участие различных профсоюзных объединений в политической и экономической жизни страны.

Развитие профсоюзного движения в постсоветской России начинает привлекать внимание исследователей уже с середины 1990-х гг. Появляются работы, авторы которых пытаются выяснить причины падения доверия населения к старым профсоюзам, отмечая при этом невысокую степень его доверия и к профсоюзам нового типа¹. Впрочем, в последнем случае они скорее констатируют факт, а не выявляют причины явления.

Труды профсоюзному движению посвятили также ученые, непосредственно в нем

---

¹ Баранов Ю.В., Полянская С.Г. Современный взгляд на систему социального партнерства Российской Федерации // Омский научный вестник, 2012. № 2 (106). С. 71–73; Гришина А.П. Некоторые проблемы профсоюзного движения на современном этапе // Библиотека учебной и научной литературы: сайт. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/grishina_prmov/ (дата обращения: 01.05.2020); Кагарлицкий Б.Ю. Политика профсоюзов и производственные конфликты в России, 90-е гг.: дис. ... канд. полит. наук. М., 1995.

участвовавшие – М.В. Попов², А.В. Бузгалин³, П.М. Кудюкин⁴, которые ограничились, однако, лишь аспектом практической работы современных профсоюзных организаций, оставив в стороне собственно историю их становления и развития в 1990-е – первом десятилетии 2000-х гг.

Некоторые вопросы места профсоюзов в политической системе начала XXI в. были освещены П.С. Каневским⁵. Последний пришел к выводам, что российские профсоюзы, особенно старого образца, имитируют реальную профсоюзную работу, действуя, прежде всего, как бизнес-структуры, а когда профлидеры идут в политику, они думают больше об увеличении своего политического капитала, чем об интересах наемных работников.

При наличии определенного круга работ все вышеотмеченное не позволяет сделать вывод об исчерпанности темы истории российских профсоюзов в конце XX – начале XXI в. Очевидно, что проблематика профсоюзного движения в отмеченный период, тенденции его развития, место, которое занимали профсоюзные организации в экономической и политической жизни страны, требуют дальнейшего изучения. Политическая и экономическая активность различных профсоюзных объединений России на рубеже XX–XXI вв., выявление причин, почему в новой России не появилось сильных, свободных от влияния работодателей профсоюзов является предметом рассмотрения настоящей статьи.

Профсоюзы появились в России давно – с развитием капитализма. Как и в других странах, наемные работники создавали организации для защиты своих интересов перед работодателями-капиталистами. В конце XIX – начале XX в. профсоюзы стали опорой для левых политических движений. Многие профсоюзные активисты являлись видными социал-демократами или анархо-синдикалистами.

В годы советской власти формально отпала необходимость борьбы работников за свои права, поскольку вся собственность в государстве считалась общенародной, а работники считались владельцами всех предприятий. Конечно, фактически это было далеко не так, просто государство стало единым капиталистом, и профсоюзы могли бы продолжать отстаивать основные права трудящихся, но такого рода попытки жестоко пресекались на корню. Казалось бы, советской власти профсоюзы больше были не нужны: от кого же защищать работников, если они же сами есть владельцы предприятия? Тем не менее профсоюзы не были распущены, а наоборот, объединены в гигантскую структуру – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС). Профсоюзы стали

---

² Попов М.В.: 1) Ведение трудового спора за заключение коллективного договора, соглашения. М., 2013; 2) Классовая борьба. СПб., 2018.

³ Бузгалин А.В. Анти-Поппер. Социальное освобождение и его друзья. М., 2015.

⁴ Кудюкин П.М. Если люди не будут бороться за свои трудовые права, то они потеряют и права общедемократические // Историческая экспертиза. 2016. № 2. С. 88–98.

⁵ Каневский П.С. Профсоюзы как элемент политической системы современной России // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 152–168.

рассматриваться как «приводные ремни партии», через них единолично правящая Коммунистическая партия Советского Союза принуждала выполнять свои решения людей, не являющихся членами партии. А членами профсоюзов были почти все работники государственных предприятий⁶.

По сути, долгие годы профсоюзы играли роль касс взаимопомощи. Остальные и главные их задачи (борьба за сокращение рабочей недели, за повышение заработной платы и т. п.) были забыты. Затем у профсоюзов появилась новая задача – выделение и распределение путевок на санаторно-курортное лечение. А в 1960-е гг. через профсоюзы, ранее оперировавшие только членскими взносами работников, потекли потоки государственного финансирования. Дело в том, что 10 марта 1960 г. глава правительства СССР Н.С. Хрущев подписал постановление № 335 «О передаче профсоюзам санаториев и домов отдыха». Это было сделано для удобства управления общенародной (государственной) собственностью. ВЦСПС, по сути, стал социальным министерством, выполнял государственные функции. В итоге наемные работники в нашей стране забыли, для чего нужны профсоюзы, и стали воспринимать их просто социальным отделом предприятия, который выдает материальную помощь, подарки, путевки и оформляет различные пособия.

В 1990 г. Всеобщая конфедерация профсоюзов (ВКП) СССР, ставшая правопреемницей ВЦСПС, объявила находившуюся в ее управлении недвижимость своей собственностью. В августе 1991 г. имущество КПСС было национализировано, но имущество ВКП – нет, несмотря на то, что, как и КПСС, профсоюзы выполняли роль управляющего государственной собственностью. Именно выполнение государственных функций КПСС послужило основанием для национализации ее имущества, в то время как имущество ВКП тронуто не было. Можно предположить, что российская власть в 1991 г. не хотела настраивать против себя довольно сильную, как в то время казалось, организацию, способную призвать своих членов к забастовкам и другим акциям протеста.

17 июля 1992 г. большая часть имущества ВКП на территории России была передана в собственность Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) по договору между ВКП и ФНПР. Всего было передано 2 582 объекта: 678 санаториев (среди них примерно половина санаториев и домов отдыха Кавказских Минеральных Вод); 131 гостиница (в том числе 4 корпуса крупнейшего в Европе комплекса «Измайлово»); 568 стадионов и спорткомплексов (конно-спортивный комплекс «Битца», спорткомплексы «Сокольники» и «Крылья Советов»), полтысячи пионерских лагерей, Дворец профсоюзов в Москве, автобазы и магазины. Независимые эксперты оценивают это в 6–7 млрд долларов⁷.

---

⁶ Побегайлов О.А. История СССР и союзных республик на вершинах власти. 1953–1993: монография. Ростов н/Д., 2006.

⁷ Где собственность профсоюзов? // Аргументы и Факты: сайт. URL: <https://aif.ru/archive/1627120> (дата обращения: 24.04.2020).

Однако ФНПР не единственное в России объединение профсоюзов. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. их было зарегистрировано 13, ФНПР просто оказалось самым крупным.

Другие профобъединения поначалу пытались путем переговоров с российскими властями добиться справедливости в плане перераспределения недвижимого имущества ВКП между всеми профсоюзами пропорционально их численности, либо национализации собственности ВКП и ФНПР⁸. Однако, не добившись этого, в 1997 г. Объединение профсоюзов России СОЦПРОФ подало иск в арбитражный суд Москвы о признании незаконным Договора от 17.07.1992 между ВКП и ФНПР о разделе прав собственности на профсоюзное имущество⁹. Однако суд не стал рассматривать дело по существу и выяснять, возникало ли у ВЦСПС-ВКП право распоряжения переданной в 1960 г. в ведение ВЦСПС недвижимостью, и отказал в иске по формальным основаниям, так как СОЦПРОФ не претендовал на имущество в свою пользу¹⁰. Затем в 2007 г. истек срок приобретательной давности, и право собственности, оказавшейся у ФНПР на бывшую общенародную собственность, перестало оспариваться.

ФНПР оставила себе прибыльные объекты, в основном те, которые располагаются в туристических центрах России (Кавказ, Карелия, Подмосковье). Остальное по большей части было продано. Однако, ни на оказание материальной помощи, ни на удешевление путевок для членов профсоюза деньги не поступили. В ФНПР даже не скрывают, что простые члены не имеют почти ничего от этих богатств. Кстати, две трети членов союзов, входящих в ФНПР, – работники образования¹¹.

Несмотря на то, что бывшая общенародная собственность не была изъята у ВКП и ФНПР, в 1990-е годы российская федеральная власть, по крайней мере, на словах, старалась создать равноправные условия для функционирования различных профсоюзов. Так, в 1995 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин отклонил закон «О профсоюзах, их правах и гарантиях деятельности»¹². Этот закон был подготовлен левым большинством Государственной думы РФ и пролоббирован функционерами ФНПР. В случае его принятия в отклоненной редакции малочисленные профсоюзы на предприятиях не имели бы никаких прав, работодатель имел бы право вести переговоры и заключать договор только с наиболее крупным профсоюзом. Значит, профсоюзы, входящие в ФНПР, оказывались бы в заведомо привилегированном положении по сравнению с другими профсоюзами. Декларируя равенство различных профсоюзных объединений в законах и указах,

⁸ Тамбовский В. Профсоюзная помойка // Солидарность. [М.], 1995. № 12 (109). С. 12.

⁹ Храмов С.В. Андруша Штирлиц // Рабочая сила. [М.], 1997. № 6 (30). С. 4.

¹⁰ Самойлова Н. Профсоюзы не поделили собственность // Коммерсантъ. [М.], 1997. 29 мая.

¹¹ Бородин У.Ш. К учителям России // Рабочая сила. [М.], 2004. № 2 (68). С. 2.

¹² Атаманов А. Профсоюзы против ветократии // Солидарность. [М.], 1995. № 11 (108). С. 2.

российская власть тем не менее не стала уравнивать их в имущественных правах, оставив полученную от ВКП недвижимость в собственности ФНПР¹³.

Другие профобъединения, которые называли себя свободными профсоюзами, то есть свободными от участия в них работодателя, с середины 1990-х годов стали вести работу по созданию единого альтернативного ФНПР объединения¹⁴. Так, 12 апреля 1995 г. была учреждена Конфедерация труда России (КТР). В создании КТР принимали участие Российский профсоюз докеров, Федерация профсоюзов авиадиспетчеров (ФПАД), Ассоциация летного состава, Российский профсоюз локомотивных бригад железнодорожников, Независимый профсоюз горняков России (НПГР), Российский профсоюз моряков, Объединение профсоюзов России СОЦПРОФ и другие. В дальнейшем к КТР присоединился ряд других профсоюзов. Однако СОЦПРОФ откололся от КТР еще перед учредительной конференцией, а НПГР вышел из ее состава в июле 1995 г. Они вместе с несколькими отдельными профсоюзами образовали 12 августа 1995 г. Всероссийскую конфедерацию труда (ВКТ). Однако в 2000 г. СОЦПРОФ вышел из ВКТ, и она постепенно стала сближаться с КТР¹⁵. Позже ФПАД покинул КТР и 24 апреля 2004 г. была образована Федерация профсоюзов России (ФПР)¹⁶. Ее основу, кроме ФПАД, составило Межрегиональное объединение рабочих профсоюзов «Защита труда» О.В. Шеина¹⁷. В 2010 г. окончательно было оформлено присоединение ВКТ к КТР на условиях, при которых лидер ВКТ стал во главе КТР. 30 октября того же 2010 г. в состав КТР вошла и Федерация профсоюзов России.

Помимо амбиций лидеров свободных профсоюзов, их объединению препятствовала политическая идеология. Например, «Защита труда» считалась леворадикальной организацией, а профсоюзы «Единство», «Солидарность» и СОЦПРОФ имели репутацию демократических, условно правых объединений.

Подготовка нового Трудового кодекса (ТК), начатая в 2000 г., заставила альтернативные ФНПР объединения существенно сблизиться и выступить единым фронтом против поддержанного ФНПР правительственного законопроекта¹⁸. Депутат Государственной думы РФ от Астраханской области О.В. Шейн в соавторстве с группой ученых и профсоюзных активистов подготовил свой проект кодекса, который в итоге стал единым проектом оппозиции, победив законопроекты КПРФ и другие альтернативные проекты. В проекте Шеина предлагалось усилить роль профсоюзов в разрешении

¹³ Миловидов Ю.Н. Пощадите членов профсоюзов // Рабочая сила. [М.], 2000. № 1 (51). С. 4.

¹⁴ Павлов А.М. Вера в свои силы. К вопросу о судьбе профсоюзов // Искра. [СПб.], 1999. 29 июня.

¹⁵ Талецкий П. Свободные профсоюзы воссоединяются // Рабочая сила. [М.], 2004. № 1 (67). С. 4.

¹⁶ Золотов А. Федерация борцов за процветание России // Народная правда. [СПб.], 2008. № 2 (134).

¹⁷ Кашин О., Сыров С. Классовая борьба // Коммерсантъ. [М.], 2004. 26 апреля.

¹⁸ Миловидов Ю.Н. Профмутация. Получит ли ФНПР орден за построение капитализма в России? // Независимая газета: сайт. URL: http://www.ng.ru/politics/2000-04-19/3_profmutation.html (дата обращения: 24.04.2020).

Сообщения и заметки

трудовых споров (в то время как правительственный вариант ТК ослаблял эту роль по сравнению с нормами действовавшего в то время Кодекса законов о труде), право на труд увязывалось с правом на управление производством, предусматривалась 35-часовая рабочая неделя, предлагалось разрешить забастовки солидарности, ввести обязанность работодателя выплачивать пени работникам в случае задержки выплаты заработной платы, много внимания уделялось заключению и выполнению коллективных договоров. При рейтинговом голосовании в Государственной думе проект Шеина вышел на второе место после правительственного варианта, получив более половины голосов депутатов¹⁹. Двухлетняя жесткая борьба (забастовки, пикетирования, митинги и переговоры на всех уровнях власти) привела к существенным победам: ряд предложений Шеина был внесен в правительственный вариант Трудового кодекса, как, например, премия в первой редакции нового ТК РФ была названа частью заработной платы, установлено право работника в случае задержки заработной платы прекратить работу до выплаты задержанных сумм, определено, что дисциплинарное взыскание можно объявить только в течение месяца с момента, когда был обнаружен проступок работника, но никак не позднее²⁰.

Но основные положения, против которых протестовали свободные профсоюзы, – сильно затрудненный порядок объявления забастовки, фактически приводящий к ее невозможности; возможность увольнения работника за «разглашение коммерческой тайны»; возможность заключения срочных трудовых договоров с работниками ряда профессий (журналистами, работниками вузов, культуры и искусства); недопущение одновременного действия на предприятии двух и более коллективных договоров²¹ и ряд других – остались в окончательном варианте кодекса, принятого в декабре 2001 г. Следует отметить также множество отсылочных норм в действующем с тех пор Трудовом кодексе, иными словами, кодекс имеет во многом рамочный характер, ряд норм регулируется отдельными нормативно-правовыми актами, прежде всего постановлениями Правительства РФ. В то время как вариант Шеина был бы, в основном, законом прямого действия.

12 января 2002 г. представители нескольких свободных профсоюзов, прежде всего объединения рабочих профсоюзов «Защита труда» и СОЦПРОФ, а также Федерации профсоюзов авиадиспетчеров, Российского профсоюза докеров и некоторых других, собрались на учредительный съезд качественно новой политической партии – «Российской партии труда»²².

В 1990-е годы возникало множество партий различного толка, в том числе социал-

---

¹⁹ *Шеин О.В., Храмов С.В.* Правительственный вариант КЗоТ // Рабочая сила. [М.], 2000. № 3 (53). С. 7–8.

²⁰ Выступления участников съезда Российских профсоюзов 6 июня 2001 г. // Рабочая сила. [М.], 2001. № 4 (62). С. 5–8.

²¹ *Кибардина Н.П.* О приватизированном профсоюзе // Рабочая сила. [М.], 2000. № 7 (57). С. 8.

²² *Строенко Н.Н.* Учреждена Российская партия Труда // Рабочая сила. [М.], 2002. № 1-3 (65). С. 1.

демократические партии и объединения, заявлявшие о выражении интересов рабочих и других простых трудящихся, но это были организации, создававшиеся сверху различными интеллектуалами или просто политиками-популистами, решившими поиграть на левом фланге российской политики. Впервые в российской истории партию решили создать профсоюзные активисты – участники свободных от работодателя профсоюзов. Многие из них имели 10–15 лет опыта борьбы за трудовые права работников предприятий, в том числе опыты забастовок, голодовок, жестких переговоров с работодателями, но мало кто имел опыт в политике. Российская партия труда (РПТ) создавалась снизу – людьми, уставшими от многолетней экономической борьбы за свои права, не приводящей к прочному закреплению результатов. Созданная партия воплощала в жизнь тезис Маркса о первичности экономики, о ее приоритете над политикой. В противоположность социал-демократическим партиям 1990-х, которые в буквальном смысле «задумывались» разными мыслителями и видными личностями, РПТ была выстрадана борьбой наемных работников за свои права. Отличала новую партию от других и ее программа, умещавшаяся на одном листе бумаги. Программа РПТ легко воспринималась простыми тружениками, ее вообще *хотелось* читать, в отличие от программ других политических партий, написанных витиеватым языком на десятках страниц.

В то время автор настоящей статьи был не только сторонним наблюдателем, но и непосредственным участником событий. Вспоминается, что когда я увидел делегатов съезда – шахтеров с мозолистыми руками, учителей в стареньких платьях, авиадиспетчеров в потертых пиджаках, то меня охватило чувство огромной радости. Создавалось впечатление, что люди труда объединились надолго, они всерьез восприняли перефразированное на съезде председателем РПТ Олегом Шеиным изречение французского мыслителя Шарля Монталамбера: «Если мы не занимаемся политикой, то политика занимается нами»²³, и теперь партия, созданная свободными от работодателя профсоюзами, прочно закрепится в политической жизни России.

Однако амбиции лидеров разных профобъединений, прежде всего лидера СОЦПРОФа С.В. Храмова и лидера «Защиты труда» О.В. Шеина, привели к расколу партии менее чем через 2 года после ее создания. Всего же РПТ просуществовала немногим более 3 лет. Шеин попытался создать свою партию (Партию трудовой солидарности), но из этой затеи ничего не получилось ввиду малочисленности новой партии. Храмов в 2005 г. убедил активистов РПТ в необходимости предоставить партию в качестве площадки для образования крупной левой партии, в которую планировали вступить представители нескольких левых и патриотических партий и общественных организаций²⁴. В результате РПТ была переименована в «Патриоты России», которая до сих пор остается в политической жизни страны. А фракции «Патриотов России» в законодательных органах

---

²³ Шеин О.В. Партия труда – партия трудовой солидарности // Народная правда. [СПб.], 2002. № 1.

²⁴ Сперанский А. Два мира – два профсоюза // Рабочая сила. [М.], 2005. № 1 (70). С. 9.

Сообщения и заметки

Калининградской и Владимирской областей и на сегодняшний день представлены активистами СОЦПРОФа.

В ноябре 2002 г. было образовано общероссийское объединение профсоюзов «Российское объединение социальных технологий» (РОСТ). Его президент Д.А. Семенов, работавший ранее в СОЦПРОФе, разработал методику помощи малым и средним предприятиям, заключающуюся в том, что после проведения аттестации рабочих мест предприятие заказывало у профцентра экспертизу. Профсоюзные эксперты РОСТа, основываясь на выводах аттестации рабочих мест, признавали условия труда на предприятии вредными и рекомендовали выплачивать работникам компенсационные выплаты за работу в таких условиях. Привлекательность методики состояла в том, что компенсационные выплаты в 2000-е гг. освобождались как от налога на доходы физических лиц (НДФЛ), так и от единого социального налога (ЕСН), аккумулировавшего поступления в Пенсионный фонд, Фонд социального страхования (ФСС) и фонды обязательного медицинского страхования (ОМС). Использование компенсаций в качестве части оплаты труда позволяло существенно поднимать зарплату, а также улучшать условия труда, законно экономя на налогах. СОЦПРОФ также стал активно использовать данную методику.

Однако с 1 января 2010 г. вступил в силу федеральный закон от 24.07.2009 № 212 ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», отменивший ЕСН и вернувший отдельные взносы в указанные фонды. Данный закон отменил льготы по большинству компенсационных выплат, в том числе за вредные условия труда. Представители ФНПР в Государственной думе, входящие во фракцию «Единая Россия», поддержали принятие данного закона, поскольку это наносило удар не только по малому бизнесу, который не является опорой ФНПР, но и по профсоюзным объединениям, оказывавшим предприятиям услуги по экспертизе труда. Следствием стало дальнейшее ослабление многих свободных профсоюзов, так как предприятия перестали быть заинтересованы в их экспертизе. Отмену единого социального налога и возврат к системе уплаты «взносов» функционеры ФНПР считали своей двойной победой, так как при введении данного налога в 2000 г. горячо протестовали против этого, поскольку до введения налога ФНПР сохраняла контроль над многими финансовыми потоками Фонда социального страхования²⁵. С 2010 г. ФНПР не вернула себе эти потоки, но был нанесен удар по конкурентам ФНПР – другим профобъединениям.

В 2010 г., когда почти все условно левые и условно центристские профсоюзы объединились в одно профобъединение – Конфедерацию труда России, на условно правом фланге профсоюзов шли процессы другого рода. 20 сентября 2010 г. был

---

²⁵ Семенов Д.А. О едином социальном налоге // Рабочая сила. [М.], 2000. № 5 (55). С. 3.

образован Союз профсоюзов России (СПР), в который вошли десять региональных организаций СОЦПРОФа (в том числе такие крупные, как Московская и Владимирская), НПГР и еще 30 других профсоюзов. Дело в том, что в феврале 2008 г. произошла смена руководства СОЦПРОФа. Вместо С.В. Храмова во главе этого профобъединения стал С.А. Вострецов. Штаб-квартира СОЦПРОФа была перенесена из Москвы в Санкт-Петербург. Затем в течение двух лет активисты СОЦПРОФа вели работу по объединению всех свободных профсоюзов в одно объединение вокруг СОЦПРОФа. Но это, по понятным причинам, не удалось. Кроме того, внутренние противоречия в СОЦПРОФе настолько обострились, что привели к фактическому выходу из него десяти региональных организаций. Но вливаться в КТР на третьестепенных ролях они тоже не захотели и создали со своим давним союзником – НПГР – новый профцентр – СПР.

Центральная организация СОЦПРОФа, опиравшаяся в основном на Санкт-Петербургское и Оренбургское региональные объединения, маргинализировалась и стала во всем поддерживать политику правящей в РФ партии – «Единой России». Политика центрального СОЦПРОФа перестала отличаться от политики ФНПР. Разница между ними с 2010 г. по настоящее время заключается только в политических амбициях персоналий. Понятно, что функционерам ФНПР новый амбициозный профлидер Вострецов был не нужен.

После снижения по инициативе Президента РФ Д.А. Медведева требований к численности политических партий до 500 чел., и появления возможности создания карликовых партий, Вострецов поспешил такую партию создать. В 2012 г. он стал руководителем собственной «Трудовой партии России», которая представляла собой пародию на существовавшую в первой половине 2000-х гг. Российскую партию труда. Понятно, что такая партия не могла иметь успеха ни на каких выборах, но основной своей цели Вострецов добился – он стал депутатом Государственной думы РФ от «Единой России». Входя в одну фракцию с лидерами ФНПР, он полностью поддерживает действия федеральной власти России, в том числе безоговорочно поддержал повышение пенсионного возраста.

Лидеры СПР (включая бывшего руководителя СОЦПРОФа С.В. Храмова) и КТР выступили категорически против изменения пенсионного законодательства в части возраста выхода на пенсию. Однако единого альтернативного ФНПР профобъединения в 2010-е гг. создать так и не удалось. И дело, конечно, не в условной «левизне» КТР и «правизне» СПР. Виной разобщенности свободных профсоюзов в 2010-е годы, как и в 1990-е, и в 2000-е, остаются амбиции их руководителей²⁶. Никто не хочет уступать лидерских позиций.

Таким образом, в рассматриваемый период в России по ряду причин не появилось сильных свободных от влияния работодателей профсоюзов. Во-первых, это было

---

²⁶ Ковалев С.А. ФПР – объединение активных профсоюзов // Народная правда. [СПб.], 2008. № 2 (134).

Сообщения и заметки

следствием экономической слабости свободных профсоюзов по сравнению с ФНПР, имеющей громадную собственность. Seriously сказались и амбиции лидеров различных профорганизаций. Наконец, самая главная, на наш взгляд, причина – это неправильное понимание задач профсоюза самими наемными работниками, которые в большинстве своем до сих пор считают, что функция профсоюза – «давать путевки и подарки».

Цымбалова Анна Евгеньевна

кандидат политических наук

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского*

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ РАЗРАБОТКИ И ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМ МОНИТОРИНГА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Необходимость создания системы этнополитического мониторинга в России стала очевидной с 1990-х гг. Сложная внутривнутриполитическая ситуация, этноконфессиональные противоречия, нарастающие в союзных республиках, требовали пристального внимания и контроля со стороны политического руководства страны. Во второй половине 1990-х гг. в Министерстве РФ по делам национальностей был создан отдел информационного мониторинга, но просуществовал он всего полтора года. В конце того же десятилетия были сделаны попытки создания автоматизированного мониторинга межнациональных отношений в структурах Минобороны, а затем в структуре МВД РФ¹.

Однако первой крупномасштабной разработкой, действующей и сейчас, стало создание «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов» (далее – Сеть), организованной Институтом этнологии и антропологии РАН под руководством В.А. Тишкова. С 1993 г. формировалась база данных мониторинга, разрабатывалась единая исследовательская методика с оригинальными индикаторами выявления конфликтности, которая была адаптирована под анализ ситуаций в бывших республиках СССР. В 1999 г. Минюстом России была зарегистрирована Региональная общественная организация «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов».

Как позднее писал академик Валерий Тишков: «Регистраторам само слово "сеть" не нравилось и пришлось принимать предложенную ими довольно неуклюжую формулировку и существовать с ней по сегодняшний день. Тем не менее в научном мире утвердилось название "Сеть этнологического мониторинга", а также ее английская

---

¹ *Тишков В.А., Степанов В.В.* Об этнологическом мониторинге в России // Научно-практическое сопровождение мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Российской Федерации и регионах. Казань, 2014. С. 12.

аббревиатура EAWARN, которую я придумал как производную от словосочетания *earlywarning* (раннее предупреждение)².

Направления деятельности Сети были довольно разнообразными: выпуск бюллетеней Сети, публикация ежегодных докладов, регулярных отчетов и аналитических статей; разработка модели этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов; изучение международного опыта и сбор новых данных по анализу конфликтов посредством проведения ежегодных семинаров; консультации со специалистами с целью обмена аналитическими данными и их распространением; подготовка программ в сфере национальной политики.

Интересно отметить, что Сеть начала активно действовать еще до официальной регистрации, например, почти сразу после появления Сети стал выходить Бюллетень, и в первых выпусках публиковались главным образом экспертные оценки ситуаций в сфере межнациональных отношений в разных регионах бывшего Советского Союза³. Помимо выявления рисков, было решено мониторить и позитивные практики, а также обращать внимание на проблему восприятия результатов мониторинга не только на федеральном, но и на региональных уровнях⁴.

Впервые модель раннего предупреждения конфликтов, предложенная Валерием Тишковым, обсуждалась ее участниками на семинаре в октябре 1995 г. Изначально эксперты предполагали использовать в адаптированном виде индикаторы, которые применяла аналитическая служба Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Но этот перечень оказался излишне обширным и специфичным, поскольку был составлен для мониторинга миграционных ситуаций в мире.

По этой причине индикаторы были пересмотрены и адаптированы под российские реалии. В итоге экспертами составлялась матрица, базовыми параметрами которой были:

1) категории (среда и ресурсы, демография и миграции, власть, государство и политика, экономика и социальная сфера и т. д.) – основные сферы общественной жизни, не имеющие внутренней иерархии, их значимость зависела от конкретной ситуации;

2) индикаторы по каждой категории (производство и динамика цен, уровень и расхождение доходов, занятость и безработица и т. д.) – основные показатели возможной причины обострения ситуации и возможности конфликта. Абсолютные значения необходимы для многих индикаторов только при составлении исходной ситуации (паспорта ситуации), но сам индикатор замеряет изменения по числовой шкале от 2 до –2

---

² Тишков В.А. Что и зачем мониторить в многоэтничной стране // Научно-практическое сопровождение мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Российской Федерации и регионах. С. 3.

³ Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, №7, 1995 // Сайт «ValeryTishkov.ru». URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/ot_monitor.html (дата обращения: 03.04.20).

⁴ Тишков В.А. Что и зачем мониторить в многоэтничной стране. С. 6.

для отражения направленности изменения (2, 1 – улучшение ситуации; 0 – сохранение статус-кво; –1, –2 – ухудшение ситуации).

Не все индикаторы обязательны для заполнения. Оценки носят экспертный характер, хотя могут быть в ряде случаев основаны на точной эмпирической информации. Также подразумевается наличие комментария от эксперта, который содержит краткое объяснение изменений и мотивы оценки⁵.

Как впоследствии отметил доктор исторических наук, директор НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета В.В. Амелин, «значение создания Сети в сложные постсоветские годы трудно переоценить. Это был первый проект в международной практике, осуществляющий этнополитический мониторинг на постсоветском пространстве»⁶.

Территориальный охват Сети был действительно широк и регулярно рассматривались показатели конфликтности в государствах СНГ и странах Балтии, лишь в последние годы акцент стал смещаться на регионы России. Академик Тишков объясняет данную тенденцию тем, что «давние соратники в ряде стран СНГ и Балтии остаются нашими друзьями-коллегами, участвуют в некоторых семинарах, но условия, на которых Сеть этнологического мониторинга получает поддержку, не позволяют привлекать к экспертной работе зарубежных аналитиков»⁷.

Несмотря на признание необходимости существования и дальнейшего развития подобной Сети, в 1990-е гг. президенту Б. Ельцину поступила записка об опасности сбора в России в рамках международных проектов «информации двойного назначения», в которой упоминалась, наряду с некоторыми масштабными социологическими обследованиями, и Сеть этнологического мониторинга. Как вспоминал Валерий Тишков, «сами по себе индикаторы в сфере межэтнических отношений вызвали настороженное отношение чиновников, а также и некоторую зависть экспертов из смежных исследовательских сфер (социологов, политологов, конфликтологов)»⁸. После этого случая Сеть была взята под защиту как важный российский проект, объединяющий к тому же ряд стран бывшего СССР, но само происшествие на долгие годы бросило тень на деятельность Сети. После чего также было принято решение отказаться от практики обращения за внешними источниками финансирования, которая и так не была довольно частой⁹.

---

⁵ Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, №7, 1995.

⁶ Амелин В. О сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов // Сайт «ValeryTishkov.ru». URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya/_set_etnolo1/v-amelin-o-seti/o_seti_etn.html (дата обращения: 03.04.20).

⁷ Тишков В.А. Четверть века российскому этнологическому мониторингу // Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов. М., 2018. С. 7.

⁸ Его же. Что и зачем мониторить в многоэтничной стране. С. 5.

⁹ Там же.

С момента создания в 1993 г. Сеть постепенно трансформировалась, например, несколько поменялись приоритеты исследований. В начале 1990-х гг. масштабные постсоветские миграции воспринимались как восстановление некоей исторической справедливости, воссоединение со «своим народом», или уход от неурядиц в пользу более благополучных жизненных условий. Однако на практике эти процессы оказались гораздо более сложными и спровоцировали целый ряд конфликтов по причине отторжения чужаков принимающими сообществами. В итоге больше внимания стало уделяться проблеме миграции в целом, и в особенности вопросам адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество.

Что касается факторов, которые с точки зрения разработчиков системы могли непосредственно повлиять на рост межэтнической напряженности, изначально основное внимание обращалось на природную среду, ресурсы и экономику. Позднее этот акцент сместился на культурную и конфессиональную составляющую, а именно на то, каким образом приверженцы тех или иных религиозных взглядов становятся более радикальными и начинают прибегать к насилию¹⁰.

Произошли определенные изменения и во взаимодействии экспертов Сети с властными структурами. На протяжении долгого времени Бюллетень Сети рассылался работникам федеральных и региональных органов власти России, политикам и специалистам других государств СНГ и стран Балтии, ведущим аналитическим центрам. Однако, как отмечают исследователи Сети, регулярной обратной связи, а тем более какого-либо «заказа» со стороны государственных структур или международных организаций они фактически не получали, за исключением рекомендации Администрации Президента РФ в адрес полномочных представителей в федеральных округах использовать продукцию Сети в системе государственного информационного обеспечения¹¹.

В последние годы наблюдается более активная вовлеченность экспертного сообщества в управленческие процессы, вплоть до того, что происходит своеобразный мониторинг системы и эффективности государственного управления и роли институтов гражданского общества в сфере межэтнических отношений и реализации государственной национальной политики. Таким образом, властные органы получают дополнительную обратную связь от экспертного сообщества, что должно способствовать осуществлению более грамотных и продуманных действий в этой сфере¹².

Сама модель работы Сети изначально основывалась на идее о том, что эксперт,

---

¹⁰ Тишков В.А. Четверть века российскому этнологическому мониторингу. С. 5.

¹¹ Цымбалова А.Е. Особенности мониторинга этнополитической ситуации в Российской Федерации // Сборник по итогам международной научно-практической конференции «Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики». Нижний Новгород, 2017. С. 104.

¹² Тишков В.А. Четверть века российскому этнологическому мониторингу. С. 7.

непосредственно проживающий на территории региона, в котором он осуществляет мониторинг, лучше осведомлен о текущей ситуации и сможет дать наиболее грамотную и эффективную оценку. Однако сама система балльных оценок имеет определенные сложности в применении. Во-первых, в отличие от методики замера интенсивности сообщений в СМИ, здесь ключевая роль принадлежит эксперту, и именно его оценки лежат в основе анализа. Отсутствие проверочных процедур и параллельных оценок (а это во многом связано с финансовыми затратами на производство мониторинга) делают высокой степень субъективных суждений и в значительной степени зависят от наличия или отсутствия у эксперта полноты информации. Тем более, что имеются случаи, когда эксперт перестает проживать в регионе мониторинга, но сохраняет за собой право оценивать ситуацию¹³.

Тем не менее на протяжении долгого времени других вариантов перевести качественные показатели в количественные не существовало. Потребность в разработке новой системы была связана не только со сложностью оценки индикаторов, но с увеличением информационных потоков и развитием информационных технологий. Необходимость прибегать к автоматизированной обработке информации была вызвана и тем, что в СМИ и Интернете все чаще стали появляться сообщения, провоцирующие национализм, ксенофобию и другие формы нетерпимости. Кроме того, возросла потребность привлекать различные источники информации, активно задействовать разнообразные статистические данные и результаты социологических исследований.

В 2010 г. Министерством регионального развития РФ был проведен тендер на разработку автоматизированной программы «Мониторинг и оценка уровня общегражданской идентичности и межэтнической толерантности в регионах России». Были попытки организации государственных форм мониторинга на уровне отдельных субъектов федерации (Ростовская область, Краснодарский край), но все они большого успеха не имели¹⁴.

В соответствии с поручением Президента Российской Федерации в 2012 г. был создан Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем (РНЦ). Он начал свою аналитическую деятельность с опорой на ведущие федеральные университеты в Южном, Северо-Кавказском и Приволжском федеральных округах, а также Институт этнологии и антропологии Российской академии наук. Параллельно привлекались и эксперты из Сети, что позволяло осуществлять исследования на той же самой методологической основе¹⁵. Основной задачей РНЦ является реализация актуальных и приоритетных исследований прикладного значения, которые содействуют

---

¹³ Тишков В.А., Степанов В.В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году. С. 17.

¹⁴ Их же. Об этнологическом мониторинге в России. С. 12.

¹⁵ Тишков В.А. Четверть века российскому этнологическому мониторингу. С. 7.

более эффективной работе органов государственной власти и управления, предупреждению и разрешению межэтнической напряженности и конфликтов. По этой причине мониторинг занимает в деятельности РНЦ одно из ключевых мест¹⁶. Кроме того, такое сотрудничество позволило дополнить программу мониторинга социологическими опросами и более детально анализировать ситуацию¹⁷.

В 2014 г. В.А. Тишков заявил, что Сеть этнологического мониторинга трансформируется в Распределенный научный центр или же в научную сопровождающую структуру федерального Центра этнологического мониторинга, который должен быть создан по решению президента. Ранее сообщалось, что Сеть будет закрыта, но академик отметил, что распускать такое уникальное сообщество ученых и экспертов было бы жалко¹⁸.

В том же году РНЦ совместно с Сетью этнологического мониторинга были выполнены специальные прикладные исследования. На практике Сеть и РНЦ стали действовать как единое целое, охватив Северо-Кавказский, Южный, Приволжский федеральные округа, с 2015 г. к ним присоединился еще и Крымский федеральный округ¹⁹, а с 2018 г. – Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. Как заметил Валерий Тишков, несмотря на тесное сотрудничество этого сетевого сообщества ученых, университеты работают в рамках строгих бюрократических и финансовых требований, но пока удается решать эти вопросы благодаря системе государственных заданий, исходящих от федерального Министерства науки и образования вместе со скромным финансовым обеспечением²⁰.

В 2015 г. было учреждено Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН), которое в качестве одной из приоритетных задач определило создание Системы мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений. На момент разработки данной системы В.А. Тишков довольно скептически отозвался о политике, сопровождающей ее разработку и внедрение, так как в решении межэтнических и конфессиональных проблем нужна большая степень открытости, прямое

---

¹⁶ Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за первое полугодие 2015 г. М.; Оренбург, 2015 С. 5.

¹⁷ Мухаметшина Н.С. Методологические основания регионализации мониторинга межэтнических отношений // Этнологический мониторинг: разработка фундаментальных подходов этнополитического мониторинга для оптимизации межнациональных отношений и предотвращения конфликтов в России. М., 2017. С. 20.

¹⁸ Сеть этнологического мониторинга EAWARN передумала закрываться // Национальный акцент: сайт. URL: <https://nazaccent.ru/content/11250-set-etnologicheskogo-monitoringa-eawarn-prosushestvuet-eshe.html> (дата обращения: 23.03.20).

¹⁹ Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. Т. 1. С. 8.

²⁰ Тишков В.А. Четверть века российскому этнологическому мониторингу. С. 7.

сотрудничество с местными экспертами и поиск взаимоприемлемых решений. Именно на этих ценностях и строилась Сеть этнологического мониторинга. В то время как система доносительства, накопления недоверия и карательного воздействия, а также обсуждение проблемы мониторинга в полузакрытом режиме, по его мнению, категорически противопоказано для сложной сферы этноконфессиональных отношений²¹.

Информации о результатах внедрения новой Системы мониторинга в открытом доступе довольно мало. Для реализации мониторинга ФАДН предлагает региональным операторам в постоянном режиме собирать, систематизировать и анализировать информацию в СМИ, на интернет-сайтах, а также сообщения пользователей социальных сетей. Предполагается, что эти данные будут поступать в ситуационный центр и там обрабатываться²². В докладе о реализации плана деятельности ФАДН за 2018 год, говорится, что система оценивает каждое сообщение по семи признакам: национальный, религиозный, эмоциональный, признак полноты, токсичности, негатива и конфликтности.

Весной 2016 г. ФАДН приступило к реализации новой системы социологического мониторинга этноконфессиональных отношений, предполагающей организацию непрерывных наблюдений, сбора и анализа данных по научно обоснованным критериям, показателям и индикаторам, для оперативной оценки ситуации в сфере этноконфессиональных отношений на территории каждого субъекта федерации, федерального округа и страны в целом²³. С этой целью в рамках развития и доработки Системы мониторинга была создана многофункциональная подсистема, позволяющая создавать социологические опросы практически любой степени сложности удобным графическим конструктором. Эта подсистема была создана для работы с внешними экспертами, которые также могут пользоваться личными кабинетами с предусмотренными там инструментами обратной связи для оперативного реагирования на изменение ситуации²⁴.

Можно сделать вывод, что на настоящий момент основная деятельность по реализации мониторинга в сфере этноконфессиональных отношений осуществляется ФАДН и сетевым сообществом ученых в рамках тесного сотрудничества РНЦ и Сети этнологического мониторинга с опорой на Институт этнологии и антропологии РАН. При этом автоматизированная Система межнационального мониторинга сконцентрирована

---

²¹ Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Т. 1. С. 9.

²² Контроль за соцсетями поручили структуре минкульта // Коммерсантъ: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3134539> (дата обращения: 23.03.20).

²³ Хайкин С.Р., Бережкова С.Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 101.

²⁴ Доклад о реализации плана деятельности Федерального агентства по делам национальностей за 2018 год. URL: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/029/934/original/доклад_о_выполнении_плана_за_2018_год.pdf?1553760938 (дата обращения: 03.04.20).

Сообщения и заметки

в основном на обработке больших массивов данных и наиболее удачно приспособлена для мониторинга в сети Интернет, речь идет о мониторинге аккаунтов в соцсетях, электронных СМИ, блогов, мессенджеров и т. д.²⁵. Основной акцент делается на быстром и эффективном выявлении конфликтной ситуации и незамедлительном реагировании на нее. Научное сообщество продолжает пользоваться наработками Сети как в методологическом плане, так и солидной фактологической базой, накопленной с 1990-х гг. Публикации РНЦ носят открытый характер, в то время как о специфике деятельности новой автоматизированной Системы подробная информация не разглашается. Вопросы о том, насколько новая Система эффективна, в каком виде она будет дальше существовать и как трансформироваться, обсуждаются сейчас в высших правительственных кругах.

---

²⁵ Белуза А. В России расширяют мониторинг конфликтов на этнической почве // Российская газета: сайт. URL: <https://rg.ru/2019/03/07/v-rossii-rasshiriaiut-monitoring-konfliktov-na-etnicheskoj-pochve.html> (дата обращения: 05.04.20).

Я.Б. Шумяцкий. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОВИНЦИЯ. (ЗАПИСКИ ПРОЛЕТАРИЯ)

Публикация подготовлена:

Гнётова Людмила Александровна, Самарская областная универсальная научная библиотека

Яков Борисович Шумяцкий (1887–1962) – российский государственный и партийный деятель. Старший сын отца-портного. По сложившейся семейной традиции должен был продолжить дело отца и в 13 лет поступил в ремесленную портновскую мастерскую подмастерьем. Тяжелая доля подмастерья подтолкнула его к борьбе за справедливость, что и привело его к революционной деятельности. Был активным участником Революции 1905 года, членом Бунда (еврейской социалистической партии, действовавшей в Восточной Европе с 90-х годов XIX в. – до 40-х годов XX в.). Через несколько лет (в 1908 г.) стал членом партии большевиков. После Октябрьской революции был председателем Исполнительного комитета Иркутского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов, редактором газеты «Власть труда», делегатом X и XI съездов РКП(б). Несмотря на свое революционное прошлое, в 1938 г. был репрессирован и сослан в село Мотыгино Мотыгинского района Красноярского края. После ссылки вернулся в Москву. Реабилитирован в 1954 г. и восстановлен в партии. Автор ряда историко-мемуарных работ.

Мы публикуем книгу Я.Б. Шумяцкого «Революционная провинция. (Записки пролетария)» вышедшую в серии «Воспоминания старого большевика»¹.

Это книга о становлении революционного движения в провинции. В ней поднимаются животрепещущие вопросы того времени: экономические и политические, национальный еврейский вопрос.

Подробно описываются три крупных еврейских погрома, пережитых автором, создание рабочих организаций, борьба по вопросам охраны труда...

Став членом Гомельской организации Бунда, Шумяцкий активно участвует в Одесской забастовке портных, ведет агитационно-пропагандистскую работу среди еврейских рабочих, занимается организацией революционных ячеек в деревне...

Воспоминания Шумяцкого публикуются с сохранением стилистических особенностей.

---

¹ Шумяцкий Я.Б. Революционная провинция. (Записки пролетария). [М.]: Новая Москва, 1926. 84 с. (Отдел книгохранения ГБУК «СОУНБ». Инвентарный номер: 54416).

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОВИНЦИЯ. (Записки пролетария)

1. Погром и пробуждение детского сознания

Мои первые детские впечатления связаны с катастрофой, разразившейся в нашем захолустном городе² в 1892 г.

Это был канун Судного Дня (Ем Кипур).

Шестилетним мальчиком я отправился с отцом в баню.

По традиции, установленной в «черте оседлости»³, евреи в этот день считали своим долгом совершить «омовение» от грехов, накопившихся в течение года, чтобы чистыми предстать перед своим повелителем, возвести свои «очи горе» в торжественной обстановке синагоги.

Хотя мое греховное бремя было уж не столь велико, но, тем не менее, перспектива плескания в бассейне, наполненном водой, помутневшей от множества грешных тел, мне чрезвычайно улыбалась, и я, что называется, вперед батьки полез в пекло.

Не успел я, однако, толком побарахтаться в замечательной «микве»⁴, как по ступенькам лестницы спустился отец и, схватив меня на руки, мигом вылетел из бассейнового помещения.

Одновременно в предбаннике началась невероятная давка и толкотня. Люди хватали чужую одежду и наскоро одевались.

Треск оконных стекол заглушал крики и стоны людей, охваченных смертельным ужасом.

Страшное, но непонятное для меня слово «погром», звучавшее одинаково на обоих языках, исказило лица обезумевших людей. Я не узнал своего собственного отца, трясущегося как в лихорадке.

Инстинктивно прижавшись к нему, я не смел даже громко заплакать.

Выбравшись из бани гуськом, люди боялись выходить со двора. Перебирались через заборы, перескакивали через крыши, прятались на несколько минут во рвах и чутко прислушивались к бушеванию оголтелой пьяной толпы.

Разбивались лавки, ларьки, трещали окна, где-то слышались придушенные крики и лихой свист. В душу на всю жизнь врезывается фраза, лишенная для меня тогда всякого

² Речь идет о г. Стародубе Черниговской губернии (ныне – территория Украины).

³ «Чертой оседлости» при царском строе назывались места, где евреям разрешалось жить. По преимуществу это были северо-западные губернии (нынешняя Белоруссия), часть Украины и Польши. Что касается центральных губерний, а также Урала, Сибири и промышленного Юга, Кубани и Кавказа, то в этих областях евреи могли жить только с особого разрешения правительства. Правожительство выдавалось только купцам 1-й гильдии, либо цеховым мастерам и лицам с высшим образованием. (Примеч. авт.).

⁴ В еврейских банях – бассейн, наполненный водой. (Примеч. авт.).

смысла: «Одну субботу дал вам Моисей, другую даст вам Тимофей». «Бей жидов. Они Христа распяли».

Пробегая мимо винного подвала, я видел, как люди в опорках отбивают о стены домов горлышки бутылок с вином и горланят: «За здоровье батьки Тимофея».

Не помню, какими путями, но отец дотащил меня домой.

Мы жили на Базарной площади. Толпа под предводительством известного босяка Николая Шаройки еще сюда не добралась, она громит пока боковые улицы и так называемый ранний базар.

Но велик ли город Стародуб? Толпа скоро подберется и сюда. Вот она уже хозяйничает в соседнем дворе еврея Голубовского и Либермана.

Высовывая голову в окно, я вижу как бы снег, падающий откуда-то сверху.

– Что это? – спрашиваю я подмастерья, работавшего вместе с отцом в портновской мастерской дедушки.

– Это, Яшенька, пух и перья из подушек, – отвечает Залман.

Гаснут свечи, зажженные мамой по случаю торжества. Мать плачет.

В темноте мне чудится, что страшный Израильский бог карает камнями и снегом в летний день.

Крепкий дядя этот Залман. Он тут же меня поднимает в охапку и куда-то бежит.

Вижу, – мать и дедушка перебираются через забор, за ними отец с маленькой сестренкой на руках.

А Залман, взобравшись наверх за отцом, ничтоже сумняшеся, бросает меня через забор, и я падаю в руки отца.

Ночь... Зарево пожара охватывает полгорода. Гиканье толпы, шум и свист, топот несущихся коней... Опять придавленные крики...

Так началась моя жизнь – жизнь пролетария «черты оседлости».

Картина погрома оставила в моей детской душе неизгладимое впечатление. Он казался мне каким-то таинственным сфинксом, требующим разгадки.

Однако, уже спустя 2–3 года, приблизительно в 1895–1896 гг., я начал понимать, в чем тут дело.

Первый, кто объяснил мне всю эту историю, отчасти успокоив мою бредовую детскую мысль, был мой старший товарищ однокашник Алтер Беленький «Кенич»⁵, как мы его называли.

В чем же был смысл этого погрома?

---

⁵ «Кенич» – Беленький, окончив школу и побывав в Одессе, приехал к нам наборщиком в Стародуб. От него не один стародубчанин научился уму-разуму. Беленький затем уехал в Петербург и здесь, участвуя в революционном движении, погиб 9 января 1905 года. (Примеч. авт.).

Ларчик этого погрома столь же просто открывался, как и пружина всей последующей погромной политики по отношению не к одним только евреям, но и к армянам, полякам и т. д.

В погроме 1892 г. основой была экономика, мать всякой «политики». Все дело в том, что стародубские купцы, возглавляемые Тимофеем Гладковым и Тепляковым, неоднократно предлагали еврейским лавочникам (своим конкурентам) Либерману, Якобсону и другим не торговать в воскресенье, когда русские лавки закрыты. Не менее Гладкова жадные еврейские купцы этому подчиняться не хотели, тем более что в воскресенье собирались крестьяне окрестных деревень, и евреи торговали неплохо. Они предпочитали закрывать свои лавки в субботу.

Гладков пригрозил погромом. Для этой цели он перепоил всех золотородцев во главе с Николаем Шаройко, обещал им богатый куш и при благосклонном нейтралитете полиции «задал пир на весь мир».

Из 60 окрестных деревень приехали громилы-кулаки на фургонах и 1½ дня хозяйничали: жгли, убивали и грабили.

Черниговский губернатор Анастасьев пробовал затем устроить комедию суда над «нарушителями порядка». Для виду были засажены в тюрьму Гладковы и Тепляковы, но в действительности оказалось, что к «субботе Моисея» в Стародубе прибавилась «суббота Тимофея»: по воскресеньям торговать перестали.

Киевская Судебная палата, разбиравшая дело Стародубского погрома, ограничилась тем, что оштрафовала босяка Н. Шаройку на 30 000 руб. и потребовала от него уплаты этих денег потерпевшим от погрома.

Шаройко после этой комедии поднялся и спросил у гражданских истцов: «А может, жида что-нибудь уступят?»

На другой день он уже был в харчевке «Кувалда» и «стрелял» на табак и водку.

Город сильнее начал нищенствовать, несмотря на благотворительство богатых американских и других евреев.

Буржуазные сионисты не так понимали причины погрома. Помню, в нашем городе они доказывали, что неевреи «гои» – врожденные антисемиты. Никогда, говорили сионистские проповедники, русские не смогут ужиться вместе с евреями, каков бы ни был политический порядок в России и ее социальный уклад. В доказательство они приводили именно погром в Стародубе, якобы порожденный не правительством и не буржуазией, а ненавистью русского народа к евреям, ненавистью, будто бы вскормленной, которой суждено жить во веки веков.

Из этого сионисты делали тот вывод, что нужно евреям убраться в Палестину: рабочему ли, буржую ли, все равно, нужно убраться в «страну отцов», ибо во веки веков, доколе будет жива еврейская нация, род человеческий ее будет ненавидеть...

«Вот, смотрите, – говорили они, – в Стародубе погром 1892 г. Что же, и тут самодержавие? Ничего подобного! Это русский народ. Так торопитесь же!»

2. Быт и нравы пошехонской «черты»

К началу 1900-х годов рана, нанесенная погромом, как будто стала заживать, и город принял обычный провинциальный вид.

Лабазники сидели у своих прилавков, лениво передвигая шашки в дамки. Чиновники брали взятки, мелкие торговцы стригли крестьянский и рабочий люд, а мелкие хозяйчики-кустари – портные, сапожники, кровельщики, слесаря и т. п. эксплуатировали и други своя, и детей своих.

Мещане, что жили на окраинах города, занимались огородничеством и в праздничные дни перепивались допьяна, устраивая лупцовки, скандалы и т. п. Тогда глухие улицы нашего города вдруг превращались в арену борьбы, в плацдарм, на котором «стена шла на стену». Люди от мала до велика испытывали звериные удовольствия в сворачивании скул своему ближнему, и ни малейшего просвета в жизни городка не было и не предвиделось.

Еще хуже текла жизнь на улицах еврейской бедноты. Здесь по традициям десятков и сотен лет обитатели были запуганы своим собственным суеверием, согбены нищетой полудикой жизни в нечистоплотных домишках на курьих ножках. Они изнывали в вечной суете мелкой копеечной торговли, либо старились и гибли безвременно от изнурительного труда в мелком кустарном ремесле.

Погром несколько всколыхнул застоявшееся болото. Наиболее состоятельные двинулись по путям эмиграции в Америку, Англию или даже Палестину, другие правдами и неправдами подкупали чиновников, выдававших «правожителства» вне черты оседлости, третьи путем испытаний при ремесленной управе обзаводились средневековыми документами «цеховых мастеров», дававшими право выезда из «роковой черты», где, по словам еврейского поэта Фруга, было

Столько горя, столько муки, хоть друг друга пожирай.

Не хватит пищи миллионам, как сельди, сдавленных людей.

Но что до этого законам! Ты человек? – Нет, еврей.

Из этой «черты» двигались вглубь центрального промышленного района и здесь постепенно устраивались.

Многие из нашего городка начали приступом брать твердыню науки, куда доступ был открыт немногим счастливым богатеям, умевшим попадать за приличную мзду в «процентную норму»⁶. Большинство же еврейской бедноты, разумеется, по-старому

---

⁶ «Процентная норма» была установлена для еврейских учащихся царским министерством народного просвещения. По этой «норме» в гимназии и др. средние и высшие учебные заведения еврейская молодежь принималась лишь в количестве от 5 до 10% общего числа принятых в названные школы. (Примеч. авт.).

оставалось за бортом науки, мыкая горе. Впрочем, здесь особенно налегали на другую, уже своеобразную науку – на Талмуд⁷ и все премудрости Ветхого завета.

Начиная с 7 до 9 лет, мне пришлось тоже вкушать из этой книги тьмы и невежества. Отец мой, мелкий ремесленник-портной, обремененный многочисленной семьей, не мог мне дать должного воспитания и пошел по стопам праотцов, толкнув меня в еврейский «хедер» (школу). Здесь пресловутые меламеды (учителя) забивали мне голову разными премудростями пророков. Но от того толку, видимо, не получилось, так как я плохо воспринял темную, невежественную галиматью и проявил некоторую тягу к изучению настоящей, неподдельной грамоты.

Не помогли розги свирепого «меламеда» (учителя), которому я задавал странные вопросы: «отчего не все люди перед богом равны; почему избранному богом народу попадают кулаки презренных "гоев"; почему папаша и все работающие с ним в мастерской бедствуют, а у меня сапоги рваны, тогда как богачи-евреи Лазаревы ничего не делают, а хорошо одеваются и дети их сытые в гимназии учатся». За это мне в школе попадало. А дома бедняк отец, не сводя концов с концами, вымещал злобу на мне. Особенно усилилась проборка, когда узнали, что я не молюсь, школу мало посещаю, а пресловутое учение Талмуда просто не понимаю.

10-ти лет я попадаю, наконец, в еврейскую министерскую школу.

3. Школа, игры и первая «крамола»

В школе, наряду с патриотической дребеденью и «законом божьим», впервые начинаю знакомиться с русским языком и со счетом. Цифры, задачи имеют магическое влияние, я успешно иду по арифметике, одолеваю грамматику, знакомлюсь с историей, географией. Мало того, при школе учитель музыки и пения. Я попадаю в оркестр. Одновременно детские забавы, общение с учениками, школьные игры в лапту. Проказничество с учителями и, наконец, борьба с ними на почве наших опаздываний и детских шалостей, наказания путем оставления «без обеда», сидка в карцере. Отсюда вражда к учительскому начальству, к богатым, к «маменькиным сынкам», избавленным от всяких наказаний, а как венец всего этого, еще неосознанная, но подлинная ненависть к богачам, к полиции и к главному полицейскому – царю.

До сих пор мне памятен один эпизод из моей школьной жизни. Будучи уже в третьей, то есть в последней группе нашей школы, я остался как-то дежурить в классе на большой перемене. Мне помогал Невелев – один из первых забияк и шалунов. Посоветовавшись с ним, мы, под влиянием какого-то популярного анекдота об Екатерине II (их немало распространялось в ученической среде, и все это приписывалось Пушкину), так разрисовали портрет «великой царицы», висевший на стене, что

⁷ Талмуд – еврейские религиозные книги, написанные еврейскими священниками раввинами. (Примеч. авт.).

пришедшим ученикам стало любо-дорого. Однако, мы с Невелевым довели дело до конца, то есть под всеми портретами общей карты «Дома Романовых» сделали соответствующие надписи; кому досталось – «Ванька Дурачок», кому «пес зубастый» (Николай I), а хуже всех расписали «голых» цариц. Разделав под орех общую картину Романовых, мы вдобавок выкололи пером глаза из отдельного большого портрета Николая II, висевшего в раззолоченной раме. Явившийся в класс заведующий школой пришел в ужас. Я и Невелев скорчили невинный вид...

Надравши нам предварительно уши, заведующий школой Розенблат немедленно созвал педагогический совет, на котором было решено исключить нас из школы. Отстаивал нас лишь учитель музыки, боявшийся, что у него оркестр окажется без корнетиста и альты, каковыми были я и Невелев. Кончилось дело карцером. Вызвали «папаш», отпустивших нам свои порции тумачков. Портрет был снят и в рамку был вставлен новый, на этот раз в кавалерийском мундире и под стеклом. Убрана была также и общая картина «Дома Романовых».

Вскоре, однако, мне с грехом пополам удалось закончить школу. Одно время я возмечтал по примеру моих товарищей заделаться музыкантом. На этот путь нас, мальчишек, увлек А.А. Рубец, некогда бывший профессор консерватории, теперь ослепший на старости лет. Он покровительствовал нашей школе. Думалось одно время, что попаду в консерваторию. Но для этого не было ни средств, ни образовательного ценза, а главное – не было «правожителства», дающего возможность жить в Питере или Москве. Оставался путь отцов и дедов.

4. Учеба в мастерской, эксплуатация и первые проблески борьбы

Мне едва исполнилось 13 лет, как отец уже предложил мне крепко подумать о «самоокупаемости».

Я попал в ремесленную портновскую мастерскую сначала к отцу. Желая обеспечить мои успехи в учении, отец отдал меня на выучку к подмастерьям, у которых я был на побегушках. Мастерские не столько занимались моей учебой, сколько наделяли меня пинками, издевательствами и колотушками. Не любили меня по многим причинам: во-первых, я казался мастерским каким-то чужеродным растением – ягодой нездешнего поля. Шутка ли в самом деле? Все они были невежественны и темны, точно ночь египетская, я же кончил школу. Нужды нет, что приобрел в ней микроскопические знания; по вечерам, однако, я читал книжки, которые по старой связи с школой я брал из школьной библиотеки. Кроме того, я даже выводил мелодии на корнете, отвлекая внимание швеек соседних мастерских, что тоже не нравилось нашим мастерам. Ко всему этому нашим мастерским мерещился во мне на первых порах «хозяйский глаз». Однако, скоро они должны были убедиться, что насчет «глаза» они определенно ошибались.

В начале 1900-х годов в нашем городе появились первые социал-демократы. Население называло их «демократами». Это были отдельные рабочие-ремесленники. Побывавшие в крупных южных городах и оттуда высланные после прокатившейся первой волны южнорусских забастовок.

В 1902 г. первыми появились Велька Хромогий и Алтер Беленький. Сапожник по ремеслу, Хромогий Велька был соучастником забастовки на Брянском заводе в Екатеринославе и в наш город попал под надзор полиции. Беленький «Кенич», стародубец, побывал в Одессе, принимал участие в рабочем движении печатников и после забастовки был также выслан к нам, как поднадзорный. В дальнейшем проводниками революционных идей являются либо приезжающие на каникулы студенты, либо так называемые «экстерны». Это в большинстве бедняцкая молодежь, которая, за неимением средств и доступа в нашу гимназию, готовилась самостоятельно держать экзамены при гимназии, чтобы теми или иными путями попасть в стены средней школы или получить право фармацевта-ученика. Вот эти-то пролетарии «экстерны» по всей черте оседлости и были первыми рассадниками социалистических идей.

Перебиваясь с хлеба на квас, они очень хорошо понимали горькую долю рабочих. Они откуда-то доставали нелегальные книжки в черненьких переплетах. Они первые начали знакомить еврейскую бедноту с тем, как люди живут в разных странах. Они же начали нам открывать глаза на божий мир, на существующую в нем борьбу за существование, на борьбу классов, на эксплуатацию и т. д. Велька Хромогий – сапожник и Беленький – печатник внушили нам мятежные мысли о том, что так дальше жить нельзя.

А что жизнь наша была, действительно, каторжная, в этом сомнений быть не может. Достаточно сказать, что у нас, например, у портных (то же у сапожников и других ремесленников) рабочий день был совершенно неограничен.

Маленькие хозяйчики-кустари в своем эксплуатационном рвении превосходили во много раз каких-нибудь директоров крупных капиталистических предприятий. Если в Питере или на южных крупных заводах уже в конце 1897 г., после прокатившейся забастовочной волны, в законодательном порядке был осуществлен 11½-часовой рабочий день и как-никак упорядочены взаимоотношения между предпринимателями и наемными рабочими, то в глухой провинции, в мелких кустарных мастерских, об этом, конечно, не могло быть и речи. Здесь работали по 18–20 час. в сутки, старились в 30–35 лет и умирали от истощения в 40 лет. Не облегчалось это положение и тем, что и сам кустарь-эксплуататор обычно не щадил себя и наравне со всеми несколькими мастеровыми, а зачастую и детьми вставал в 4–5 час. утра и, работая целый день, ложился спать поздней ночью. Разумеется, кустарь-хозяин за свой тяжелый труд получал соответствующее вознаграждение и к тому же эксплуатировал других, пользуясь как

работодатель прибавочной стоимостью, тогда как рабочие от каторжного труда получали гроши, едва хватавшие на хлеб.

Озаренные первыми проблесками социалистических идей, наши пролетарии заволновались. Едва читавшие по складам русские книги жадно проглатывали брошюры «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Сказку о четырех братьях», а из легальной литературы – неизменного «Спартака», «Хижину дяди Тома» и тому подобные вещи.

До сих пор еврейские рабочие и беднота в единственные дни отдыха – в субботы или по праздникам – ходили в синагогу, чтобы здесь выслушивать лукавые мудрствования религиозных проповедников, учивших терпению и суливших перспективы божественного рая на том свете. Случалось изредка слушать и переезжающих с места на место проповедников (магидим). Большею частью это были националистические душеприказчики сионизма, «пророчески» негодующие по поводу «забвения заветов избранного народа». Эти господа после предварительного сбора по 5 коп. с рыла возвещали еврейскому народу о пришествии нового Мессии. Этот новый Мессия был не кто иной, как австрийский доктор Герцель⁸ или доктор Нордау⁹ и др.

Рассказывали проповедники чудеса, проявленные основателями сионизма, как они ездили к английской королеве Виктории, к турецкому султану Абдулу-Гамиду с хлопотами о возвращении «избранному народу» «страны отцов». Сообщалось даже с большой торжественностью о том, что кто-то из этих господ ездил к русскому царю и все с той же целью широкого проповедования переселения евреев из России и заселения ими Палестины. Находились среди молодежи лица, увлекшиеся этим сионистским поветрием. Особенно эта идея была по душе мелкой еврейской буржуазии. Но не пошел за ними еврейский рабочий. Сначала пролетарским чутьем, а затем уже подчиняясь воле законов классовой борьбы, еврейский пролетариат почувствовал, что ему не по пути с сионистами, пытающимися путем национальной утопии уничтожить классовую борьбу, назревающую на еврейской улице точно так же, как у народов всех стран и наций. Не верил еврейский пролетариат также и в колониальный банк, основанный в Лондоне и предназначенный будто бы для осуществления великой национальной идеи. Как-то само собой разумелось, что главными акционерами банка состоят тузы еврейского или, вернее, интернационального капитала – Шифы, Зангвили, Ротшильды и т. д., стремящиеся не столько воскрешать еврейские кладбища древнего Иерусалима, сколько возвращать и округлять свои крупные банковские капиталы.

⁸ Теодор Герцель – австрийский еврей, мелкобуржуазный публицист, основавший в начале 90-х годов прошлого века партию сионистов. (Примеч. авт.).

⁹ Нордау – известный австрийский писатель. В некоторых своих философских работах является защитником мелкой буржуазии, а в национальном вопросе – сионист. (Примеч. авт.).

5. Зачатки организации и стачечная борьба

Вслед за сионизмом и его первоначальным успехом появился его могильщик – пробужденный революционным набатом еврейский рабочий класс. Разумеется, что все моменты развития сионизма, его «восход» и быстрый закат точно так же, как рост революционного движения и развитие пролетарских идей, целиком отражались и в маленьком Стародубе. В 1902 г. здесь возникает первая стачка среди портных, сапожников, столяров и др. ремесленников.

Велька Хромоногий, экстерн Брук (ныне коммунист) и другие успели все-таки зародить в среде рабочих кое-какие ростки революционных идей. Наиболее подготовленным руководителем этих стачек был, несомненно, Гирша Либин (ныне беспартийный, директор «Москожа»). Будучи тогда «бывалым» человеком, Г. Либин играл наиболее видную роль в подготовке пропагандистских сил.

Недавно закончив обучение портновскому ремеслу, я, тем не менее, также принял деятельное участие в этой первой стачке. В то время я уже покинул мастерскую отца, а работал в более крупной мастерской Рубизова, где эксплуатация доходила до совершенно невероятных размеров. Мало того, что люди работали по 16 и 18 часов в сутки, получая за этот каторжный труд до 10–12 руб. в месяц на своих харчах и 5–8 р. в месяц на хозяйских хлебах, но перед Рождеством, Новым годом или перед Пасхой рабочие должны были сидеть ночи буквально напролет без сна. Все это для того, чтобы какая-нибудь дама могла на Рождество облачиться в соболя, и для того, чтобы паук-хозяйчик смог взять лишнюю пару рублей за так называемую «спешку». Рабочий же от этой «спешки» не только ничего не получал, но к утру засыпал над иголкой. Были случаи, когда на машине прокалывали себе машинной иглой пальцы от совершенного обалдевания. Мне довелось с папиросой в зубах заснуть над «ротондой». Огонь, попав на сукно, зажег его, и присутствовавшие чуть не задохнулись от гари сукна и меха. За всю эту каторжную работу по «спешкам» рабочий ничего не получал сверх нищенского оклада, едва хватавшего на жизнь впроголодь, на хозяйских хлебах. Изредка от щедрого заказчика подмастерью попадало 15–20 коп. – «магарыч» или «на чай».

Во всех других мелких ремеслах, несколько не отличавшихся по своим бытовым условиям от только что описанной портновской мастерской, рабочим также стало невмоготу терпеть. И вот к описанному мною времени здесь, в этой паутине беспощадной эксплуатации, назрело столько злобы, что не хватало только спички, чтобы загорелся огонь. Такой случай не заставил себя ждать.

У рабочего в мастерской Чернова вышел скандал с хозяином при расчете. Рабочему насчитали столько якобы прогульных дней, что ему буквально пришлось доплачивать хозяину, вместо того чтобы получить что-нибудь для прокормления семьи. Возник скандал и мордобитие. Таких случаев было немало и до того, но они проходили как-то незаметно. На этот раз к протесту рабочего присоединилась вся мастерская, а отсюда пошли в другие

портновские мастерские и сняли рабочих с работ. Были выработаны требования и объявлена забастовка. Требовали 12-часовой рабочий день, увеличения поштучных расценок и... вежливого обращения, а также, чтобы работы в праздничные дни не производились по вечерам. Так как все это вспыхнуло стихийно, то забастовка не везде была выиграна; тем не менее, в главных предприятиях хозяева, застигнутые врасплох перед праздничным сезоном (дело происходило в сентябре), все же уступили.

Эта первая, хотя и не полная, победа еще больше сплотила рабочую массу и толкнула ее на путь революционной борьбы под знаменем социал-демократии. Мне удалось прочитать достаточное количество брошюр, в том числе пару номеров каким-то чудом попавшей к нам «Искры» и еврейского подпольного журнала «Ди Арбайтер Штиме» («Рабочий голос»), но толком в политике я еще не разобрался.

После забастовки многим из ее участников пришлось улетучиться из города, так как полиция начала преследовать наиболее активных ее организаторов. Был арестован Брук, затем Молочников и др. Попав в немилость отца, у которого я снял во время забастовки двух рабочих, я также должен был убраться из Стародуба. Тайком, чтобы отец не заметил, я ночью умчался на вокзал, а оттуда без копейки денег в кармане забрался в поезд и «зайцем», спрятавшись под скамейкой, через 6 часов езды прибыл в Гомель.

6. Гомельская организация Бунда 1903–1904 гг.

В городе Гомеле, когда-то сыгравшем видную роль в развитии рабочего движения, борьба кипела уже вовсю.

Точно борозды на весеннем поле, пустившем первые зеленые всходы, здесь уже были заметны межи, разделявшие рабочих на социал-демократов и эсеров, а первых даже на «бундовцев» и «искровцев». Были среди рабочих и другие группировки, например, сионисты разных наименований. Такая разношерстность в еврейском рабочем движении, с основным уклоном его в сторону Бунда, являвшегося, как известно, социал-демократической организацией с значительной примесью мелкобуржуазной национальной идеологии, объясняется теми особыми условиями, которые были присущи исключительно черте еврейской оседлости и ее социальному укладу.

Политически бесправная под игом национального угнетения еврейская беднота лишена была возможности жить в крупных промышленных областях и вынуждена была поэтому искать себе средства к существованию в мелкой копеечной торговле или в кустарных ремесленных мастерских. Даже рабочие высокой квалификации – металлисты, деревообделочники, строители – не допускались на казенные фабрично-заводские предприятия или на железную дорогу.

Ввиду указанных причин, промышленного пролетариата в том виде, как мы его наблюдаем на крупных заводских предприятиях, в черте оседлости не существовало. Вот почему такое исключительно тяжелое положение еврейских рабочих создавало в них

особую психологию, несколько отличающуюся от того здорового сознания, которое свойственно пролетариату крупных заводских предприятий. На крупных предприятиях, где рабочие объединены особыми условиями производства, они выступают солидарно, имея перед собою определенного врага в лице крупного капитала. Совершенно иначе обстоит дело в мелком ремесле. Здесь зачастую рабочие разрозненны и бессильны в борьбе против хозяйчиков-кустарей, едва способных выдержать натиск крупного капитала, с одной стороны, и наступление рабочих – с другой. Это своеобразное экономическое положение и рождало мелкобуржуазный характер еврейского рабочего движения, его разношерстность. Среди еврейских масс все революционные партии имели своих сторонников, однако, наибольшим влиянием в этой среде, несомненно, пользовался Бунд. Положительная сторона и историческая его заслуга перед революцией заключалась в том, что ему, как никому другому, удалось из разрозненных нищенствующих рабочих черты оседлости сколотить довольно крепкую организацию, которая на первых порах шла в ногу со всеми передовыми организациями рабочих, захваченными только что народившейся РСДРП. Положение изменилось уже позднее, после Второго съезда партии, когда линия Бунда по национальному вопросу, а равно и в области строительства партии не совпала с общей линией партии. Претендуя на «единственное» представительство от имени еврейского пролетариата России, Литвы и Польши в международном социализме и в РСДРП, Бунд, как известно, вышел из партии и начал самостоятельное существование в 1903 г. Тем не менее, он в этот период сделал немало в деле собирания сил еврейских пролетариев, а в области тактики целиком придерживался линии большевиков. В своих нелегальных изданиях за границей «Последние известия», а также в России «Дер Бунд» он выступал сторонником политической борьбы пролетариата за общепролетарские цели в России. При этом наравне с искровцами он жестоко высмеивал «экономистов» – рабочедельцев, меньшевиков, склонявшихся к возможности совместной работы с радикалами и мелкобуржуазными партиями.

Мало этого, уже после II съезда РСДРП, после своего официального выхода из партии, вследствие своего мелкобуржуазного уклона по национальному вопросу и организационному строительству, Бунд в то же время являлся самым жестоким борцом против национализма буржуазных сионистов. Он же сильно боролся против всяких разновидностей этого мелкобуржуазного течения, например, против «Пеоле-Сион», «возрожденцев» и др. Нужно сказать, что эти годы, то есть с 1903 вплоть до 1907 г., были самым блестящим периодом борьбы Бунда. Признавая сейчас, конечно, большую ошибку и заблуждения, допущенные Бундом в национальном вопросе, и самый мелкобуржуазный характер программы и тактики Бунда, приходится все же отметить, что на Северо-Западе и на Юге он среди еврейских рабочих сыграл, несомненно, организаторскую спланивавшую роль. Организация строилась по принципу кружковщины.

Кружки, обычно составлявшие ремесленные цехи, собирались в конспиративных квартирах где-нибудь на окраине города. Эти окраины, носившие в Гомеле своеобразные названия «Америка», «Кавказ», прятали крамолу в хибарках какого-нибудь бедного ремесленника.

Цех был ничем иным, как своеобразным профессиональным союзом. Цех сапожников, столяров, портных и т.д. руководился лицами, уполномоченными всемогущим «комитетом», о котором ходили легендарные слухи, местопребывание которого знали лишь отдельные посвященные в конспирацию товарищи. Организованные по цехам рабочие обыкновенно собирались на «бирже», которая в жизни Бунда на всем Северо-Западе сыграла почетную роль в деле сплачивания широких масс. Об этом своеобразном учреждении, сыгравшем крупную роль в пролетарской борьбе, нужно сказать несколько слов.

«Биржа» неоднократно поливалась кровью борющихся сторон, но об этом после, а теперь нужно ответить на вопрос: что такое «биржа»? В дореволюционное время это – обыкновенная улица (в Гомеле – Кузнечная), где по вечерам, после дневных трудов, парочки ходили взад и вперед, непринужденно болтая о разных разностях своего житейского быта. Обычно это делалось по вечерам пятниц, после ужина, то есть накануне шабаша (субботы). Местом гулянья состоятельных классов были наиболее богатые улицы, например, Румянцевская, и на ней пролетарии показывались лишь в особенно торжественных случаях, например, при обновлении костюма, чтобы людям себя показать – «смотрите, дескать, какие мы», даром, что завтра спину гнуть в три погибели над верстаком или иголкой придется. Большинство бедноты знало свою Кузнечную улицу. Здесь, просто говоря, в тихие времена было место гулянья. С тех же пор, как началось социал-демократическое движение среди рабочих масс, Кузнечная улица постепенно начинает оживляться и из места простого гулянья в 1903 г. превращается буквально в кипучую котловину.

Какие вопросы здесь не ставились? Какие задачи не разрешались? Задыхавшиеся в тяжелых антисанитарных условиях рабочие разных ремесел, как только кончалась работа, спешили немедленно на «биржу». Было совсем не обязательно, чтобы на биржу ходили только партийные. Наоборот, хотя здесь чувствовалось дыхание партий, притом разных партий, но являлось сюда много беспартийных рабочих. По участкам уличных панелей можно было судить, где участок Бунда, где «Искры» и где эсеров.

Вот самая людная и кипучая часть улицы, здесь район Бунда. Подлинных партийцев немного на бирже, но чувствуется волшебное влияние Бунда, и масса готова за ним идти по первому зову. А вот менее людная часть, здесь «искровцы». Говор идет на ломанном русском языке, ибо нужно доказать бундовцам, что те неправы, будто еврейская масса говорит только на жаргоне. Нет. Смотрите, мы умеем разговаривать и по-русски. Бундовцы хитро посмеиваются над «русификаторами» и их «русским» языком. Но в

общем «державы», несомненно, находятся в дружественных отношениях и даже нередко устраивают «бои» с общим врагом, недалеко отсюда находящимся, с эсерами, а еще подальше с сионистами разных толков. Среди эсеров мелькают лица в очках, с длинными волосами. Вопросы стоят на «бирже» разные. Здесь обсуждается очередная забастовка, возникшая на спичечной фабрике в Белице, способы ее поддержания. Толкуют о разных системах борьбы пролетариата, делятся впечатлениями от прочитанной книжки в неизменном черном переплете или толкуют о случайно попавшем номере «Искры», «Последних известий», «Дер Бунд» и т. п. Особенно оживляется «биржа», когда услышит что-нибудь из ряда вон выходящее, например, про покушение Гирш Лекерта на Фон-Валя после известной демонстрации в Вильне и т. д.

Попутно здесь возникают споры о поступке Лекерта. – Ведь это террор! – кричат те, кто считает себя сторонниками марксизма. – Правильно ли он поступил с точки зрения социал-демократии?

Находятся тут же защитники Лекерта из тех же марксистов. – Ведь это не систематический террор, который проповедуется эсерами, а месть за издевательство над товарищами! Не смог стерпеть Лекерт безобразий, чинимых над социал-демократами царским сатрапом. Пусть не доходят до звериных и подлых методов борьбы и порки женщин-работниц! Слава и хвала герою пролетарию-сапожнику! Пусть «сволочь Фон-Валь и его прохвосты» знают, что не все с рук сойдет! А разве мы на демонстрации будем церемониться с «фараонами»? Зачем же у нас оружие?

– Ну, это дело другое – то массовая борьба, а не личный акт, заставляющий массы быть бездеятельными и возлагать надежды на «героев». Нам этого не надо.

– «Никто не даст нам избавленья, – ни бог, ни царь и ни герой. Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой».

– Да, все это так, – вмешивается кто-то из сочувствующих эсерам, – а все-таки Перовскую, Желябова чтим, о них рассказываем, а разве Карпович и Баташов не герои?

Загорается спор, собираются кучки. Слушают. Отделяются новые группы, и спор продолжается до поздней ночи. Дебаты и споры, возникающие между наиболее сознательными представителями разных партий, либо дискуссии даже в среде единомышленников прежде всего были замечательны тем, что вовлекали менее сознательных рабочих. «Биржа», таким образом, превращалась в своеобразный клуб, трибуна которого воспитывала сырую массу и отшлифовывала сознание последней. Разумеется, роль «биржи» этим не исчерпывалась. Биржа нередко превращалась в арену активной борьбы. Дело в том, что, благодаря особой обстановке, существовавшей тогда в затхлой «черте оседлости», Бунду, в своей роли руководителя рабочего движения, приходилось воспитывать массы не только путем пропаганды и агитации, даже не только путем экономической стачки. Кто помнит это время, тот знает, что бундовским

организациям приходилось частенько вступать в открытую борьбу с агентами правительства, с полицией и даже войсками.

После Кишиневского погрома ЦК Бунда был брошен лозунг самообороны. Вокруг этого лозунга сначала сплотились не только революционные силы еврейского пролетариата, но и националистически настроенные представители мелкобуржуазных еврейских партий, например, «пеоле-сионистов»¹⁰, «возрожденцев», «сионистов-социалистов» и т. д. Вскоре, однако, эти самообороны превращаются в боевые отряды еврейского пролетариата.

7. Вооружение боевых отрядов и военная хитрость

Самообороны, возникшие после Кишиневского погрома 1903 г. и действовавшие еще во время Гомельского погрома 1904 г., постепенно превращаются в боевые отряды Бунда. Само название «самооборона» уже меняется, как нечто неподходящее к боевой пролетарской организации, которой чужды цели «общенациональные». На этой почве происходили подчас весьма курьезные случаи конфискации оружия у сионистов при помощи военной хитрости. Так, например, в Гомеле в 1904 г. имел место известный еврейский погром, устроенный при благосклонном участии полицеймейстера Раевского и некоторых купцов. К этому времени действовала «самооборона», в которой главными руководителями были бундисты, но было много и вооруженных сионистов.

Лейба «Страдалец» – рабочий, погибший позднее в Речице во время схватки с жандармами, Лейба «Руль» и другие бундовцы руководили делом. Самооборона дала отпор хулиганам и тесней сплотила пролетарские ряды. Однако, оружие, коим запаслась молодежь различных направлений, оставалось на руках большей частью состоятельных сионистов. И вот спустя некоторое время была дана директива образовать вместо самообороны «боевые отряды». Ясно, что на подобную вещь буржуазные сынки из других партий соглашаться не могли и оружия не отдавали.

Они стояли на позиции самообороны «избранной нации» и готовы были выступить только в самых крайних случаях, когда опасность грозила всем евреям; наоборот, в борьбе Бунда сионизм видел источник погромов. Между тем, боевые отряды Бунда имели совершенно иное назначение.

Поражение царизма на полях Маньчжурии в Русско-японской войне 1904 г., бездарность и придавленность царских генералов, террор фон Плеве и начавшееся быстрым темпом революционизирование масс заставляли думать о возможности

---

¹⁰ Речь идет о сторонниках еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей Цион» («Рабочие Сиона»). По инициативе Бера Борохова и Шимона Добина в 1900–1901 гг. в Екатеринославе была образована первая группа «Поалей Цион». Чуть позже, в 1901–1902 гг. организации «сионистов-социалистов Поалей Цион» возникли уже в Варшаве, Вильно, Витебске, Двинске, Одессе и других городах Российской империи.

вооруженных демонстраций и открытой борьбы с агентами самодержавия. Случаи забастовок в Белостоке, Лодзи и самом Гомеле, вооруженные столкновения с полицией – все это ставило на очередь вопрос о вооружении.

Однако, при вышеописанных настроениях многих членов «самообороны», дрожавших за шкуру «избранной нации» и смотревших на революционную борьбу, как на коренную причину всяких погромов, просить оружие, имевшееся в достаточном количестве у сионистов и буржуазных сынков, было бы, конечно, наивно. И вот Гомельский комитет Бунда того времени прибег к своеобразному способу конфискации оружия у буржуазии, способу, который, благодаря подпольным условиям того времени, был применяем почти повсеместно и, в частности, в городах Почепе и Новгород-Северске, где мне приходилось до известной степени руководить организациями.

Каков же был этот способ? Я упомянул выше, что сторонниками самообороны являлись везде бундовцы. Самооборона, разумеется, строилась по всем правилам конспирации. Она делилась на десятки, имела главный сборный пункт. Обычно во главе каждого десятка стоял уполномоченный товарищ от Бунда. Когда начинались слухи о погромах, оружие, обычно хранившееся в целях конспирации у каждого самооборонца на руках, собиралось по десяткам, его приносили вооруженные самооборонцы, и старший распределял роли, назначал дежурства и т. д., чтобы в момент вспышки погрома иметь возможность согласованных действий.

И вот бюро боевого отряда начинает распространять и раздувать слухи о погроме, имевшие в те времена большие вероятия. Когда оборонцы принесли оружие на сборные пункты, то силою оружия подготовленных бундовцев револьверы были конфискованы у сионистов и буржуазные сынки остались с пустыми руками. Также поступали в Почепе, Новгород-Северске и других городах. Разумеется, после этого сынки буржуазии негодовали на «обманщиков бундистов», но других способов вооружения боевых отрядов без особенной затраты сил и средств не было. Помнится, правда, что в том же 1904 г. на оружейный магазин на Замковой улице (кажется, Завьялова) было совершено нападение боевого отряда Бунда и взято много револьверов, но это уже было время, когда близились события 9 января и весь бурный 1905 г. Чтобы не забегать вперед, вернусь к тому положению, которое я застал в Гомеле в 1903–1904 гг.

8. Борьба за «биржу», подполье, Лейба «Страдалец»

Полиция до поры до времени в дело «биржи» не вмешивается. Храни Аллах того полицейского или «гороховое пальто» (шпика), который вздумал бы попасть в этот муравейник: либо заклюют, либо отобьют ребра. Курьезно, что в эту кашу и я чуть не попал. Приехав в Гомель, я в первый же день пошел на «биржу» в надежде увидеть Брауде. Будучи близоруким, я часто вынимал очки, чтобы пристальней всмотреться в показавшиеся мне похожие на Брауде лица. Это кое-кому показалось весьма

подозрительным. К моему счастью, я, наконец, встретил ожидаемого мною товарища и пошел с ним по «бирже». Уже через несколько минут парочка подошла к нам и, узнав от моего приятеля, что я свой человек, со смехом рассказала нам, что мне «могло влететь по первое число» и мне бы намылили шею не на шутку.

Такова была Гомельская «биржа».

Почему полиция тогда смотрела сквозь пальцы на этот революционный муравейник? Трудно теперь судить. Думается, во-первых, из трусости, а, во-вторых, полиция все-таки хорошо знала, что настоящий очаг крамолы не здесь, на улице, а где-то по углам окраины города, в той же «Америке» или на «Кавказе». Впрочем, шпикам хорошо было известно, что крамола гнездится и тут, в центре города, в так называемой «Швейцарии».

Эта последняя представляла собою громадный ров, испещренный извилистыми улочками и закоулками, которые были застроены удивительными хижинами еврейской бедноты. Спускаться в эту «Швейцарию» нужно было по лестницам. Здесь сам черт ногу сломит, и попробуй сюда попасть «шпик» или городской – ясно, живым не выйдет. А революция сумела свить себе здесь прочное, хотя и не совсем уютное, гнездо. Именно в этой знаменитой «Швейцарии» устраивались самые ответственные заседания боевых организаций, здесь же где-то хранился динамит и тут же была нелегальная «техника», выпускавшая не только бундовские листки, но и листки Полесского комитета РСДРП, а нередко помогавшая даже эсерам.

Разумеется, все это было строжайшим образом законспирировано, так сказать, за семью замками. Лягавые собаки жандармерии, конечно, догадывались, что главное зло здесь, именно в этой удивительной «Швейцарии», но были бессильны что-либо сделать. Однажды пробовали даже нагрянуть с обыском и попали именно к Лейбе «Страдальцу», но увы, кроме горького разочарования, из этого предприятия ничего не вышло.

«Страдалец», на редкость крепко сложенный парень, добродушно об этом сообщал многим товарищам. «Я, – рассказывал он, – был предупрежден, что у меня будет обыск. Ясно, на квартире у меня ничего не осталось. Но зато, чтобы накурлесить и позлить подлецов, я сжег много разных старых газет и всякого бумажного хлама и положил на стол в тарелку. На крылечке, где одна ступенька небольшой лесенки была оторвана, я нарочно положил доску с таким расчетом, чтобы первый вступивший на нее провалился. Сам лег спать. Вдруг слышу – бряцают шпоры, подозрительный шум и говор, кто-то охнул от боли. Оказалось, план удался на славу. Ступивший в темноте на злополучную ступеньку не только провалился, по поднявшийся конец доски вследствие ее провала так ловко хватил жандарма, что тот застонал и кого-то опрокинул.

Наконец, стук. Спокойно открываю дверь. Зашли злые презлые и зажгли электрический фонарь. Начинают обыск, ни черта не находят. Переворачивают грязное белье. Нет как-нет крамолы! И вдруг:

– Что за пепел? – грозно орет жандармский офицер.

- Пепел как пепел, – спокойно отвечаю.
- Да это были прокламации преступного содержания, – ревет жандарм.
- Ну, что же, читайте.
- Как это читайте! Почему сжег?
- Так нужно было.
- Так это были прокламации? Сейчас же составить протокол. Я тебе покажу, жидовская морда, как прокламации сжигать!
- А кто вам говорил, что это были прокламации? Этого как будто не видно.
- Ты же только что сам говорил – «читайте».
- Коль охота – пожалуйста.
- Арестовать его!

Повели в участок, а на другой день к вечеру отпустили за неимением улик».

Возглавлял этот «Страдалец» цех столяров и имел тесное отношение к руководящей головке бундовской организации. Не будучи особенно искусственным в политике и не особенно разбираясь в различных течениях пролетарского движения, «Страдалец» был на редкость преданным и исполнительным товарищем в технических делах организации. Особенно внимания заслуживала его работа по организации боевых отрядов на всем северо-западном районе.

Самые опасные предприятия по развозке оружия и даже начиненных бомб в места, где назревали неизбежные столкновения рабочих с полицией, или где ожидалось выступление черной сотни – все это поручалось Лейбе «Страдальцу». Наверное, у некоторых гомельчан сохранилось в памяти следующее событие. Это было летом 1905 г., когда борьба на Севере-Западе, а в частности в Гомеле, стала довольно открытой. В Гомель прибыл полицеймейстер Хлебников, поставивший себе целью во что бы ни стало разогнать уже описанную мною «биржу». На заседании Б. О. (боевого отряда) было решено без боя «биржи» не отдавать. Но Хлебников применил самые крайние меры борьбы в целях ликвидации ненавистой «биржи». Полудиккий эскадрон ингушей (казаков) с шашками наголо вначале прогарцевал вдоль улицы, чтобы своеобразной демонстрацией напугать гуляющую публику. Последняя, однако, будучи предупреждена, продолжала ходить взад и вперед. Тогда ингуши начали насаждать на тротуары, рабочие были оттеснены в подъезды и дворы, но после исчезновения ингушей все вновь высыпали на улицу, продолжая гулять, как и раньше. Озверевший Хлебников решил пустить в ход нагайки. Кое-кому из рабочих попало, но, когда толпа была оттеснена, боевики, согласно заранее принятому плану, дали по ингушам залп из револьверов. Началась перестрелка. В результате человек 20 было арестовано, избито и брошено в участки и тюрьмы. «Биржа» на некоторое время была побеждена, но вскоре рабочие, как ни в чем не бывало, снова появились на «бирже».

Хлебников обрушился с новыми карами. И вот однажды во время разъездов «царя Гомеля» «Страдалец» бросает бомбу под его пролетку. Бомба почему-то не взрывается. Тогда Лейба «Страдалец» вынимает браунинг и стреляет в Хлебникова. Таков был этот храбрый пролетарский боевик, погибший затем, как герой, в Речице, благодаря собственной оплошности. В Гомеле стало известно, что в Речице готовится погром и Гомельский боевой отряд выслал туда человек 20 во главе с «Страдальцем». И вот на станции Гомель «Страдалец», пренебрегая всякой осторожностью, покупает сразу 20 билетов. Кассир, обратив на это внимание, немедленно передал депешу в Речицу, а здесь боевиков встретили вооруженные жандармы, и после горячей и геройской перестрелки все были убиты, за исключением 2–3 товарищей, оставшихся инвалидами, – кто без руки, кто без ноги. В этой перепалке «Страдалец», получив 11 штыковых ран, пал смертью храбрых.

9. Одесская забастовка портных

Еще до описанных мною событий, оставшись без работы в Гомеле, летом 1903 г. я уехал в Одессу, где принял участие в крупной забастовке портных.

В этих двух сравнительно крупных центрах рабочего движения, в Гомеле и Одессе, я практически ознакомился с борьбой рабочего класса, видел его страдания, чувствовал на своем горбу прелести эксплуатации и достаточно наголодался в несезонное время. В Одессе, например, я буквально голодал несколько дней, изредка питаюсь знаменитой одесской «брынзой», которой меня снабжал мой товарищ и однокашник по Стародубу, М. Рубизов, вызвавший меня в Одессу. Он тоже частенько голодал, но в качестве «старожила» умел доставать копейки на «брынзу» и «дыни», стоившие в Одессе чрезвычайно дешево. Что же касается других удовольствий, то, кроме окурков, собираемых нами на Пушкинской и Дерибасовской улицах, мы еще имели удовольствие купаться в море и спать на Ланжероне, пока городской нас не заметит.

А если заметил, значит, иди к хозяйчику Галицкому, некогда нашему земляку, разжиревшему на эксплуатации и выслугах во французской компании, а теперь открывшему свою собственную крупную портновскую мастерскую. Рубизов у него работал, и Галицкий обещал работу и мне. Вскоре я, действительно, дождался работы. Здесь был такой обычай. В дни «мертвого сезона» рабочие буквально спускали с себя последнюю одежонку на толкучем и закладывали теплые платья в ломбард за гроши, чтобы продержаться до 15–20 августа, когда Одесская буржуазия начинает себя облачать в последние моды Парижа и Вены. А когда приходит сезон, хозяева заходят в харчевни и погребки и набирают рабочую силу на страдную портновскую пору с тем, чтобы к Рождеству снова выставить своих мастеров на произвол судьбы или заставлять их работать за бесценок. Рабочие, доведенные голодом до отчаяния, конечно, шли.

Но вот летом 1903 г. рабочие начинают задумываться над своей горькой судьбинушкой. Этому, с одной стороны, помогли «независимцы»¹¹, а с другой – Кишиневский погром, заставивший революционные рабочие кружки встрепенуться. Усиленная агитация Бунда начинает также делать свое дело. Приходит осень. Рабочие швейники вовлекаются хозяевами в мастерские по примеру старых лет. Но рабочие попадают в производство лишь с той целью, чтобы столкнуться и устроить весьма внушительную забастовку, имевшую целью «гарантию» рабочих в несезонное время. Это был главный пункт требований, выставленных стачечным комитетом. «Гарантия в несезонное время» предполагалась в размере от 15 до 25 руб. в месяц, смотря по состоянию семьи рабочего. В этой забастовке проявилась удивительная солидарность одесских рабочих-портных, благодаря чему она была выиграна, и крупные фирмы начали заключать договора, отчасти напоминающие наши нынешние колдоговора. После этой забастовки я, упоенный успехом, явившимся результатом солидарности, вернулся в Гомель, где политически рабочие были более сплочены.

10. Организация рабочих и крестьян в Черниговщине

В Гомеле начались сильные аресты в связи с разбрасыванием прокламаций среди новобранцев. Мне пришлось вернуться домой в отцовскую мастерскую. В организации здесь работал все тот же Велька Хромоногий, подготовивший порядочное количество рабочих. Одним из наиболее заметных работников был Самуил Левит. Хорошо подготовленный в теоретическом отношении, он явился вместе с тем очень недурным организатором и до того искусным конспиратором, что в организации его знали очень немногие, а обыватели и не догадывались о его революционной работе.

Левиту удалось связаться с самой отсталой и косной частью русских рабочих нашего города и организовать из них самостоятельную группу «Искры», которая на первых порах обслуживалась бундовцами.

Надо сказать, что бундовцы и искровцы были в большой дружбе и, вопреки официальному выходу Бунда из партии после Второго съезда, делили между собой

---

¹¹ «Независимой» называла себя организация, основанная жандармом Зубатовым. Она имела целью отвлечение рабочих от политической борьбы путем их сплочения вокруг экономических требований. Вскоре рабочие раскусили хитрую механику зубатовских агентов и под влиянием непосредственных столкновений во время забастовок с полицией, прогнали зубатовцев. Разумеется, крушению зубатовщины содействовала социал-демократическая партия. В Одессе в 1903 г. таким образом прогнали зубатовского агента Шаевича после того, как полиция вмешалась в демонстрацию забастовавших грузчиков. В начале социал-демократам едва удавалось овладеть движением рабочих, в значительной мере околпаченных зубатовцами. Рабочие говорили: «не надо нам политики, долой социал-демократов». Но позднее, когда полиция увидела, что забастовка грозит остановить течение буржуазного порядка в городе, она вмешалась. И тут игра Шаевича обнаружилась. Рабочие, наученные горьким опытом, пошли демонстрацией и кричали: долой «независимых»! да здравствует социал-демократия. (Примеч. авт).

пропагандистские силы и даже технически помогали друг другу при выпуске листов и т. д. Правда, на общих собраниях бундовцы доказывали, что перед еврейскими рабочими, кроме общепролетарских целей, стоят еще задачи национального раскрепощения, которые перед Российской социал-демократической рабочей партией в целом якобы не стоят. Чтобы выдвигать эти вопросы перед массами, а с другой стороны, чтобы бороться с националистическими предрассудками еврейских мелкобуржуазных партий, доказывали бундовцы, нужна особая еврейская рабочая партия – Бунд, которая должна быть автономна (самостоятельна) в решениях по вопросам тактики. Искровцы спорили против подобных претензий Бунда. Они доказывали, что цели раскрепощения наций являются общепролетарским делом, и об этом имеется определенный пункт в программе, где говорится о том, что «каждая нация имеет право на самоопределение». Если для технического удобства и нужна организация еврейских рабочих, которая бы сумела быстрее охватить еврейскую рабочую массу, агитировать на понятном для массы еврейском языке или бороться с национальными предрассудками, то эта организация должна быть подчинена общим постановлениям всей РСДРП, а не отрываться от партии на автономных началах.

Эти споры в основном и привели Бунд к выходу из партии на II съезде, но на местах эти раздоры очень слабо отражались среди масс. Хорошо помню, что Петр Дятлов, кончивший нашу гимназию и учившийся в Киевском университете, точно также и Неронов, Маспан и другие, работавшие среди русских рабочих, охотно обслуживали наши бундовские кружки в качестве руководителей по изучению политэкономии и истории рабочего движения. Кружки вначале собирались в «Беловщине», «Графовщине» и других живописных местах, названных именами их владельцев-помещиков. Происходили эти собрания по всем правилам конспирации, так как маленькая стародубская организация уже имела свои жертвы, сидевшие в местной тюрьме: рабочего Цивина; провалившегося при распространении прокламаций Брука и др. Во главе каждого кружка стоял так называемый «представитель». В свою очередь эти представители возглавлялись цеховым общим «представителем». При этом было, конечно, не обязательно, чтобы «представитель» цеха был рабочий той отрасли производства, где организован кружок или объединено несколько кружков. Так, например, во главе нашего «портновского цеха» был Исаак Кровельщик (Левин).

Мы готовились к встрече 1 мая 1904 г. Специально для этого дня я просмотрел пару брошюр в неизменно черном переплете. Помнится, это были «Батумская бойня» и «Что нужно знать и помнить каждому рабочему». К этому же времени прибыли очередные номера «Искры» и «Последних известий» – издания заграничного Комитета Бунда.

До этого я уже был в перепалках: первый раз при выпуске гектографической листовки ко дню 19 февраля (день освобождения крестьян) и во второй раз к 18 марта, к годовщине французской Коммуны. 19 февраля я не только помогал печатать листовку,

составленную Дятловым, но и распространять ее. Распространение производилось весьма любопытным способом: человек 5 наших активных ребят распределили между собой «шляхи» – тракты, по которым крестьяне приезжают на базар, и рано утром, совместно с торговцами пеньки, желающими из первых рук дешевле закупить незначительные партии сельскохозяйственного сырья, вышли за город с заткнутыми за пояс железными безменами.

В роли новоиспеченного перекупщика сырья я останавливал каждую подводку и, прицениваясь к высохшей шкуре телянка или пучку щетины, вынимал из-под полы листовку и передавал мужичку, уговаривая его прочесть ее на досуге. Крестьянин брал листовку и тут же ее прочитывал, приговаривая: «Гарно, хлопец, написано про нашего брата», либо бережно складывал листовку и прятал ее за пазуху. Много листовок было распространено нами в этот день и кое-какое действие они возымели непосредственно: крестьяне, с грехом пополам разобравшие «крамольное» содержание листовки, оживленно толковали на постоянных дворах о пресловутом «освобождении», памятном еще для многих стариков. Говорилось о тяготах, о податных поборах, о выкупных платежах, о земских начальниках...

Не обошлось и без «жертв» с нашей стороны. Арестовали тов. Похвистнева Митрофана, Бобовникова Меера и меня грешного по подозрению в распространении «крамолы». Видели даже, будто мы разговаривали с крестьянами. Однако, после нашей ночевки в участке нас пришлось освободить.

Листовку о 18 марта мы разбросали по всему городу, а на выгоне устроили даже нечто вроде манифестации, где попутно говорили о кровавой бойне, о бесцельных жертвах русских солдат на войне, о поражениях царизма и т. п.

Первого мая я уже выступил на праздничном митинге всей нашей организации. Здесь присутствовали также искровцы. Помню, что вначале говорил интеллигент Серебренников. Он коснулся общей истории возникновения этого праздника, говорил о его международном характере и призывал к солидарности и сплочению.

После него я, крайне возбужденный, попросил слова и заговорил с рабочими об эксплуатации, коей они подвергаются изо дня в день, о невыносимости страшного ярма, двойного угнетения и в качестве пролетариев, и в качестве евреев. Тут же я коснулся конкретной борьбы и ее жертв в Батуме: «Кровавыми рубцами на теле рабочих записаны страшные страницы этой борьбы, – кричал я во весь голос. – Вот смотрите, что делается в далекой Сибири, где наши братья вздумали протестовать против угнетения в Якутске». Я рассказал вкратце о кровопролитии в забаррикадированном доме в далекой Якутске, о суде над ссыльными, и это произвело сильное впечатление на слушающих. Кончил я призывом к борьбе с самодержавием за республику и социализм.

С этого момента я официально зачисляюсь в нашу головку, мне доверяют конспиративную квартиру за речкой, куда я переезжаю вместе с Исааком Кровельщиком.

У нас образуется также «биржа», по примеру Гомельской, на Черниговской улице. Под именем «Ямбо» я начинаю вербовать в нашу организацию массу еврейских рабочих. Но это дело мне кажется мелким. Под влиянием споров с сионистами я чувствую, что нет ничего легче, как завербовать пару-другую еврейских пролетарок и еврейских рабочих в круг любой революционной организации. Это пустяки, – решаю я в спорах с нашими ребятами. Что это нам даст? Ну, правда, организация и сплоченность еврейских рабочих – вещь полезная хотя бы в смысле отстаивания дальнейших экономических завоеваний или выступления на случай контрреволюционных погромов. Но этого мало! А главное – уж больно легко. Плохо, что русская масса остается нетронутой. А еще хуже и важнее то, что окружающее крестьянство еще настолько темно, что в любую минуту исправник может кликнуть клич, и громилы придут в город с вилами и разгромят и искровцев, и бундовцев.

И вот мы с Похвистневым («искровец», один из деятельных агитаторов, уже посидевший в Стародубской тюрьме) отправились по разным деревням – не дальше 12–15 верст от Стародуба – и потихоньку, помаленьку начали делать то, что плохо удавалось 20–30 лет тому назад «каявшимся дворянам», шедшим «в народ». Владея довольно хорошо нашим деревенским наречием (которое я, к сожалению, забыл в Сибири), я легко устанавливал связи с крестьянами, просившими меня читать им разные книжки, разъяснять законы, освобождающие их от поборов и т. п. Кормили нас квасом с огурцами, а кое-где угощали свежим медом, только что вынутым из сот. Говорили мы с крестьянами о самых простых вещах: о притеснении со стороны помещиков, о земском начальнике, о взятках урядников и становых, а кое-где нисколько не стеснялись говорить о царе и его наследниках, великих князьях, кстати имевших недалеко от Стародуба большие имения.

Крестьяне слушали внимательно, задавали вопросы, на которые я не всегда находил, что ответить. Но в таких случаях я прибегал обычно к следующему приему, всегда благотворно действовавшему на моих слушателей.

– Вот ты, Пахом, наемни спрашивал меня про тяжбу крестьян с помещиком Янжулом и о том, как отстоять отнятую им землю. А откуда я могу это знать? Ведь я, поди, так же, как и ты, учился на медные пятаки, хлеб горбом зарабатываю, сижу за верстаком и гну спину в три погибели над иголкой. Взятки с меня, значит, гладки. Кое-чему, конечно, научился от людей умных – вот и с вами тут поделился. Чем богат, тем и рад, а уж больше с нашего брата взыскивать нечего. А вот коли охота, я вас познакомлю с людьми умными. Те-то побольше нас с вами знают и расскажут, как надо тягаться с лиходеями-помещиками.

– А знают твои умные люди, Ямбо, где раки зимуют? – спрашивали крестьяне. – Как бы им здесь шеи не накостыляли?

Я их успокаивал и говорил, что тут уж, конечно, нужно доверяться крестьянам, которые должны хорошенько сплотиться между собой и не выдавать наших ребят.

В конце концов в той или иной деревушке организовывались небольшие революционные ячейки, на которые всегда можно было рассчитывать в случае необходимости или даже прибегать сюда в «минуту жизни трудную». Нужно признать, что последнее мы часто практиковали, например, во время карательных экспедиций после 1905 г. Многие из нас прятались тогда в деревнях Черниговской губернии, где широко развивались так называемые «аграрные» беспорядки. Но это уже относится к революционной эпохе 1905–1907 гг.

Пока же нам с большим трудом и риском приходилось готовить почву для этих беспорядков. Точнее говоря, почва была достаточно сильно подготовлена в Черниговщине и без нас. Об этом усиленно заботились крупнейшие помещики-аграрии, вроде князя Урусова, Самоквасова, Янжула, графа Баратова и т. д. Наша задача заключалась в том, чтобы помочь угнетенному и темному крестьянину, обобранному и притесненному помещиками, хоть немного разобраться в окружающей обстановке. И мы, частью бундовцы, частью искровцы, делали это с большим успехом, и впоследствии, в годы вспыхнувшей борьбы с помещиками, Черниговская губерния выдвинула немало героев крестьян, сражавшихся в пролетарских рядах... Так, например, две волости близ Новгород-Северска были распропагандированы братьями Малеча, Кричевским и пишушим эти строки. Крестьяне организованным путем выпалили помещичьи земли Голицына и других и устроили форменную сельскохозяйственную забастовку. Забастовкой руководил Нестер Малеча, сын Новгород-Северского священника. Когда его арестовали, крестьяне-батраки явились его освобождать к становому приставу, и произошло столкновение, предотвращенное тем же Малеча, который отдался в руки властям. Он впоследствии сидел со мной в Стародубской тюрьме и при попытке бежать был застрелен старшим надзирателем Зайцевым, устроившим засаду Шевченке, мне и Малече.

11. «Весна» и нарастание октября 1905 г.

Как известно, после убийства Плеве и последовавшего ряда неудач на войне настала эпоха так называемой «весны», когда во главе кабинета министров стал Святополк-Мирский.

Революционное движение растет вширь и вглубь и пробуждает всю провинцию. Встряска кровавого «воскресения» 9 января приводит рабочих к сознанию того, что дальше ждать нечего. Царь расстрелял все надежды и чаяния рабочего класса добиться через него хоть какого-нибудь улучшения своего положения.

«Биржи» на Северо-Западе удваивают и утраивают количество посетителей. В помощь Бунду образуется «маленький Бунд», «Клейнбунд», вовлекающий в революционную работу школьников «черты». Мальчики, зажженные огнем революции, помогают взрослым. Незаметные и шустрые, они разносят революционную заразу по

базарам, по деревням, по трактирам, кое-где сами «бунтуют», и полиция нисколько не стесняется расстреливать мальчуганов, совсем так, как нынче империалисты практикуют в Шанхае и во всем Китае. Жестокие расправы поднимают новые пласты народной толщи, с которой правительство уже явно не в состоянии справиться. Попутно начинают сбрасывать с себя ярмо рабочие, эксплуатируемые мелкими хозяйчиками и крупными буржуями. Забастовки учащаются и носят уже ярко выраженный политический характер, хотя обычно начинаются с экономики. Требуют сначала 9-часового рабочего дня, а затем, смотришь, полиция вмешалась – и пошла кутерьма. К забастовке примыкают все новые и новые слои рабочих. Требуют уже освобождения «главарей», устраивают демонстрации с криком: «долой самодержавие», «долой войну» и т. д. В это время я и тов. Гендлин командированы Гомельским комитетом в Почеп, Новгород-Северск, где публика «бунтует» в беспорядке. Организации еще здесь нет, нужно связаться с парой-другой интеллигентов, установить связи с рабочими, организовать комитеты.

Едем сперва в Почеп. Здесь были одиночные работники – сестры Левины, Брауде и др. Но организации, как таковой, нет. Я поступаю в качестве мастера в мастерскую, Гендлин немедленно связывается с местной интеллигенцией. Организуем комитет. Масса еще здесь одержима национальными предрассудками. Мы устраиваем рефераты, выступает приехавший к нам бундовец, «светило» Владимир, который затем быстро исчезает. Мы начинаем организовывать «биржу», выписываем нелегальную литературу и, ввиду возможности погрома, едем за оружием, чтобы вооружить «боевой отряд».

Тут уместно вспомнить следующий курьез. Я и Гендлин, уже достаточно известные в этом районе, со дня на день ждали ареста. Возиться в таком положении с оружием было небезопасно. Получив два ящика с револьверами и бомбами, мы добрались до ст. Унеча, а здесь, встретившись с железнодорожником Тимашенко, узнали от него, что за нами следят и что в вагон, где мы находимся, засел жандарм. Что делать? Оставить ящики на произвол судьбы, а самим исчезнуть?.. Нет, это невозможно! Нужно ящики спасти. Тут же на станции заметили мы молодую даму, разодетую по последней моде, сестру нашего приятеля Хазанова, едущую к себе в Почеп вторым классом. Сговорившись с ней, мы попросили ее довести наш багаж до Почепа и тут же наняли носильщиков, которые пошли с ней в вагон и перенесли наши чемоданы во второй класс. Жандарм, сидя в соседнем купе вагона 3 класса, так и не понял, чей багаж тащат, так как мы с Гендлиным, как ни в чем не бывало, остались сидеть там, где нас должен был застать жандарм.

Когда поезд тронулся, жандарм, следивший за нами, соблазнился глазками какой-то ехавшей в вагоне девицы и совершенно забыл про «крамолу». Так он и не доехал до Почепа, исчезнув из вагона вместе с девицей, а мы благополучно довели драгоценный багаж.

Однако, с течением времени, после устройства многих больших уличных митингов в Почепе, дольше оставаться стало немыслимо. «Ямбо» стал притчей во языцех, и мне

приходилось скрываться, где днем, где ночью. Пора было и «честь знать», особенно после ссоры с сионистами, у которых мы военной хитростью, по примеру Гомеля, отняли оружие, принадлежавшее «самообороне». Нужно было нам обоим наострить пятки.

Вначале уехал я, Гендлин остался. Прибыв в Гомель и поработав здесь в боевом отряде как раз во время борьбы с полицеймейстером Хлебниковым за «биржу», я по предложению «Бориса» (ныне члена РКП Рафеса) уехал в Новгород-Северск. Остановился я здесь в гостинице и, заплатив за первую ночевку 50 копеек, отправился искать по городу своего знакомого, тов. Мирона Бобовникова. В номере гостиницы остался ящик с нелегальной литературой и мои скудные пожитки – пара белья и пальто. Был сентябрь. Проплутавшись по городу в бесплодных поисках, я вспомнил, что в местной тюрьме сидит Равич Григорий, да еще тов. «Михаил», и решил пройти к тюрьме. В Новгород-Северске с заключенными можно было переговариваться. Для этого необходимо было забраться на дерево, находящееся на площадке близ тюрьмы. Равич, Малеча и другие находились на третьем этаже во второй камере.

Я добрался до площадки и, недолго думая, взобрался на первую ветку дерева, вынул платок и дал знать о своем присутствии. Не прошло и минуты, как сюда же прибыл и Мирон Бобовников, тщетно мною отыскиваемый в течение дня. Не успели мы обменяться первыми приветствиями сначала между собой, а потом с заключенными, как нас заметил тюремный надзиратель и дал тревожный свисток. Мирону удалось немедленно удрать. Я все же успел прокричать ему по-еврейски – где остановился, и указал на необходимость спасти багаж. Когда я слез с дерева, пара полицейских и надзиратель подхватили меня и повели в участок. Отказавшись отвечать на вопросы, где я остановился, я указал лишь только, что приехал в город искать портновскую работу, а у тюрьмы говорил с Равичем, как со своим родственником и земляком. Меня отвели в полицейский участок, посадили в клоповник, куда обычно сажали пьянчужек и мелких воришек. Очутившись там в первую же ночь своего пребывания, я смущенно подумал о том, что так мальчишески революционеры не поступают.

Какой черт меня толкнул на рискованное предприятие, не спросясь броду, сунуться в воду! Правда, были вину смягчающие обстоятельства: не нашел Бобовникова, бродил без толку день, с другой стороны, уж очень хотелось хоть одним глазком взглянуть на старого приятеля Равича, с которым мы начинали первые шаги в подполье. Но на мне теперь лежала другая ответственность. Ведь я приехал сюда не в бирюльки играть, а организацию строить. Мне даже выдали целых 8 рублей из партийной кассы. Как же мог я позволить себе такую штуку? «Хорош профессионал; нечего сказать», – подумал я о себе. А что теперь станет с тюком литературы и листовок? Вспомнилось, что ключ от номера у меня и что я даже еще не прописан.

Однако, тут же пришли и утешительные мысли. Вспомнились действия в Гомеле, Почепе, Стародубе, когда на глазах у полиции проделывались самые дерзкие вещи, и мы

умели исчезать из-под самого носа полиции. В Почепе городские даже присутствовали на митингах, где я выступал, в ожидании, что тут-то они поймут «Ямбо», но черта с три! Кончится собрание, я смешиваюсь с публикой и тут же шмыгну либо через забор, либо попаду в закоулок. Только раз в Стародубе полицейский Попрыга установил слежку за мной, очевидно, с надеждой натолкнуться на конспиративную квартиру, которую я снимал в Заречье. Он встретил меня и Исаака Кровельщика на мостовой и хотел нас остановить. Но не тут-то было. Намяв ищейке бока, мы пустились бежать. Однако, нас поймали, и мы засели в участке. Пристав Хоржевский (позднее убитый Вереженкой) начал нас допрашивать, но толку не добился. На все вопросы – где я живу, он получал неизменный ответ: в семье отца, дом Кричевского на Бульварной. Пробовал он там произвести обыск, но кроме библии, псалтыря и древнееврейских книг бабушки, ничего там не нашел.

Жандарм Протопопов, присутствовавший при обыске, обратил внимание на книжку с каким-то сионистическим заголовком по-русски. Это был, кажется, номер журнала «Восход». Изъяв эту единственную «крамолу», он тут же спросил меня:

– Вы сионист?

Я ответил: вы, кажется, имеете сейчас дело не с моими убеждениями, а с моими вещами, так ищите дальше. Жандарм побагровел, но толку не добился. Продержали с недельку в участке и выпустили.

Сейчас в подвальных сумерках Новгород-Северского клоповника в памяти промелькнули эти отрывки из жизни, и вставала беспокойная мысль, как же держаться на допросе. Хорошо, если Бобовников спасет ящик с литературой, но номер заперт, моя неявка и «прописка» могут вызвать скандал...

Подвальное окно с решеткой выходило на уличный тротуар. Я на всякий случай решил забраться на подоконник, благо никого, кроме меня, в кутузке не было. Взобравшись на подоконник, я увидел, что мимо окна проходит взад и вперед какая-то дама. Заметив меня, она передала мне записочку от Мирона, в которой последний сообщал, чтобы я не беспокоился, все в порядке, ящик спасен, ключ подобран. На случай, если дело кончится пустяками, мне был сообщен адрес Клары Пулик. Записочку я немедленно уничтожил и тут же выбросил ключ гостиницы. Наутро меня вызвали к исправнику и мне задали всего два вопроса: кто я, и зачем разговаривал с дерева. На первый вопрос ответил: имя – Шумяцкий, вот паспорт, портной 19 лет. Явился сюда искать работы. А говорил с тюрьмой потому, что там мой родственник.

– А ты не «демократ», голоштаный? Всыпать бы тебе, прохвосту, штук сто горячих, чтобы не лазил куда не надо. Ну-ка, обыщи его! В карманах у меня решительно ничего не нашли, за исключением нескольких рублей.

– Ладно, покормишь еще сегодня у нас клопов, а там видно будет.

Повели обратно. Подали бурду и тут же принесли какие-то крендели и колбасу от «родственницы». Поел, напился кипятку и залег спать. Вдруг шум и руготня. Смотрю,

пьяных привели. Трехэтажная ругань висит в воздухе, кого-то лупят. Вдруг ко мне обращается квартальный:

- Тебе тут что нужно, чего забыл? Вон отсюда!
  - Он, ваше-бродь, вчера взятый около тюрьмы, – возражает городской.
  - Ну, и гони его отсюда в шею. В канцелярии поговорим.
- Прихожу в канцелярию. Оглядел меня чин с ног до головы.
- Ты кто?

Я повторяю свои утренние ответы.

- Гм-гм, ну, и что же теперь?
- Не знаю.
- Где твой паспорт, бродяга?
- Да я не бродяга, прошу вас не ругаться. Паспорт утром взят исправником.

Квартальный поднялся и куда-то вышел.

Через несколько минут явился и вернул мне паспорт.

- Смотри, с... с..., больше не попадайся!

Я рад был, наконец, очутиться на улице. Нужно было идти к Пулик... Адрес я хорошо знал наизусть. Нужно было спросить кого-нибудь из прохожих, где эта улица, но из предосторожности я никого не стал останавливать, а пошел просто бродить, останавливаясь у витрин разных магазинов. Затем зашел в лавочку купить папирос и, только убедившись, что за мной не следят, стал расспрашивать, где находится Тарелкина улица.

Получив нужные сведения, я, наконец, добрался до квартиры Клары Пулик. Меня здесь радостно встретили Мирон, Пулик, Пиня столяр и еще некоторые товарищи. После легких упреков меня начали расспрашивать о делах партии и сообщили, что здесь только начинает налаживаться дело, что меня ждут, как манны, а главное – ждут моего транспорта с литературой.

Решили не мешкать и приступить немедленно к делу. На завтра было назначено собрание организованных рабочих, на котором я должен был выступить с сообщением о положении дел в районе Гомельского комитета Бунда. Тут же мне было сообщено, что ради конспирации для меня найдется работа в портновской мастерской Чернова, квартировать же могу пока у Пулик или у Давидова. Пулик был одним из богатейших купцов Новгород-Северска и был у полиции вне всяких подозрений. Дочка его Клара, учившаяся в Киеве и приехавшая к себе на родину, только-только начинала принимать участие в революционной работе, будучи под крылом отца. Нам это было на руку. Мирон Бобовников, рабочий-деревообделочник, вращался в рабочих кругах, но толком сколотить организации не мог, так как мало был искушен в делах партии. Равич приезжал сюда с целью организовать рабочих, но вскоре «сел». То же случилось и с Михаилом, прочитавшим здесь реферат «О бойне в Маньчжурии и задачах социал-демократов».

Я начал на другой день после ареста с того, что в столярной мастерской Пини столяра сообщил о необходимости сплотить рабочую организацию и так или иначе дать о себе знать. «Уж революция не за горами, – указывал я, – везде забастовки, демонстрации, прямые столкновения с полицией, а тут какая-то спячка, и ничего нет. Кроме того, вооружиться необходимо. Говорят, что тут есть искровская организация, но у ней нет связей».

Слушатели мои, такие же юнцы, как и я, чесали затылки и отвечали, что тут, мол, пока ничего нет. Тогда я решил начать с самого начала. Образовал комитет, распределили между собой работы по пропаганде (Пулик, Еселева): я по делам забастовочным, конфликтам с хозяевами и всяким организационным вопросам; Давидов – хранение, распространение листовок, сооружение гектографа, перепечатывание отдельных вещей из «Последних известий» и старых номеров «Искры»; Пиня столяр, Бобовников – вербовка новых членов, агитация и пр.

Так начали мы действовать. Я работал в мастерской поштучно, давая одну вещь в неделю. Бросал я работу раньше всех и уходил. Об этом знал хозяин, но, чувствуя ко мне, так сказать, некоторое уважение, не препятствовал. Через неделю заговорили в городе о нашей организации. В первую очередь, конечно, зашевелилась «биржа», а затем рабочие попытались устроить демонстрацию. Она возникла стихийно после того, как на одном из собраний, устроенных националистами, наши бундовские ораторы раскритиковали вновь народившуюся полукадетскую партию «достиженцев еврейского равноправия». Рабочие вышли из собрания и с песнями прошли по главным улицам города. Полиция некоторых арестовала.

12. Забастовка 1905 г. «Конституция» и погромы

Было уже начало октября 1905 г. Носились всяческие слухи. В Новгород-Северск прибыли из Киева Мирон Фишман (искровец, сейчас Иркутский меньшевик) и «Александр». Собрались на большой поляне где-то за монастырем. Выступил вначале «Александр», похожий на Христа. Он говорил о делах «Искры», о том, что там готовятся к борьбе. Затем выступил Михаил Кричевский, тоже искровец (ныне ответработник Госиздата), выступил и я. Спорили о сферах влияния наших организаций, о том, что нужно перестать делить пролетариат, а всем объединиться пред грядущей бурей.

Темная украинская ночь начала октября была бесподобной. Мы разложили костер, пели революционные песни без всякой боязни быть застигнутыми врасплох. Мы знали, что по пути следования из города к нашей поляне, расположенной на живописном берегу Десны, стоят наши верные товарищи – часовые. Здесь собрались и бундовцы, и искровцы, ибо едва ли пяток присутствовавших понимали разногласия, разделяющие эти две социал-демократические организации. Мы и не пытались раздуть спора. Мы сами еще плохо понимали его и объясняли себе этот водораздел «технической

целесообразностью». Этот вечер у костра навсегда останется ярким пятном в моей памяти. Казалось, что через некоторое время из «Искры» действительно разгорится пламя такое же сильное, как вот это зарево костра... Поздно разошлись по домам.

На следующий день, вечером, состоялся «семейный вечер», а на самом деле это было собрание учащейся молодежи, то есть гимназистов и гимназисток старших классов местной гимназии. Пригласили туда и меня. В своей рабочей блузе, с угловатыми манерами, я, видимо, казался здесь выходцем из другого мира. Это я заметил моментально, так как взрослые барышни в гимназических формах начали шушукаться о «Ямбо».

Выступил с рефератом «Об исторической роли интеллигенции» некий Лосик – учитель местной гимназии – народник, который затем был выбран членом Государственной думы от Черниговской губ.

Явно подчеркивая, что вся история XIX века есть, собственно говоря, история героев, двигающих человечество вперед, он призывал к таким же героическим подвигам и Новгород-Северскую молодежь, долженствующую вступить «на стезю» самостоятельной духовной жизни после окончания гимназии, традиции которой воспитали таких людей, как Кибальчич (соратник Желябова по 1 марта).

– А масса? – вырвалось у меня.

– Масса! Это – глина в руках строителя. Она темна и взывает к нам; она бездеятельна.

Подобной ереси я больше слушать не мог и попросил слова. Разбивая теорию педагога, я сказал, что от учителя русской истории казенной гимназии ничего другого, чем слышанное в этот вечер, и ожидать нельзя было. Затем подробно изложил свою точку зрения.

Я ясно заметил, что все симпатии аудитории были на моей стороне. Это придало мне еще больше смелости. По окончании собрания учащиеся и местная интеллигенция окружили меня и закидали вопросам и расспросами – не живу ли я здесь под чужой фамилией? Подлинно ли я партийный «Ямбо», а не кто-либо другой? Я был доволен успехом в этот вечер.

Через день или два нам в Новгород-Северске стало известно о железнодорожной забастовке, объявленной в октябре 1905 года. Помнится, что популярным требованием железнодорожников было: «мы пустим поезда лишь в тот момент, когда они повезут депутатов в Учредительное собрание».

Столичные газеты мы перестали получать, и не было даже киевских. Хотя подъездной путь Новгород–Северск–Новозыбков работал в первые дни забастовки, но вследствие прекращения работ на почте и телеграфе мы перестали получать какие бы то ни было сведения. Не было также указаний от вышестоящих партийных организаций.

Что делать? Действовать приходилось за свой собственный риск и страх. Собрались в квартире Давидова. Тут были руководители бундовской и искровской организаций. Мы образовали объединенный комитет и решили предпринять ряд действий.

Прежде всего из солидарности решили присоединиться к железнодорожной забастовке, для чего предварительно выпустили гектографированный листок «К рабочим».

Забастовали мастерские и начали кучками ежедневно собираться на «бирже», где несколько агитаторов – все те же лица: я, Кричевский и др. – зажигали рабочих мятежными речами о событиях в России. Одновременно я отправился в депо ст. Новгород-Северск и совместно с тов. Гавриилом начал увещевать рабочих железнодорожников примкнуть к общей железнодорожной забастовке. Через два дня по подъездному пути уже бастовали все. Портило дело, двигая поезда в обе стороны, только Семеновское депо, а также ст. Костобобр. На специальном паровозе я выехал с некоторыми рабочими в Семеновку, где у нас были некоторые связи.

Руководителем организации среди сапожников и строителей был там печник тов. Суховерхов, погибший затем в Сибири во время чехословацкого мятежа. Крайне активный и сознательный социал-демократ, осужденный на каторгу по Новозыбковскому делу, он принимал активное участие в железнодорожной забастовке 1905 г. Ему удалось сплотить семеновских железнодорожников вокруг общего дела. То же произошло и в Костобобрах.

Вернувшись обратно на паровозе в Новгород-Северск, я заметил, что мещанский муравейник всполошился не на шутку. Толки и разговоры о начавшемся «светопреставлении» шли на всех углах, в магазинах, в мастерских. Случайно совпала с этим забастовка в мужской гимназии, подготовленная также нашими ребятами. Она носила чисто академический характер вначале: требовали вежливого обращения с учениками, уничтожения процентной нормы для евреев, отмены экзаменов и т. д. Разумеется, мы не преминули превратить эту забастовку в явно политическую.

После этого полиция начала меня преследовать по пятам. Я стал ходить с браунингом в кармане и непременно в компании нескольких верных товарищей, тоже вооруженных. На «биржу» перестал являться и ходил глухими переулками через проходные дворы. Большую часть времени в эти дни я проводил среди железнодорожников и телеграфистов.

Наконец, грянуло 17 октября. По телеграфу кому-то из Питера передали, что царизм сдался и издал манифест о конституции... Хотя в городе еще официально ничего не было известно, тем не менее, на другой день город стал похож на кипящий котел. Как маленькая, но быстрая и бурная речушка после долгих оков зимнего льда вдруг встрепенется в одно прекрасное весеннее утро, чтобы поднять толстые и корявые льдины и унести их с водной поверхности куда-то далеко, точно так же проснулся этот маленький городок, притоптанный железными сапогами векового абсолютизма и царской

жандармерии. Мещане, ремесленники, интеллигенты и мелкие чиновники ходили с радостными улыбками на лицах и ровно со светлым праздником поздравляли друг друга, сообщая новость, разлетевшуюся быстрее ветра. Кто-то слышал о телеграмме, сам ее читал, знает подробности: «Витте оттеснил Трепова, арестовали Победоносцева, евреям дано равноправие» и пр., и пр. в том же роде. Целовались точно после пасхальной обедни и поздравляли друг друга. На балконах появились красные ковры и подушки.

Только организованные рабочие решили, что восторгаться пока нечему, так как полиция на месте, в тюрьме сидят наши товарищи, а толком еще никто ничего не знает. Быть может, господам земцам, устраивающим вот уже год всякие банкеты с самодержавием, удалось, наконец, повлиять на царя и убедить его в осуществлении части «бессмысленных мечтаний». Они же люди умные, а забастовка железнодорожников и телеграфистов, к которой во многих городах присоединились рабочие, вещи опасные. Тьма и холод в столицах, результат этой забастовочной волны – меры чувствительные. А забастовка булочников и в результате голод, это – не тетка. Нужно было что-то предпринять, и вот явилось: «Мы, самодержец всея Руси, царь польский, князь финляндский и прочая, и прочая... сочли за благо объявить всем нашим верноподданным»...

Приперли, значит, к стенке. Здорово! Но погодите, не отдышится ли зверь? Что-то из Одессы и Киева идут скверные слухи; кто-то получил сведения о творящихся там погромах... Значит, черная сотня с благословения царя, попов и жандармов творит свое темное дело... Нужно быть осторожным и не увлекаться. Необходимо уяснить населению и в первую голову организациям и рабочим, в чем дело. Нужно требовать освобождения узников.

Наскоро сооружаем красные знамена: древки из палок-дручков, найденных во дворе; куплен красный ситец; мелом выведены лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!», «Слава павшим в борьбе за социализм!». Боевой отряд человек в 40–50, вооруженный смит-вессонами, частью браунингами, выходит на главную площадь города. Здесь полно публики, море голов: гимназисты и гимназистки, о чем-то кричащие, и наши ребята-рабочие. Завидев группы со знаменами, публика окружает нас тесным кольцом, но наши дружинники стерегут головку. Чувствую, меня кто-то поднимает на плечи, и я выше массы аршина на два. Водворяется тишина. Кто-то орет: Ямбо, начинай!

Я начинаю и чувствую, что «дух» захватывает и что-то подступает к горлу от сильного подъема. Потом уже на суде наемные свидетели черной сотни утверждали, что в своей первой речи я оскорблял и поносил «их величества». Помню, что манифест, который всем к этому времени стал известен дословно, я охарактеризовал, как обглоданную кость, брошенную пьяным деспотом, пирующим в роскошном дворце. «Волк на псарне, припертый к стенке, объявляет в манифесте, что давно, как отец, "печется" о судьбах

дорогих верноподданных. Никаким манифестам серых волков верить не будем. Мы скажем царю: "Ты сер, а я, приятель, сед, а потому обычай наш: с волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой"».

Громовое «ура» многочисленной толпы достаточно убедительно говорило о настроении городка...

После меня говорили Кричевский и тов. Гавриил. Они призывали к немедленным действиям: к захвату городской думы, земства, полиции и т. д. В области экономической они рекомендовали захватить мастерские (а что с ними делать – это еще отчетливо себе никто не представлял), осуществить 8-часовой рабочий день, конфисковать земли у помещиков и царя.

Ко мне подошел какой-то чиновник и сообщил, что заседает городская дума, и нас, а именно меня и Кричевского, как руководителей здешних рабочих организаций, приглашают на это заседание. Сообщивши об этом манифестантам, мы отправились в городскую управу. Тот же чинуша, видимо, секретарь, нас представил «отцам города». Председательствовал городской голова доктор Жадкевич; кроме того, среди присутствующих сидел во всем своем камергерском облачении князь Голицын, крупный здешний помещик и предводитель дворянства. Председатель обратился к нам с просьбой воздействовать на толпу в смысле ее успокоения, дабы не было эксцессов. В ответ на это я и Кричевский от имени «объединенной социал-демократической организации» потребовали немедленного освобождения из-под стражи всех арестованных по политическим, аграрным и религиозным преступлениям. Затем, во избежание тех же «эксцессов», мы потребовали немедленного устранения исправника, руководителя местной черной сотни, по слухам, собравшего полицейских и переодевшего их в штатское, чтобы эти господа при помощи водки подняли темные подонки босяков и малосознательных рабочих с лозунгами «бей жидов, студентов и интеллигентов».

Ответа на наши требования не было. Некоторые думцы заерзали на стульях. Городской голова доктор Жадкевич ответил нам, что освобождение заключенных зависит не от местных общественных деятелей и даже не от местных судебных или полицейских властей, а от самого Витте, от которого никаких инструкций на сей счет до сих пор не получено. Что же касается черносотенцев, то общественные деятели в этом вопросе бессильны; слухи о полиции неверны и т. д.

Я тогда определенно заявил «отцам города»:

– В таком случае за рабочими организациями остается свобода действий. Мы не хотим никаких эксцессов, но заключенных мы немедленно будем освобождать.

Пошли дальнейшие пререкания насчет водворения порядков. Кричевский, Гавриил и другие стали препираться с отцами города, но восторженные революционные «Варшавянка», «Марсельеза» и общий гул потянули нас из помещения думы на улицу.

Мы вышли к демонстрантам. Откуда-то появились новые знамена, и меня снова подняли, настоятельно требуя речей.

Рассказав товарищам о разговорах, имевших место в думе, о неудаче нашей «дипломатической миссии», я спросил: «Разве гражданин Голицын может решиться на освобождение революционных борцов?» – «Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой. Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой». Пойдемте же в нашу «Бастилию» и освободим томящихся там борцов за дело рабочих.

Но тут вышел неожиданно курьез, за которым вскоре последовала и трагедия. Князь Голицын, находившийся где-то здесь вблизи, вслушиваясь в мою речь, обиделся на меня за то, что я назвал его «гражданином».

Сосредоточивая на себе любопытство толпы своими камергерскими доспехами, «его сиятельство» вдруг обратился к окружающим приблизительно с такой речью: «Из хама не сделаешь пана; хаму нужна палка, а не государева милость. Какой я ему, щенку, гражданин? Я столбовой дворянин, князь и камергер, а этот жиденок позволяет себе на всем честном народе непристойности».

Начался удивительный гул и свист, но мне и другим товарищам удалось остановить неизбежное побоище. Я снова поднялся на чьи-то руки и заявил: «Незачем руки марать, ребята. Чем бы сиятельное ничтожество ни тешилось, лишь бы не плакало. Пусть воображает себя отпрыском "голубой крови", камер-лакеем кровавого двора. Мы же знаем, что проходят времена князей, дворян и прочей сволочи, пройдут и дни буржуазии; будет и на нашей улице праздник. Нужно только сплотиться вокруг красного знамени и не верить разбойникам, обagrившим руки в крови рабочих 9 января. Пойдемте же освобождать борцов, двинемся к тюрьме, товарищи!»

Публика с песнями двинулась по направлению к тюрьме. Но вдруг на углу двух улиц мы услышали подозрительные выкрики, за которыми последовали револьверные выстрелы. Какой-то отдаленный гул, идущий с окраины города, ничего хорошего не предвещал. Инстинктивно демонстранты почувствовали, что на отдаленных улицах творится что-то неладное. Масса начала волноваться, и уже где-то вблизи раздался выстрел, а за ним крик: «Бей жидов, студентов, спасай Россию».

Наш вооруженный отряд, где было револьверов 40–50, дал залп вверх, желая этим остановить начавшуюся давку при рассеивании массы. Знаменоносцы, окруженные вооруженными дружинниками, начали свертывать знамена, и толпа начала рассеиваться при криках пьяных хулиганов, нахлеставшихся где-то в полицейском участке.

Наша публика, державшаяся организованно, осталась на площади и, когда последняя окончательно опустела, дала несколько залпов по громилам, сгруппировавшимся в центре города у главных магазинов. Хулиганье рассеялось, но праздничное настроение как рукой сняло.

Возник поединок между организованной небольшой группой рабочих, вооруженных отчасти огнестрельным, а отчасти холодным оружием (стальные бруски и финские ножи), и переодетыми полицейскими и золоторотцами-босьяками. Вся эта братия, вооруженная дробовиками, беспорядочно стреляла. Невооруженное хулиганье рассеялось при первых выстрелах наших боевиков, но, рассеявшись по боковым улицам, оно зажгло здания города во многих местах.

Наш немногочисленный отряд разбился на небольшие группы, которые распределились по участкам города, чтобы бороться с грабежами и босьяками. Кое-где дружинникам удавалось рассеять взбесившихся негодяев, но с бушующей стихией огня, естественно, мы были бессильны бороться, и Новгород-Северск в этот памятный день был сильно разгромлен и на добрую половину сожжен.

Настала кошмарная ночь, освещенная заревом пожара. Я с небольшой группой вооруженных товарищей очутился на каком-то уличном перекрестке, отстреливаясь от гнавшей за нами группы громил. Ввиду превосходящих сил противника, мы перелезли через забор и очутились в чьем-то саду. Гул, выстрелы и крики заставили нас подняться на крышу освещенного пожаром дома и следить за развернувшейся картиной. Нашим глазам представилось ужасное зрелище. Бежит Клара Пулик. Ее преследуют хулиганы. Она в ужасе. Вот ее настигают, и рука хулигана ударяет ее по голове. Неистовый крик... Гавриил из револьвера стреляет в хулигана, раздается и мой выстрел. Негодяй бросается в сторону. Пулик удается забежать в чей-то двор. Вся улица вдруг белеет от пуха, выпущенного из перин разгромленных еврейских домов.

Так начался Октябрь 1905 года в провинции. Перья и пух всколыхнули мои воспоминания о далекой картине погрома в детстве, когда золоторотцы под влиянием спирта кричали: «Одну субботу дал вам Моисей, другую даст вам Тимофей». Правда, сейчас лозунги несколько изменились; сейчас кричали: «Да здравствует батюшка-царь, бей жидов». В основном же как тогда, так и сейчас, закованная цепями рабства, обезумевшая от царской сивухи темная гольтьба праздновала тризну над разлагающимися трупами «самодержавия, православия и народности». Эта «триада», несмотря на все подпорки поповско-дворянско-полицейской России, волею истории должна была идти на гибель.

Разница между погромом конца XIX века в Стародубе и тем, что происходило 18–19 октября 1905 г. в Новгород-Северске и в ряде других городов «черты», была, разумеется, огромна.

Пусть и теперь, в 1905 г., убийства и погромы, но способные держать оружие рабочие, и не одни еврейские, а братски солидарные с ними русские рабочие, поняли всю хитрую механику «подлой игры» умирающего самодержавия.

По примеру русского студента Блинова в Житомире, погибшего там совместно с боевым отрядом Бунда во время погрома, сейчас, в 1905 г., совместно с еврейскими

пролетариями рука об руку идут и русские рабочие. Пусть еще густа тьма векового невежества, но ясно прорываются зарницы «перед очистительной бурей». Погром мало-помалу затихает. Не помню подробностей, но знаю, что к утру мы, то есть я, Кричевский, Гавриил, Френкель и еще некоторые товарищи очутились в каком-то лесочке за городом. К нам дошли слухи, что усиленно ищут меня. Не может быть и речи о моем возвращении в город: разорвут на куски... То же относится и к Гавриилу. Быстро решаем улетучиться из города. Оставляю в Новгород-Северске все свои монатки и в летней одежке отправляемся с Гавриилом пехтурой из города.

Отходим верст пять какой-то лесной тропинкой. Уже сереет... Мы выходим из кустарника и бредем по шпалам. Оглядываемся назад, еще видно зарево пожара. С понурыми головами шествуем вперед, считаем верстовые столбы. Устали. Заходим в сторожевую будку на 23 версте. Движения поездов нет, но сторож о чем-то смутно слышал от проезжавших из города крестьян еще вчерашней ночью.

Мы рассказываем, что идем в Семеновку пешком, так как нет поездов, а нам надо в Семеновку.

Напились, отдохнули в Костобобрах, добрались до Семеновки, проделав таким образом 56 верст пехтурой.

13. Погром в Семеновке

Усталые и голодные мы прибыли в местечко и остановились здесь у одного либерала, родственника Давидова, Хейфеца. Узнав от нас о Новгород-Северских событиях, гостеприимный хозяин сильно заволновался, опасаясь за судьбу своих родственников и дочери-гимназистки, учившейся в последнем классе Новгород-Северской гимназии. Мы его поспешили успокоить, так как нам было известно, что она в сохранности сидит в уцелевшем доме Давидова.

Пожуривши нас за рискованные действия, хозяин стал беспокоиться и за нашу судьбу. Мы поняли, что дело не в нас, а в его трусости за собственную судьбу. После первой ночевки нужно было оставить его в покое. Но куда идти? Здесь был наш приятель Суховерхой. Мы едва отыскали его квартиру. Он только что вернулся из Новозыбкова и там на станции узнал, что по всему Югу вплоть до Киева и Одессы, а равно и Северо-Западу широкой волной разлились еврейские погромы.

Сколько было подобрано трупов в Киеве, Одессе, Александровске и т. д., никогда не будет известно. В этой борьбе падали не только и даже не столько организованные революционные массы, сколько темная, пьяная толпа, а порой и невинные крестьяне, сражавшиеся по кличу лихих черносотенцев в города, чтобы здесь, в бездне крови, чем-нибудь нажиться на пепелище погромов.

Так в родовых муках появлялось на свет уродливое дитя «куцей» конституции 17 октября 1905 г. Особенно дорого «манифест 17 октября» обошелся глухой провинции.

В этом после Новгород-Северска мне пришлось убедиться через три дня в Семеновке, а затем в родном Стародубе и, наконец, в Гомеле.

В Семеновке мы устроили общее собрание существовавшей там организации среди сапожников. Ознакомив собрание с событиями, накануне происходившими в Новгород-Северске, я узнал от товарищей, что местные власти – становой пристав и урядники со стражниками – готовят кровавую баню и здесь. Очевидно, мелкая полицейская сошка не хотела отставать от более крупных царских держиморд.

На собрании мы решили дать отпор. В эту ночь я остался на ночлеге в здешней конспиративке. Наскоро заготовили гектограф, набросали краткое воззвание «К населению» с разъяснением царского манифеста и смысла тех событий, которые сейчас же последовали за манифестом. В местечке было одних только сапожников-кустарей 12 000. Воззвание кончалось горячим призывом к рабочему населению «не пачкать свои руки в братоубийственной бойне и погромах». «Царское правительство, – говорилось в воззвании, – трепещет пред мозолистой рукой пробуждающегося рабочего класса, и потому старается кулаки народа, готового разрушить трон и свергнуть помещиков, направить против евреев в России, против армян на Кавказе и против поляков в Польше. У всех же народов России, живущих своим трудом, один враг. Этот враг – царь, помещики и капиталисты. Долой врагов народа, да здравствует братская солидарность всех трудящихся! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Вот приблизительное содержание воззвания, которое мы напечатали в 250 экземплярах. Дальнейшие оттиски были бледны, а потому решили 250 листовок расклеить по всем заборам местечка.

Утром пришли распространители и разбились по улицам. Кучки населения начали собираться вокруг расклеенных прокламаций, и мы с Суховерховым, наблюдая за этим движением, радовались, что труды наши не пропали даром. Но к вечеру где-то на окраине столкнулись две кучки противников и защитников «манифеста», а в результате – ожесточеннейший погром с несколькими убийствами. Только осенний проливной дождь на этот раз остановил кровопролитие.

Грязища до колен, образовавшаяся на следующий день в немощном местечке, была смешана с кровью. Хулиганы в этой свалке потеряли до 10 человек, тогда как среди боевиков было несколько тяжело раненых холодным оружием и найдено было несколько еврейских трупов в разгромленных домах.

Оставаться в этой глухой дыре, охваченной ужасом пережитого, не хотелось. Расставшись с товарищами, я пробрался на вокзал, чтобы поехать в Новгород-Северск, хотелось осведомиться о результатах погрома.

Началось движение поездов, и нужно было подождать добрых три часа до поезда, идущего из Новозыбкова в Новгород-Северск через Семеновку. Воспользовавшись длительной остановкой поезда, идущего из Новгород-Северска, я зашел в вагон, чтобы

отыскать знакомых товарищей – новгород-северцев и узнать о судьбе оставшихся. Навстречу мне Равич и Михаил, то есть те лица, из-за которых я поплатился кутузкой в первый же день моего приезда в Новгород-Северск. Обнявшись с ними, я немедленно начал их расспрашивать, какими судьбами они очутились вне стен тюрьмы и что слышно в городе. Они жестоко раскритиковали наш образ действий, не останавливающийся перед вызовом «еврейских беспорядков».

«Нужно было учесть настроение города, – говорили они, – и не вылезать на открытом митинге с оскорблениями царя. Не надо было звать освобождать тюрьму» и т. д., и т. д. Целый ряд упреков посыпался на мою голову, что было очень обидно, но в общем товарищи нас все-таки похвалили за смелый и широкий размах революционных действий, всколыхнувших весь город: «Будут помнить Ямбо», – говорили они шутливо. Потом сообщили, что после погрома много публики было арестовано, а «Ямбо» ищут «днем с огнем». «И не вздумай туда возвращаться, это просто будет безумие! Найдут и живым не оставят...».

О себе же и других политических заключенных сообщили, что они были освобождены в результате особого высочайшего указа об амнистии, последовавшего по проекту Витте 21 октября 1905 года.

– А как выглядит город? – спросил я.

– Хотя и здорово потрепан, но уже принимает обычный вид, лишь кое-где дымится пепелища домов.

Мне оставалось ехать с Равичем в другую сторону, то есть на Новозыбков, что я и сделал.

14. По полесской дороге

Новозыбков был тогда оживленным городком, где события отражались более выпукло, чем в окружающей провинции. Являясь узловым пунктом Полесской дороги и подъездного пути, он вместе с тем представлял район хлебной торговли и имел несколько промышленных предприятий.

Здесь уже чувствовалось подлинное биение пульса; пролетарского движения. В Новозыбкове был стачечный комитет железнодорожников, влиявший на протяжении пути до Новгород-Северска, а по Полесской дороге – до Клинцов; здесь часто выступал тов. Владимиров или «Лева», как его звали по всей Полесской дороге; здесь была хорошо налаженная организация, связанная с Полесским комитетом РСДРП.

Осведомившись в Новозыбкове о положении дел, мы несколько повеселели. Ясно стало, что революционное дело идет по восходящей линии. Движение поездов исключительно зависит от стачечного комитета, устраивающего митинги в районе вокзала и около депо. Нас заинтересовали некоторые дельцы, коммивояжеры и другие пассажиры первого класса, которые в свою очередь устроили характерный «митинг» протеста. Этот

спекулятивный люд никак не мог примириться с положением, заставшим его недели две тому назад в дороге: вдруг остановились неожиданно поезда и погасли топки паровозов; пассажиры высадились на станциях и начали выжидать у моря погоды.

Публика эта спешила в разные концы России и вдруг – стоп машина. Баста. Дальше не повезли. Железнодорожники заявили: «Раньше повезем представителей народа в Учредительное собрание, а потом всех остальных».

Конечно, весь этот «деловой» люд вначале также праздновал «манифест» и был за реформы, что и говорить, но ведь это же черт знает что – сидеть где-то в медвежьих углах Злынки-Добруша-Песчаного-Унечи и т. п. и не знать, когда же будет конец ожиданию!

Пробовали они бунтовать, сделали попытку даже идти на подкуп, но ничего не помогло. «Сидите и кормитесь за счет дороги и не рыпайтесь», – заявляли им представители стачечного комитета.

– Нужна нам эта кормежка! – возмущались торгаши.

И вот разными путями, частью пехтурой, частью на подводах, эта публика стянулась к Новозыбкову, где можно хоть чего-либо добиться. Началось слабое движение поездов, но увы, в первую очередь пропускают-то не их с сытыми физиономиями, а совсем иную публику. Это их возмущает, и они выражают недовольство, но на них никто внимания не обращал. Было не до них.

Появились газетчики. Беру первый номер «Новой жизни» и «Начала»¹².

Неужели?! На самом видном месте в заголовках газет: «Российская социал-демократическая рабочая партия», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Да ведь это победа, подлинная наша победа! Моментально расхватываются номера газет. Нет сомнения, пролетариат победил!

Отправляюсь дальше в Стародуб. Но еще на станции Унеча узнаю зловещие новости: в Стародубе погром. Многие остались без крова, многие дома сожжены. Приезжаю в город. Нахожу отца в тревоге – полная неуверенность в завтрашнем дне. Еще дымятся пепелища. Жуткая тишина. По ночам в городе ни одного фонаря. Но как же наши ребята здорово и храбро сражались! – рассказывает мне тов. Подольный. Есть, правда, с нашей стороны двое убитых в бою, есть несколько серьезно раненых, есть множество и легко раненых, но зато и черной сотне здорово досталось. Убитых грабителей и полицейских успели без шума похоронить. А затем к исправнику Максимовскому явились жены убитых «героев» и спрашивали, где их мужья, которых полиция «пригласила по зову его высокоблагородия». Обычная картина... Думали одно, а вышло другое. Кто их знает, где их кости валяются? Только знает ночка темная. Наверное, были выданы единовременные пособия из особых сумм, тем дело и кончилось.

Живу в городе несколько дней. Хотя городок снова в пепле, обломках и крови, но настроение крепнет. События в столицах и промышленных городах развиваются все шире

¹² «Новая жизнь» и «Начало» – первые легальные газеты РСДРП.

и глубже. Никакие потоки крови не могут остановить начавшегося пробуждения. На знаменах демонстрантов самые яркие требования и лозунги. А «Начало», «Новая жизнь» и поток всяких юмористических журналов с карикатурами на министров Витте, Трепова, Победоносцева и самого Николая точно кнутами бичуют. Роковой гнет подорван, разоблачаются махинации шайки министров, пробуждаются к новой жизни!

Не сидится в Стародубе. Еду в Гомель. Здесь узнаю про несчастье в Речице, где погиб один из храбрейших боевиков, Лейба «Страдалец», с отрядом во время схватки с громилами. Жизнь там бьет ключом. «Биржа» точно пчелиный рой гудит от напряженного настроения. Читают газеты, мигом вспыхивают демонстрации, в мастерских осуществляется явочным порядком 8-часовой рабочий день. Гомельские организации фактически объединены. Нет бундовцев, искровцев, – все объединены. Готовятся к новым решительным действиям. Кожевник Шая Бейгер – выросший из массы рабочий-интеллигент – читает реферат о текущем моменте. Он бичует манифест – куцую конституцию, и зовет к сплочению. Приезжает «Борис» (тов. Рафес). Талантливый оратор, он собирает колоссальные митинги. Его слушают всюду: в синагоге, в железнодорожных мастерских, в столовых. Но революционное подполье по инерции продолжает жить своей жизнью. Полиция временно бездействует, отступая на задний план перед поднявшимся шквалом революционной волны, и как будто бояться нечего, а все-таки боевую организацию в подполье следует сохранить полностью.

Собираемся в той же знаменитой «Швейцарии», то есть во рву, где черт ногу сломит, на «Кавказе» и в «Америке».

Приближаются декабрьские события в Москве. Из столиц идут разные слухи, посылаются директивы. В конце ноября вспыхивают вновь забастовки на железных дорогах и телеграфе, но уже частичные. На этот раз сильнодействующее средство менее удачно. Правительство уже несколько опомнилось и при повторении забастовки пробует ее сорвать, призвав на помощь военно-топографические части. Так было и в Гомеле.

Городские рабочие, разумеется, всемерно поддерживают железнодорожников и тоже бастуют, но рост движения приостанавливается.

С затаенным дыханием провинция ждет вестей из Москвы, где исход классовой борьбы являлся решающим для всей России. Следим за развивающимися там событиями. Телеграмма в нашей Гомельской социал-демократической газете, где редактором был покойный тов. Владимир «Лева», извещает о строящихся там баррикадах, о восстании на Пресне, о предпринятых шагах правительства. У нас идут непрерывные собрания. Готовятся к решительной борьбе, строятся планы о захвате городских учреждений и предприятий. Горячие головы призывают к немедленным действиям. Умеренные ждут почина Москвы. День-два и увы, узнаем о разгроме баррикад, о падении Пресни.

Реакция начинает поднимать голову. Но никто не хочет сдаваться. Роковой удар по революции еще не так был ощутителен в провинции. «Биржа» по-прежнему шумит, как

улей. По поручению объединенного комитета объезжаю мелкие пункты Гомельского района, доезжаю до Брянска, собираю рабочих, выступаю, но уже чувствую, что дело идет на убыль. Организуются карательные экспедиции Дубасова, Римана, Пантелеева, Орлова. В районе, где меня знают, нужно ходить днем с оглядкой и не засыпать спокойно на ночлеге.

Возвращаюсь в Гомель. Передаю о положении в районе. Меня посылают организовать рабочих на пенькотрепальных и щеточных предприятиях и, кстати, подготовить публику к встрече годовщины 9 января, к которой усиленно готовятся объединенные организации. Газета наша уже закрыта. Выпускаются прокламации с призывом к политической забастовке протеста в этот день.

Накануне вечером «биржа» полна народу. Часть «биржи» перенесена на главную Румянцевскую улицу. Полиция негодует, но не решается вступить в открытый бой.

9 января бастует большинство рабочих, но магазины кое-где открыты. Тогда наш боевой отряд разбивается на группы и ходит по магазинам снимать с работы служащих и требовать закрытия магазинов. Начинается паника. Полиция, напав на мирную праздничную публику, начинает разгонять демонстрантов. Девушка-сионистка стреляет в околоточного и убивает его наповал. В ответ на это полицией производятся массовые аресты рабочих. В участках идет избиение. Некоторым проломлены черепа. Раненые перевезены в больницу, многие там и умирают. Брожение принимает стихийные формы. Через три дня ночью на Замковой улице убит пристав, руководивший избиением 9 января.

Напряжение достигает крайних пределов. В городе носятся слухи о предстоящем погроме. В эти дни в отряд ингушей, разгонявших демонстрантов, с балкона дома брошена бомба, разорвавшая в клочья несколько казаков.

Предводитель местной черной сотни – немец Швант – рвет и мечет. Революционные организации выпускают экстренные листки о непричастности своей к убийству пристава. Как оказалось впоследствии, пристав был убит сыном гробовщика-студентом, брату которого в день 9 января был проломлен череп в участке. Боевой отряд беспрерывно заседает и готовится к отпору на случай погрома.

15. Второй гомельский погром

И последний, самый ужасный из пережитых мною погромов не заставил себя долго ждать. Разразился он на третьи сутки после убийства пристава, в день похорон последнего. Весь гарнизон, казачьи части и черная сотня под предводительством Шванга, провожая похоронную процессию, вели себя вызывающе и заставили массы насторожиться. Напряженное настроение этих дней побудило, разумеется, все организации стать на ноги, и небольшие отряды, разбившись по десяткам, дежурили в разных пунктах города... Интенсивно работала типография, печатая листки в увеличенном

количестве экземпляров, которые распространялись в самом Гомеле и пригородах. Силы стягивались с обеих сторон, и чувствовалось, что будет кровавая баня. Так оно и случилось.

После «салюта» на могиле павшего полицейского «героя» и соответствующей речи полицеймейстера Хлебникова казаки рассыпались по улицам города. И началась кровавая вакханалия.

Наши «десятки» на этот раз со своими смит-вессонами да бульдогами и немногими браунингами были совершенно бессильны; ибо это был настоящий казачий погром. Мы не могли противостоять озверелой силе кавалерии. Единственное, что мы порешили на сборном пункте, это защитить женщин и стариков. Но воспрепятствовать разгрому магазинов, поджогам и грабёжам – этого, конечно, мы не могли. Еще одно, в чем мы поклялись, это не отдаваться живыми в руки...

Ужасов, пережитых в этот день 12 января 1906 г., мне никогда не забыть. Наш десяток находился на Кузнечной улице. В дом, являвшийся нашим пунктом, собрались старики и молодые девушки, из коих некоторые были невестами бойцов. Было досадно держать револьвер в руках и не сметь действовать. Но таково было распоряжение руководителей обороны. Ждали, пока сами казаки нагрянут, и тогда начиналась перестрелка в том или ином пункте города. Эти пункты превращались в своеобразные крепостные форты, в стенах которых скрывались безоружные.

Казаки занялись главным образом грабёжом магазинов и беспорядочной стрельбой вдоль улиц. Как и в других местах, пьяные шайки громил-черносотенцев точно шакалы нападали на магазины Новаковского, Лунца и других и, разгромив магазины, поджигали помещения. Красная ночь в Гомеле была страшнее многих других, пережитых мною, ночей, тем более что мы не могли действовать. Шванг и его шайка «работали» под прикрытием казачьих банд. Некоторые девушки нашего десятка из боязни изнасилования брали слово от своих женихов, что, в случае нападения казачьих банд, они, невесты, получат смерть-избавительницу от своих женихов. Убито было случайными выстрелами человек 12 на Румянцевской и других улицах. После кошмарной ночи погром продолжался еще утром, а шайки, переодетые в новые костюмы, цилиндры, взятые из магазинов, плелись пресыщенные и пьяные в свои углы. Часто по пути застигала карающая пуля лазутчиков наших отрядов. Наконец, терпение лопнуло, поднялись железнодорожные мастерские и сплошным фронтом прекратили поток и разграбление, перебили некоторых бандитов. Жизнь в городе понемногу началась вновь. Тогда перед глазами обывателей, вылезших из подполья и из-под разных прикрытий, развернулась страшнейшая картина борьбы. Много убитых молодых революционеров. На улицах трупы грабителей, напяливших на себя по несколько костюмов и шуб. На женщинах-проститутках шелк, меха и пр.

Таков был ответ начинавшейся реакции на первую годовщину празднования 9 января.

Когда все улеглось, я и Илья Бобовников (старый бундист) немедленно принялись за дело. Свежеотпечатанные листовки в двух ящиках нами были вывезены на линию в страшные дни паники. Мы отправились снова собирать силы по району. Ввиду начавшихся смиренных экспедиций после Пресни, настроение во многих пунктах было сильно подавлено. Всюду ожидался то Дубасов, то Орлов или Пантелеев. Нужно было скрыться на некоторое время. Но где же? И тут нам сослужила службу деревня. Мы рассеялись по деревням, где побывали карательные экспедиции и «обрабатывали» их.

Аграрные беспорядки особенно дали себя знать в Стародубском уезде: в волостях Холеевской, Гриневской и др. Целые деревни брались под стражу за самовольную конфискацию помещичьего добра, земель и т. д. Начался период Булыгинской, а затем и «Первой Государственной думы». Мы, согласно директивам центра, решили активно ее бойкотировать, т. е. срывать предвыборные собрания, агитировать избирателей за бойкот и пр.

Я поехал в Погар (заштатный город Черниговской губ.), чтобы там провести бойкотистскую кампанию. С места в карьер попадаю на доклад сиониста-«социалиста» Ошерова и вступаю с ним в словесный бой. Вдруг шум, крики... Нагрянула полиция на конспиративку. Гаснет лампа, и в темноте мне удается исчезнуть.

Переночевав в Погаре и оставив соответствующие директивы, я сажусь на поданную мне подводу и еду дальше. Но увы, на дороге полиция меня задерживает и тащит в кузовку. Пристав Попенако уже знает, с кем имеет дело, и временно выдерживает меня в клоповнике. В участок приходят ребята и говорят, что можно улизнуть, тащат городовой водку. Я против бегства. Зачем бегать без толку? Я предлагаю воздействовать на пристава. Ему заговаривают зубы, а я тем временем толкую с городовым о том, о сем, и в результате избирательные списки, бюллетени и бланки, присланные в полицию для соответствующего распространения избирателям, летят в печь под плитой. Попенако, получив некоторый куш, препровождает меня в Стародуб с надписью на открытом листе: «за бесписьменность». По удостоверению личности меня освободили.

Это было в начале марта, но поработать пришлось недолго, так как вскоре я был арестован и посажен в Стародубскую тюрьму за новгородсеверское дело.

ИЗ ПОСТУПЛЕНИЙ

В САМАРСКУЮ ОБЛАСТНУЮ УНИВЕРСАЛЬНУЮ НАУЧНУЮ БИБЛИОТЕКУ

Анфертьев И.А. Политическая биография правящей РКП(б) – ВКП(б) в 1920–1930-е годы: критический анализ: монография. М.: Инфра-М, 2019. 321 с.

В монографии дан критический анализ деятельности правящей РКП(б) – ВКП(б) в 1920–1930-е гг.: обстоятельств отказа от политики «военного коммунизма»; возрастания властных полномочий партийного аппарата; ликвидации многопартийности; положения крестьянства; борьбы за власть в высшем партийном эшелоне; формирования системы внутрипартийных репрессий и ужесточения дисциплинарных наказаний.

Архив новейшей истории России: записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве, март–октябрь 1917 г.: в 2 томах: Т. 2: Июль–октябрь 1917 года / под общ. ред. С.В. Мироненко. М.: Росспэн, 2019. 412 с.

Настоящее издание является вторым томом документальной серии, включающей записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве и материалы к ним. Том содержит полный текст всех сохранившихся записей хода заседаний Юридического совещания за июль–октябрь 1917 г.

Бубликов А.А. Русская революция: (ее начало, арест царя, перспективы): впечатления и мысли очевидца и участника. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2018. 222 с.

Автор последовательно описывает события первых дней Февраля, рассуждает о причинах переворота, менталитете россиян, анализирует решения Временного правительства, приводит данные об изменениях заработной платы и производительности труда, рассматривает международное политическое положение после Первой мировой войны.

Вознесенский А.Н. Москва в 1917 году. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2018. 302 с.

В своих записках о днях революции автор удачно сочетал качества мемуариста и историка-повествователя, поэтому наряду со многими ярко переданными эпизодами его книга заключает в себе систематический обзор крупнейших событий 1917 года в Москве и Петрограде.

Ганин А.В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России, 1917–1922: исследования и публикации архивных материалов. М.: Старая Басманная, 2018. 271 с.

В монографии известного специалиста по истории Гражданской войны в России и русскому офицерскому корпусу первой четверти XX в. доктора исторических наук А.В. Ганина впервые на основе документов российских и зарубежных архивов проанализирована роль офицерства в создании противоборствующих армий Гражданской войны.

Долгилевич Р.В. Западный Берлин и советская дипломатия (1963–1969 гг.). СПб.: Алетейя, 2018. 244 с.

Данная работа представляет собой синтез ранее опубликованных автором монографий, статей и иных материалов по западноберлинской проблематике 1963–1969 гг. Основной документальный источник монографии – материалы Архива внешней политики Российской Федерации, многие из которых впервые введены автором в научный оборот.

Епатьевский А.В. Голубая дивизия: военнопленные и интернированные испанцы в СССР. СПб.: Алетейя, 2018. 266 с.

Монография о Голубой дивизии – это попытка рассмотреть историю пребывания в СССР военнопленных и интернированных испанцев на основании опубликованных испаноязычных и российских, в основном архивных, источников.

Захаров А.М. «Двоюродные братья»: славянские добровольческие вооруженные формирования в России. СПб.: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2019. 493 с.

Монография посвящена истории создания и деятельности славянских добровольческих вооруженных формирований в России в годы Первой мировой и Гражданской войн.

Зензинов В.М. Из жизни революционера. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2018. 187 с.

Владимир Михайлович Зензинов – российский политический деятель, эсер, организатор терактов, один из руководителей Декабрьского восстания 1905 года в Москве, публицист, автор этнографических исследований. Во время Февральской и Октябрьской революций находился в Петрограде, был избран членом Учредительного собрания. Книга «Из жизни революционера», изданная в Париже в 1919 году, вызывает интерес не только как компетентный взгляд на переломные моменты истории, но и как увлекательный рассказ о незаурядной жизни автора, богатой приключениями, встречами, рискованными ситуациями.

Историография Гражданской войны в России: исследования и публикации архивных материалов / отв. ред., сост. Д.С. Московская. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 559 с.

Сборник документов впервые вводит в научный оборот архивные материалы Отдела рукописей, Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН и РГАСПИ, посвященные событиям и героям Гражданской войны.

Мальков В.Л. История межгосударственных отношений России и США в XX веке: монография. М.: Юрайт, 2019. 422 с.

В монографии рассмотрена система и своеобразие российско-американских отношений в XX в., цикличность этапов конфронтации и содействия друг другу в отношениях России и Америки. Автор описывает особенности изменений в отношениях двух стран в непростой век революций, мировых войн и ядерного противостояния, обращая внимание также и на связанные с ними проблемы духовности, мироощущения народов как культурных общностей, понимания сходств и различий.

Махнырев А.Л. 30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции? М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 160 с.

Книга историка Антона Леонидовича Махнырева на основе многочисленных архивных материалов, впервые введенных в научный оборот автором, представляет те идеи и образы, которые несло в себе празднование 30-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции, и то, каким изменениям был подвергнут сталинский «проект памяти» о революции к 40-летию Великого Октября – в переломное для страны хрущевское время.

Микуленок А.А. Российская эмиграция в Польше: социально-экономическая, общественно-политическая и культурная деятельность, 1917–1939 гг.: монография. СПб.: Алетейя, 2018. 208 с.

В монографии рассматривается положение российских эмигрантов в Польше в межвоенный период. Анализируются причины и способы исхода русскоязычного населения в Польшу, правовое и социально-экономическое положение как самих эмигрантов, так и непосредственно русскоязычного населения.

Омское правительство. Совет министров. Журналы и стенографические отчеты заседаний Совета министров Российского правительства А.В. Колчака, ноябрь 1918 – декабрь 1919: сборник документов: в 3 т. / отв. ред. Б.Ф. Додонов. Т. 1–3. М.: Кучково поле, 2018.

Сборник документов «Журналы и стенографические отчеты заседаний Совета министров Российского правительства А.В. Колчака» является первой публикацией стенографических отчетов заседаний Совета министров означенного правительства. В данном издании приводятся все стенографические отчеты за период с ноября 1918 г. по декабрь 1919 г., сохранившиеся в фонде Совета министров (ГАРФ. Ф. Р-176).

Политбюро и «вредители»: кампания по борьбе с вредительством в сельском хозяйстве СССР: сборник документов / под общ. ред. О.Б. Мозохина. М.: Кучково поле, 2018. 845 с.

В сборник вошли документы из Архива Президента Российской Федерации, раскрывающих деятельность Политбюро ЦК ВКП(б) и органов ОГПУ–НКВД по борьбе с «вредительством» в 1930–1939 гг. в период коллективизации, организации совхозов и в годы массовых репрессий.

Россия XX века на страницах испанской прессы и в свидетельствах дипломатов = Rusia en el siglo XX en las paginas de la prensa espanola y testimonios de diplomaticos / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Весь мир, 2018. 314 с.

Книга посвящена формированию образа нашей страны в Испании на протяжении XX века. Используя в качестве источников материалы испанской прессы и воспоминания дипломатов, авторы поставили перед собой задачу исследовать, какой отклик перипетии российской истории получали в Испании, как они влияли на представления испанцев о России и на двусторонние отношения.

Сиверс А.М. Дневник, 1916–1919. М.: Кучково поле, 2019. 598 с.

Дневники генерал-лейтенанта Александра Михайловича Сиверса (1868 – после 1932) представляют собой уникальный исторический материал. Они вносят ясность во многие детали биографии автора. Кроме того, содержат личные впечатления А.М. Сиверса от общения с такими видными деятелями Белого движения, как А.И. Деникин, А.С. Лукомский, И.П. Романовский. Также Сиверсу были известны и представители Красной армии – генералы А.А. Балтийский, П.П. Лебедев, Н.Н. Стогов и др.

«Спасская красавица»: 14 лет в ГУЛАГе агронома Кузнецова / автор-составитель С.Б. Прудовский. М.: АСТ, 2019. 382 с.

Появлению этой книги на свет предшествовали 10 лет поисков, изучения архивов и баз данных, возвращения имен, вычеркнутых в период советских репрессий. Погружаясь в историю своего деда, Сергей Борисович Прудовский проделал феноменальную работу, восстановив информацию о сотнях людей, пострадавших от государственного террора.

Сталинградская группа войск, 1943–1944: документы и материалы / Волгоградский государственный университет, Центр по изучению Сталинградской битвы. М.: Росспэн, 2019. 766 с.

Включенные в сборник документы знакомят читателей с колоссальным объемом работы, который был проделан государственными и военными органами Советского Союза в отношении войск Донского фронта в 1943–1944 гг.

Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 – март 1920 г.): сборник документов / сост. и науч. ред. М.И. Вебер. Екатеринбург: Уральское отделение Российской академии наук, 2019. 271 с.

Сборник документов вводит в научный оборот новые источники о состоянии фронта и тыла колчаковской армии в период военных поражений и крушения белого дела на Востоке России.

Шелохаев В.И. Либерализм в России в начале XX века. М.: Росспэн, 2019. 502 с.

В монографии показана диалектика процессов дифференциации внутри российского либерализма и одновременно консолидации его основных направлений и течений, которые в период Первой российской революции трансформировались в политические партии. В сравнительном аспекте дан анализ содержания либеральных субмоделей преобразования России.